Р-3
Е-154

ИВАН ЕВДОКИМОВ

ЗАОЗЁРЬЕ

РОМАН

II

ГРОЗОВЫЕ ОБЛАКА

С103546

Библиотека В.Г. Белинского
http://book.uaic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

98.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Б
Яв 15

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

ИВАН ЕВДОКИМОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

С АВТОБИОГРАФИЕЙ
И ПОРТРЕТОМ АВТОРА

ТОМ III

ЗАОЗЁРЬЕ

РОМАН В ШЕСТИ ЧАСТЯХ

КНИГА ВТОРАЯ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

„ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Р-3
Е—154

ИВАН ЕВДОКИМОВ

84 Г.1

ГРОЗОВЫЕ ОБЛАКА

АРХИВ

ШЕСТАЯ ТЫСЯЧА

КНИГОХРАНИЛИЩЕ
ОБЛ. БИБЛИОТЕКИ
г. СВЕРДЛОВСК

„ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Р-3

Обложка художника Петра Алякринского
Отпечатано в типографии Госиздата
«Красный Пролетарий», Москва,
Пименовская ул., д. № 16,
в колич. 6000 экз., 18 л.
Главлит № А—16171
MCMXXVIII

СОУНБ им. В.Г. Белинского
http://book.uralsu.ru/

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.unic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

БИБЛИОТЕКА
Свердловского Клуба Строителей
„им. Октябрьской Революции"
Инв. №

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Гаврила Федорович на десятом году своей поруганной любви почувствовал стыд и негодование. До того он был как слепой и подневольный человек. Любовь растопила в нем всякое сопротивление той жизни, какую он вёл. Где-то глухо, внутри, подготовлялась вспышка, порой клокотало сердце, будто бы пробуждалась от забытья сила. Но Гаврила Федорович был еще не готов, еще не накопилась горечь, он еще смутно верил и ждал настоящей, полной и радостной любви. И перед этим обольстительным будущим он забывал о настоящем.

Гаврила Федорович кружил по Заозерью, крепко и ладно направлял свои заводы, лавки, трактиры. Привычная работа была так же необходима ему, как и любовь. Он не мог бы жить без работы.

Гаврила Федорович любовался идущими по Миглеевскому озеру баржами с хлебом, довольно наблюдал за выгрузкой, когда пропыленные с ног до головы, как мельники, суетливо и усердно при хозяине сновали с мешками на спине грузчики. Он любил вечерком одиноко посидеть у амбаров, медленно курил и осторожно ронял пепел себе в ладонь. То, что пепел жёг кожу и его приходилось подкидывать, перемогая легкую и зудящую боль, только усиливало самодовольство Гаврилы Федоровича. Амбары были

СОУНБ им. В.Г. Белинского
http://lookingais.ru/

родны и близки ему. Заботливость о них была обязательна и необходима. Он невольно представлял себе пустыри, которые до него были на месте амбаров, те бросовые и никому не нужные и безлюдные места—и не мог не польстить себе, щурясь теперь на занявшие их опрятные, высокие и стройные деревянные кубы-ковчеги. Амбары были его созданием, его завершенной работой.

Гаврила Федорович ревниво и весело учитывал приказчиков. Торговля его раскидывалась все шире. Сладко и приятно проливалась сквозь пальцы выручка. Гаврила Федорович горделиво и влюбчиво издали прочитывал на вывесках свою фамилию. Он, не жалея денег, заказывал непомерной величины вывески на все свои даже маленькие предприятия. На вывесках, в три четверти их размера, хитрые мастера разгоняли короткую его фамилию жирными горящими буквами, напоминавшими стопочки золотых монет.

Гаврила Федорович ходил по земле уверенно и неторопливо, словно работа заменила ему все другие чувства. Он облысел. И тогда, за сорок, пришла нудная и бередливая грусть. Она настигала его ночью и мешала ему спать. Он испытывал около себя пустоту. Будто его посадили в просторную стеклянную клетку, он видел через стекла жизнь, но был этой жизни чужд и не нужен.

Гаврила Федорович так замкнулся от жизни, так одиноко прожил двадцать лет, что вдруг осудил себя. Раз пожалел утраченную молодость—и не мог успокоиться. Потом любовь к Никанорихе оглушила его, смяла в нем всё и опрокинула через голову. Гаврила Федорович почувствовал в крови какой-то приток новой и волнующей силы. Как будто бы он разбил стенку в стеклянной клетке, вдохнул в себя бодрящий воздух и схватился за жизнь, как и другие, как равный ее участник.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Он скоро горько усомнился. А тогда всё чаще и чаще он уже не испытывал того удовольствия и наслаждения от работы, без которых раньше не проходило ни одной поездки. Дела Гаврилы Федоровича пошатнулись. На него наступали и Лафтаков и Никуличев. Они как-то осторожно обнимали его за спину и с дружеской лаской отнимали у него то одно, то другое место, сманивали у него приказчиков, успевали доставать откуда-то дешевле товары, играли на ценах. Гаврила Федорович стал реже выезжать, застревал от тоски и лени на постоялых дворах или беспросыпно кутил неделями. Работа становилась противной и обременяющей.

От редких хозяйских наездов дело повалилось. Приказчики воровали, товары приходили запоздало, их недоставало, покупатель отвыкал и шел к Лафтакову, к Никуличеву, где его обхаживали и ублажали. Гаврила Федорович видел, понимал, но в нем не было прежней цепкости, сноровки—и он кое-как, лениво тянул гуж. Он иногда внезапно пересчитывал свои скудеющие средства, напрягался, а потом, сморщившись, не хотел думать об этом, безразличный и спокойный к убыткам.

Беда надвинулась нежданно. Разбило хлебный караван. Лафтаков и Никуличев вывезли хлеб во-время по ровному и кроткому, как лужа, Миглеевскому озеру. Гаврила Федорович пробирался, упустил время, и баржи повели в бурю. Гаврила Федорович взметнулся, воспрянул, но было уже поздно. Недобрая молва о Рысине добралась к рыбинским хлебным оптовикам. Гавриле Федоровичу не удалось получить новый хлеб. Рысин не обернулся с деньгами, в долг ему не поверили—и амбары его запустовали.

Разбито он ехал из города в Подберезье. Всю дорогу необъяснимо откуда-то поднималось в нем требовательное и злое раздражение против Никанорихи. Он всегда рвался

Собрание им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

к ней из долгой отлучки. Как бы таясь от самого себя, он нанимал станционных лошадей, считал верстовые столбы, мечтал скорее проехать вон тот перелесок, другой, добраться до Кобелева и, наконец, увидать Подберезье. Сердце его будто бежало впереди лошадей. Оно так нетерпеливо и непоседливо билось, что Гаврила Федорович иногда казался себе еще Гаврюшкой, когда он с отцом возвращался из города домой и рвался к своим сверстникам. Он не чувствовал унылых лет за плечами, сморщенных рук и гладкой своей зябнущей головы. Все ошибки, все неудачи забывались, были так же малозначащи, как вылетающие из-под колес искры.

Сегодня он упорно винил за все свои убытки, позор и обиды Никанориху. Встреча с ней была даже ненужна. Он ехал в Подберезье словно поневоле. Он часто задумывался—не поворотить ли обратно? И сразу начинал почему-то торопиться. Ему тогда приходило на ум, что надо было высказать ей о всей той напрасной муке, которую он переносил от нее десять лет. Высказать—и уехать навсегда и направить свою разминувшуюся с ней жизнь по-другому. Гаврила Федорович злобно решил, как она удивится, как пожалеет его, но он не простит, он неумолимо отвернется от нее. Пусть она даже заплачет, но он не может забыть унижений, насмешек и издевательств.

Уже торжествуя, победив ее, наказав, Гаврила Федорович мрачно свернул к Подберезью. За густой рожью, вдали, за угорьем, после того как Рысин ближе подвинулся к деревне, залопотали настойчивые колокольцы. Гаврила Федорович очнулся от своей молчаливой победы над Никанорихой, взглянул, дрогнул и растерянно опустил вожжи...

Навстречу бежала пара лошадей. По тесному и узкому проселку тарантас накренило. Пристяжная отрывалась от

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.vsgale.ru/

коренника, была ему по брюхо и скакала в канаве. Она тянула тарантас к себе. Ямщик, наклонившись, старался не спустить коренника с колеи. Гаврила Федорович узнал Никанориху. И тревожно выпрямился, следя за тарантасом. У Рысина был теперь только страх, чтобы ее не вывалило. Он решил задержать пару—и не своротил.

— Прочь! Прочь!—орал подвыпивший ямщик.

Кто-то вскочил у него за спиной и грозил кулаками Гавриле Федоровичу. Никанориха бесстрашно перегибалась на сторону и заглядывала на него. Лошади столкнулись. Гаврила Федорович сошел на землю и медленно, нахмурившись, подходил к тарантасу. Никанориха пьяно взвизгнула:

— Гаврилка, милый! Подь, подь!

Она обвила его шею, сильно дернула его к себе и впилась губами в левый глаз. Рысину было больно. Губы его разжались, но он застыл и не освобождался. С хохотом она сама оттолкнула его.

— Тьфу! Тьфу! Какой противный соленый глаз! Гаврилка, в губы я не угадала, больно высоко стоишь!

Вдруг она мгновенно перестала смеяться и вспылила:

— Дурак, ты наклониться не мог? Наклоняйся, наклоняйся!

И она, добравшись до его шеи, свирепо было нагнула голову, но Гаврила Федорович рванулся и разжал ее руки. Рядом с Никанорихой он увидал испуганное лицо Сергуньки Никуличева. Ревность затмила ему глаза.

— Желторотый галчонок!—пролепетал, задыхаясь, Гаврила Федорович, не умея оторваться от Сергуньки.

Тот ёрзал на месте и не знал, что ему делать. Никанориха откинулась к нему на плечо, доставала его за волосы и смеялась.

— В-о-н из тарантаса!—дико, сжав кулаки, заревел Гаврила Федорович.

Собрание им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Сергунька покорно отвалился от Никанорихи. Та задерживала его.

— Пусти, пусти,—бормотал он в страхе.

Никанориха покраснела и презрительно толкнула его. Сергунька опасливо вылез и встал по другую сторону тарантаса. Он мельком оглянулся на рожь, словно подготовляясь туда бежать. Гаврила Федорович заметил его блуждающий взгляд. Рысину действительно хотелось броситься на Сергуньку, отогнать его дальше, проучить, высмеять его перед Никанорихой. А та уже вопила, приблизив свои бешеные и оскорбленные глаза к Гавриле Федоровичу:

— Кого в-о-н? Меня?

Гаврила Федорович жалко усмехнулся и пролепетал:

— Сергуньку!

Никанориха расходилась. Она язвительно и дерзко продолжала:

— Ты, Гаврила Федорович, командуй на своем дворе. Заведи себе законную супругу и куражься. Не застуй нам свет! Сворачивай с дороги! Сергунька, залезай! Ж-живо!

Никанориха разъяренно вертелась в тарантасе и кричала уже на ямщика:

— Что ты рассолодел! Гони в объезд! Чего стал, пьяница! Гляди, как старым мужьям достается обрат, а молодым молочко!

Сергунька расторопно влез в тарантас и для чего-то сжал кулаки. Гаврила Федорович, замирая, пережил странную минуту. Ему показалось, что он сейчас должен упасть. Он не мог пошевелить руками, переступить ногами. У него закружилась голова. Тарантас будто оторвался от земли и поплыл в воздухе.

— Рожью, рожью!—вскрикнула Никанориха.

Ямщик рванул по лошадям плетью и направил их в рожь

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Лошадь Гаврилы Федоровича отпрянула с дороги, наставила прямо уши и навела глаз на объезжавшую пару. Теперь лицо у Сергуньки было заносчиво и насмешливо. Он с издевкой снял картуз, помахал им и выкрикнул издалека:

— Наше вам почтение!

Никанориха прильнула к нему. Дразня Гаврилу Федоровича, она обертывалась и глядела на него, приставляя ко лбу ладонь. Резко, поддразнивая, бренчали колокольцы. Дуга постепенно тонула во ржи. Казалось, пара заезжала все глубже в ржаное озеро. Она добралась до того места, откуда Гаврила Федорович раньше услышал колокольцы, и перестала быть видна.

Он немного постоял, с недоумением осмотрелся, как будто заблудился и не знал, куда ему ехать. Лошадь, успокоившись, терпеливо дожидалась, тянула морду к траве и не могла ее достать. Гаврила Федорович вполслуха разобрал звон колокольцов. Они катились по большаку к Моше, замирали, пропадали совсем, словно лошади останавливались, и потом снова вздрагивали тишайшим плеском. Непроизвольно из глаз Гаврилы Федоровича упали, как дробинки, слезы. Он схлебнул их на лету. И тотчас негодование и отвращение к самому себе потрясло его

Он ожил. Быстро завернул лошадь и настегал. Он так спешил, словно за ним гнались и надо было как можно скорее скрыться. Лошадь от непривычных побоев несла. Отскакав верст десять, лошадь начала уставать, оступалась, с нее валилась густая пена. Гаврила Федорович в бешенстве заметил, что лошадь начала прихрамывать. Выбиваясь из сил, вдруг она остановилась и повернула к нему дрожащую морду. Он яростно ударил, но лошадь не двинулась. Он осыпал ее новыми ударами, но лошадь прискакивала, лягала задом и не шла. Гаврила Федорович в

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralsc.ru/

отчаянии вылез из пролетки. На передней ноге у лошади недоставало одной подковы, копыто было разворочено, и в разрубы на нем сочилась кровь. Гаврила Федорович наклонился, осторожно взял коня за ногу и, приподняв израненное копыто, осмотрел. Он жальчиво и виновато погладил лошадь. Она, как бы жалуясь, громко и пронзительно заржала, ткнулась ему в плечо и обмазала его горячей слюной. Он дал передохнуть лошади и начал перевязывать больную ногу носовым платком. Он накрепко перетянул ее повыше копыта, и лошадь пошла ковыляющим шагом.

Гаврила Федорович не садился. Он шел рядом, держась за оглоблю. И словно так ему было удобнее думать над своей неодолимой и поруганной любовью, над всей своей неказистой и неудачной жизнью. Ему представилось, что потерянная подкова именно сегодня, а не в какой-то другой день, свидетельствовала о том, как он был несчастен в жизни.

К самому вечеру он еле-еле добрался до Подстаницкого постоялого двора и решил заночевать. Заворачивая на двор, Гаврила Федорович внезапно с пронзающей ясностью и грустью сознал, что ему некуда торопиться, никто его не ждет, и куда бы он ни приехал, и где бы он ни находился, он везде будет одинокий и заброшенный, как на этом постоялом дворе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Как только Гаврила Федорович вошел на постоялый двор, он отыскал глазами стул и сел. Он не испытывал никакого неудобства, что сидел на неположенном месте посредине избы. Он просто не замечал, где находился. Хозяин искоса прощупал его хитрым и опытным взглядом

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

и пошептался с женой. По неподвижному и замершему лицу гостя они признали его пьяным и не мешали ему. Зная привычки Гаврилы Федоровича, они молча принялись ставить самовар и приготовлять закуску. Они аккуратно обходили Рысина и старались не греметь чашками и тарелками.

Как чудно уселся Гаврила Федорович, так же неожиданно он вскочил, когда на столе заклокотал и зашипел самовар. Хозяйка с испугу даже вздрогнула, а муж тихонько и подобострастно просмеялся, ожидая какого-то нового чудачества от гостя.

— Вот что,—суетливо сказал Гаврила Федорович,—я забыл. Мне надо лошадь перевязать. Копыто не в порядке. Разбила. Продайте мне полотенце. Помягче только, стиранное. И ведро.

Рысин подумал и добавил:

— Я и за ведро заплачу. Ногу ей необходимо промыть.

Хозяйке было жалко отдавать полотенце для лошади. Она это постаралась скрыть и угодливо ответила:

— Я вам тряпочку найду, Гаврила Федорович. Что же полотенчико губить на животное. Ведру ничего не сделается. Не питьевое ведро требуется лошади, а поганое. Платы не за что брать.

Рысин недовольно забурчал:

— Нет, нет. Обвязку надо крепкую и длинную. Пожалуйста, суровое полотенце. Чистое. Ведро хорошенько сначала выполоскать, чтобы не пахло.

Хозяин делал жене знаки, и та неохотно принесла полотенце. Гаврила Федорович вытянул его на руках и удовлетворенно улыбнулся. Тут хозяин предложил ему:

— Может, я бы, Гаврила Федорович, услужил? Лошадей видывали. Дело бывалое. Чаек у вас простынет.

С 103546
6206
СОУНБ им. В.Г. Белинского
http://book.uran.ru
КНИГОХРАНИЛИЩЕ
ОБЛ. БИБЛИОТЕКА
г. СВЕРДЛОВСК

— А, чай,—равнодушно уронил Рысин,—сначала нужно лошадь устроить. Впрочем, помоги мне.

Гаврила Федорович сам вывел из конюшни лошадь. Он бережно поднял больную опухшую ногу. Хозяин подставил полное ведро. Конь, вздрагивая, встал. Рысин стал нежно гладить ногу. Конь повернул к нему морду и робко заржал.

Тут хозяин сообразил, что, приняв Гаврилу Федоровича за пьяного, он ошибся. Рысина расстроило несчастье с конем, так как на каждое конское ржание лицо Гаврилы Федоровича морщилось и делалось тревожным. Хозяину показалось, что между конем и Гаврилой Федоровичем было что-то общее, близкое и похожее. По сдержанному и просящему ржанию коня, по огромным мохнатым глазам его было ясно, что он жаловался на боль, понимал заботу о нем, но боялся новой боли. А Гаврила Федорович что-то бурчал, успокаивая коня.

После того как он несколько раз окунул конскую ногу в ведро, со всех сторон выглядел расщепленное копыто,— он позволил коню встать на траву. Гаврила Федорович ловко, будто в самих его пальцах была заключена любовь, почти не касаясь ран, начал промывать их свежей водой. Он плескал из горсти, попадая в нужное место. Конь поводил мордой и шевелил напряженными ушами. Гаврила Федорович и лошадь словно разговаривали между собой.

Разостлав полотенце, Рысин поставил на него ногу коня, дал тому устояться и медленно, пережидая, принялся тщательно перевязывать. Он как бы спеленал ногу до колена. Хозяин разыскал обрывок тонкой бечевы. Гаврила Федорович перетянул полотенце у чашки, весело мигнул коню и поднялся с колен.

Конь почувствовал себя бодрее. Он пытливо приступил на ногу, помахал ею, благодарно потыкал мордой в грудь Гавриле Федоровичу и фыркнул.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uralsib.ru/

Хозяин с удивлением и сочувствием подумал о Рысине. Тот был всегда и молчалив и суров. Хозяин не предполагал, чтобы Гаврила Федорович мог быть так нежен. Ему стало как-то тепло и приятно стоять около Рысина и непременно захотелось выразить свое одобрение.

— О! Обделали как!—воскликнул он.—Нога как в сапоге!

— Не сбила бы только,—грустно вымолвил Гаврила Федорович,—зачешется—и скинет. Разбередит тогда опять копыто.

Но Рысин был недолго в себе. За чаем он мрачно и сосредоточенно глядел куда-то через стол, небрежно и лениво ковырял закуску, у него простывал стакан. Тогда хозяин третий раз перерешил о Гавриле Федоровиче, не найдя объяснения его горю.

Хозяин припомнил, когда был в последний раз Гаврила Федорович. С тех пор прошло меньше года. Хозяин восстановил в памяти все разговоры, которые слышал о Рысине. Ему показалось, что он начал отгадывать настоящую причину его грусти. Хозяина интересовало состояние его гостя не без цели. Он хотел быть приветливым, понимающим и услужливым. Он верил, что от умелой ласки и догадливости благосостояние его постоялого двора становилось крепче и устойчивее. Во-время угадать, помочь и рассеять печаль у гостя значило заслужить его благоволение, а за благоволением приходила выгода. Обласканный гость платил дороже и чаще заезжал на ночевку, привозил с собой других постояльцев.

Хозяин смекнул, что он уже извлек пользу, помогая Гавриле Федоровичу ухаживать за лошадью. Надо было и дальше действовать так же. Но на все попытки заговорить с Рысиным, тот не поддавался.

Рысин отчетливо и подавленно вызывал перед собой горькую и обманувшую его жизнь. События ее, маленькие для

Собрание В. Г. Белинского http://book.kuraic.ru/

других, для него приобретали огромные и пугающие размеры. Он вдруг с гадливостью к себе изумился жалкому смирению, с каким десять лет прожил с Никанорихой. Тысячи ничтожных ее прихотей, которые он исполнял, показались позорными и обидными. Он, как Сергунька, добивался от нее награды, похвалы, улыбки. Он стыдился своей любви, не смел напоминать о ней. Над ним издевались, помыкали им. Почему же он шутя переносил всю эту муку? Почему он только сегодня кинулся прочь и осудил себя? Но как же он будет жить дальше? Что же ему еще осталось ждать от будущего?

Гаврила Федорович искал выхода—и не находил его. Он словно блуждал в огромном, без окон и без дверей амбаре, шарил стены. Но нигде не было просвета, щели, лазейки. Его бросили в темноту и заставили плутать в ней. У него было неодолимое желание выбраться на свет, но он не знал, как можно было это сделать. Всё вокруг было непроницаемо, неразделимо, заколочено. Что же его еще могло привязывать к жизни?

Гаврила Федорович вразброд пил чай, жевал хлеб, очищал яйцо от скорлупы. Яйцо выскальзывало, укатывалось на пол. Он, не взглянув, начинал чистить другое. Так же вразброд, нечаянно он ярко и болезненно вспомнил нахальное лицо ямщика, повернутое к нему с облучка, когда Никанориха приказала гнать лошадей рожью. Гаврила Федорович пошевелился на месте и покраснел. Эта ямщичья улыбка почему-то засела в сердце с особенной силой.

Гаврила Федорович с негодованием пережил заново свою последнюю встречу с Никанорихой. Он не мог удержаться от внезапного стона. Пересиливая себя, Рысин восстановил несколько раз все подробности встречи. Он ужаснулся.

Со стыдом и раскаянием он начал подавлять в себе и не мог подавить ревнивое чувство. Всё перепуталось,

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://libokuraie.ru/

смешалось, закружилось. Стремительно возникло желание сорваться с места, мчаться в Подберезье, вбежать в дом, броситься на Сергуньку, вытолкать его и долго гнать кнутом в поле. Гаврила Федорович представил крик Сергуньки и сделал за самоваром безжалостное и равнодушное лицо. Он даже стиснул зубы от удовольствия и наслаждения. Сбивавшаяся мысль неотступно упиралась в Сергуньку. Но подумав о больной лошади, Рысин злобно смирился перед неизбежной задержкой в выполнении своего намерения.

Гаврила Федорович, не прощал себе шибки, которую он сделал. Если бы ее не было, он не сидел бы на постоялом дворе в Подстаницах один, не раздумывал бы о том, что случилось. Весело и радостно и тепло сверкала бы лампа в избе Никанорихи, были бы не нужны все эти вонзившиеся в него, как иглы, мысли о какой-то другой, новой, неизвестно для чего воображаемой жизни. Гаврила Федорович запоздало делал то, что надо было бы делать раньше. Надо было через тарантас, через Никанориху, ударить кнутом Сергуньку, ударить по лицу, по голове. Надо было ударить и ее, и ямщика.

Гаврила Федорович, сладостно грезя, видел, как испуганный Сергунька с ревом нырнул в рожь, ямщик виновато замер и застранялся руками, а побежденная Никанориха присмирела. Рысин властно высадил ее из тарантаса. Никанориха подчинилась его власти, молча села с ним рядом в пролетку—и они поехали в Подберезье. Пара с ямщиком и Сергункой остались на дороге. И Сергунька и ямщик не смели ехать за ними. Они навсегда запомнили бы, как их проучил Гаврила Федорович.

Представив все это, Рысин безнадежно ударил по столу ладонью и растерялся, заметив любопытные, остановившиеся на нем глаза хозяев.

Собрание Р. Г. Белинского http://book.uralec.ru/

Гаврила Федорович в смятении, не найдя для себя ни оправдания, ни снисхождения, засиделся. Хозяин, зевая, что-то говорил ему о сне, но Рысин не слушал. Ему было дико и смешно спать, когда каждая капля его тела негодовала, возмущалась, дрожала от запрудивших сердце горьких переживаний.

— Утром уберете посуду!—свирепо крикнул Гаврила Федорович на хозяйку, подошедшую снять со стола самовар.— Я... я не кончил!

Так его за столом и застал кубенский прасол Мухин, приехавший после полуночи. Хотя они знали друг друга издали, но Гаврила Федорович несказанно был рад ему. Давно постоялый двор затих, потемнел. Хозяева уснули. Рысину с его одинокими и безотрадными мыслями одному было жутко. Они так столпились, овладели им, что он боялся сам себя.

Мухин был под хмельком. Едва открылась дверь, изб, наполнилась шумом от его голоса, стуком сапог, кашлем скрипом половиц, будто дверь больше не затворялась и всё подходил и подходил разговорчивый народ. Мухин внес с собой такую жизнь в избу, что Гаврила Федорович сразу же начал рассеиваться. Рысин бессознательно прислушивался, наблюдал и уже подчинялся шумливому и веселому старику. Покуда раздували новый самовар, Мухин вытаскивал из чемодана бутылку за бутылкой, небрежно раздвигал на столе тарелки и, похохатывая, уставлял бутылки одну к другой.

— Пей да дело разумей!—покрикивал он.—Мы их колбаской. Скислись в чемодане от жары. Ха-ха! Мы их бултыхнем! Опробуем, что ли, Рысин, а?

Гаврила Федорович обрадованно подумал, что ему действительно недоставало вина. Он удивился, как ему до сих пор не пришло в голову забыться в вине от своей

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.kuraic.ru/

непомерной печали. Его потянуло к бутылкам. Мухин, не встретив сопротивления со стороны Гаврилы Федоровича, развязно и болтливо поскакивал у стола.

— Угощаю! Всех угощаю! Вино у меня даровое! Я, голубчик, со свадьбы еду, из Нефёдова! Дочку туда сплавил. Хо-о-рошую я дочку вырастил! Ух! Молодец будет баба. Зятек и насовал мне подорожников. Благодарит за жену. Супругу свою Танюшу я им про запас оставил, а сам тороплюсь на дело. Гуляй, душа, а ухо держи по ветру. На вечеру завтра ждет меня в городу безотлагательное дело. Я и тороплюсь, поторапливаюсь. Ха-ха! Тридцать верст откатал. Ха-ха! Третьи сутки в дороге!

Гаврила Федорович усмехнулся. Из всех бутылок было по-разному отпито. Заткнуты они были пробками, бумагой и даже какими-то промокшими в вине тряпками.

— Хозяйка!—взвизгивал Мухин.—Развеселая лебедушка! Скоро ли у тебя чортов котел взопреет? Самовар должен человека слушаться, находиться у него в подчинении. Ежели человек и над самоваром не волён,—тому человеку бородка, бородка! Он, надо быть, никуда, несамосилен и слаб, как птаха!

Старик прошагал, подрыгивая ногами, на кухню, пострекал там по самовару и, смеясь, опять появился в избе.

— Надулся, а толку нет. Щеки у него медные, горячие, а стоит болван-болваном. Пар зажал и не отпускает.

Мухин изобразил, надувая щеки, как стоял упорный и непослушный самовар на кухне.

— А по рюмашке пройдемся?—притопнул ногой старик.— Век живу доживаючи, ни лучше, ни хуже не делается. Стоит свет, как бык, упершись, не сдвинешь его. Человек не так. Он должен дела свои делать крепко и здраво. На-зуб брать. Прыгунчики да поскакунчики сегодня, а завтра чтоб поступь была во всю ступню. Не иди, а припечатывай землю. Рысин, звизданем!

Сочинения В. Г. Белинского http://book.kitaec.ru/

Мухин схватил ножик и громко провел по всему ряду бутылок, подпевая:

— Длинь-дилилинь!

Гаврила Федорович взял бутылку. Старик вырвал у него и закричал в восторге:

— Милашка! Да ты с порожняка начинай! Вот с этой. С остатков. Допьем—и к стороне. Легче моему чемодану. Последний я делаю привал. Конец. Завтра я как стеклышко должен быть. В здравом уме и твердой памяти. А то ведь ты знаешь, какова она жизнь. Голову тебе, простачку, откусят. И не поблагодарствуют. Опрастывай, опрастывай! Будто зубы начнем дергать из роту—бутылка за бутылкой. Я расскажу тебе случай. Воистину не вру. Застудил я раз окаянные зубы. А праздник. Все доктора празднуют. Силы у меня осталось на донышке. Я к одному нахрапом и вломился. Чуть-чуть двери ему не выставил. «Отец родной,—говорю,—ослобони». Он то, се, пятое, десятое. Я неотступно. Молю его и грожу, грожу и молю. Ткнул он меня в свое стойло. «Тащи,—рычу я,—покуда не издох». Он меня и облегчил. Рванул, ровно бы ногу у меня на хрящах повернули в гнезде. Тукнуло у меня в башке. Я рукой в рот. А доктор глаза выпучил. Он мне живой белоснежной зуб выволок. Я доктора, дурак, сам заторопил. Рожу мне свело. Ни сказать ничего не могу, ни шевельнуться. Пальцем я ему и показал в рот. Он обрадел да и высадил мне о ту пору две гнилушки рядом. Прямо вполовину мне рот опростал. По сие время не наздравствуюсь человеку. Запугал мне на весь остальной век полно подполье гусей-лебедей!

Допили первую бутылку. Мухин вознес ее над головой, взвыл от азарта и замер.

— Уважь!—гаркнул он сияющему в сторонке на мухинское веселье хозяину.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

И, не дожидаясь от него согласия, швырнул бутылку в угол, рассыпая ее в мельчайшие зелеповатые брызги. С этой бутылки начали и, отбивая друг у друга, попеременно кидали каждую следующую опорожненную. В углу накапливалось и хлюпало стекло. Когда Мухину не сиделось, и он вскакивал, топтался на полу и двигал с грохотом стулья, осколки словно переливались и журчали.

— Груда мала!—тоненько и визгливо радовался он.— Подбавляй, подбавляй! В убой! В убой! Эй, постоялый двор, тебе, брат, тут клад, клад оставим! Вези Семенкову в Устье-Угольское. Он тебе на золото переплавит брак!

Гаврила Федорович почувствовал опьянение. Он еще в сознании вышел на двор, хотел позвать коня, но никак не мог уже вспомнить его прозвище. Язык трудно и беспомощно выговаривал:

— Лошадь! Лошадь! Конь! Жеребец!

Рысин так и вернулся, не вспомнив. Но он был утешен. Конь узнал его голос и отозвался.

Мухин разошелся и неугомонно веселился. Вино его не брало. Гаврила Федорович неотчетливо, но все привязчивее и придирчивее возвращался к прежним своим мыслям. Веселье старика начинало ему прискучивать. От Мухина не укрылась эта перемена в собутыльнике. Он подсел к нему ближе, обнял его, поцеловал в лысину и, качаясь вместе с ним, вдруг дрябло и трескуче протянул:

— Что, соловушко, не весел, что ты голову повесил? А? Ты, голубая моя, в хандру? У тебя хмелевик? А?

Старик всячески старался развлечь Гаврилу Федоровича, насильно лил ему в рот вино, совал закуску,—и они вместе захлебывались и от вина и от закуски.

— У меня крошки изо рта валятся,—дико и невесело бурчал Рысин,—значит, я скоро умру.

Собрание им. В. Г. Белинского http://bookcase.ru/

— Милый,—ласкал его Мухин,—умрешь, так меньше врешь. По безлюдью смерть не ходит. Не ной его косточка во сырой земле! Ах, Рысин, да ведь и всё так: тяп тяпком—и под белым платком!

К утру они так подружились, что сидели обнявшись и плакали. Мухин уже знал рысинское горе. Тормоша поникнувшего в тоске Гаврилу Федоровича, старик вооду-шевленно и скрытно спрашивал у него:

— И что же ты думаешь, Рысь, делать? А?

Рысин бешено хлопал ладонью по столу и вопил:

— Я не знаю! Я не знаю! Я не знаю!

— А я знаю!—поддразнивая, шептал Мухин.

Гаврила Федорович недоверчиво и презрительно усмехался.

— Моя шкура знает, каково ей, каково ей, негоднице! А больше никто. Мы таковские, таковские! Эх! А только я не спущу бабе. Я расплаты, расплаты требую! Я, старик, вырву у ней горло! Я на ней узоры напишу! Я ее разрисую! Довольно, довольно я ходил в седле! Не-е-т! Я был прилежный дурак! Будет! Будет!

— Ту, ту, ту,—язвил Мухин,—брось, Еруслан Лазаревич! Ты думаешь—худая жизнь уйдет, а привяжется хорошая? Не дождаться! Любовь не у изголовья сидит, а во всем нашем неразумном теле. Любовь с ногтя на ноге начинается, а кончается повыше головы. Любовь у человека—как пузырь у рыбы. Раздави пузырь—и не плавать рыбке.

Старик отталкивал Рысина и важно, поднимая указательный палец, возглашал:

— Гаврила Федорович! Не стращай! Вся твоя хоробрость на людях, драгоценный мой! Зна-а-ю, зна-а-ю! Мухин знает, что поможет тебе. Как рукой снимет болезнь. Сызнова полюби, Рысин. Любви гладкой да ровненькой, как гумно,

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

не бывает, не бывает! Никанориха у тебя в кости ломит!

Они допили все вино, перестали видеть друг друга и, шарашась по избе, разбрелись в разные углы.

— Я, я тебя образумлю!—бормотал, засыпая, Мухин.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Гаврила Федорович проснулся, многое перезабыв из того, что было накануне. Он не сразу узнал старика, чистенького, свежего, с приглаженными мокрыми волосами. Мухин аппетитно пил чай, закусывал. Казалось, он только что приехал, помылся и почистился с дороги, очень проголодался, и его долила жажда. Он напоминал собою человека, много и споро работавшего, довольного работой, заслуженно позволившего себе отдых.

Когда они вместе двинулись с постоялого двора, Гаврила Федорович, понемногу восстанавливая вчерашнее, понял, что старик ничего не забыл, подсказывал ему, подталкивал его и старался завести разговор. Лошадь Рысина хромала. Он привязал ее к задку мухинской пролетки, а сам поместился рядом со стариком. Рысин позавидовал той бодрости, которой так и сверкал Мухин. Лицо у него было выспавшееся, чуть розовевшее. Весело бегали любопытные ко всему глаза. Они проницательно скользили по желтому, измятому, невеселому лицу Гаврилы Федоровича. Мухин всем своим радостным видом как будто хотел вызвать подражание в Рысине. Он пригибал к плечу голову, управляя лошадью, задорно взглядывал на Рысина и умело расшевеливал его. Начав издалека, с хромавшей лошади, на которую страдальчески повертывался Рысин, Мухин заставил Гаврилу Федоровича воспрянуть и оживиться. Всю дорогу, коротая ее, они беспрерывно проговорили, спорили, внимательно друг друга слушали и брались за руки.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://belinsky.by/

— Милый,—доверчиво повторял много раз старик.— Самое главное в жизни—человек. Ему царем быть и над собой. Сказал ты себе—быть. И будет. Конечно, на то и ум человеку дан, чтобы он им раскидывал и сообразовал, насколько у него в руках и в мозгах силы. Умный никогда не ошибется. Умный не станет пальцем в верстовой столб тыкать. Тычь не тычь, палец не коловорот, ногтем на столбе дыры не проткнешь. Умный—он бережливый и к себе и к другим. Я, Гаврила Федорович, дивлюсь на человека. До чего он по-царски сделан во всех смыслах. Сам себе—полный хозяин. Всякое другое живое на свете не живет самосильно, а человек—в полное свое управление.

Гаврила Федорович горько и насмешливо бурчал:

— Брось, Мухин! Человек—самое путанное и несчастное существо на свете. Он не знает сегодня, что будет завтра. То, что он больше зверя понимает, это же и есть его горе и беда. Управляет! Ничем он не управляет. Человека всегда куда-нибудь несет. Ты выдумываешь своего человека. Такого в действительности нет. Не видал таких. Мне на пятый десяток с гаком, а я все еще не могу свои наседала найти. Какой я к чорту себе господин, когда у меня угла нет. Такого угла, чтоб по душе мне было в нем, довольство я почувствовал. Попробовал я раз—и обжёгся. Долго подготовлялся—и смаху прыгнул быку на рога.

— Гаврила Федорович, от себя, дружок, от себя! Поставить себя не сумел. Не разворотил окол просторное место. И то сказать—и опять-таки правда на моей стороне—крепился, крепился ты—и перервал пуповину. Зубами ее перегрыз. Катишь теперь прочь от соблазнов. Вред-то поболит-поболит, да и перестанет. Волки весной из-за волчицы грызутся—кому-нибудь да поколеть. А ты себя скрепил.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralsc.ru/

Лицо Мухина было с хитрецой. Гаврила Федорович с отчаянием и насмешкой над собой вздохнул и засмеялся:

— Ха-ха! Хорошая скрепа! Еду с тобой и думаю,—а туда ли я еду? Не в обратный ли путь мне лучше оглобли наставить? Слабая и скверная мразь человек. Несет его как соломинку по ветру, кувыркает, на землю кидает, потом опять подхватит. А ты горделивый вид у человека усмотрел. Всё он может, чего ни захочет. Воли у человека не больше, чем у дерева. Стоит оно зиму. Не оттает снег, так оно и не расцветет.

Старик настойчиво не соглашался.

— Наставить надо себя по фарватеру. Сердца своего слушать. Кто себя наперекор переломит,—толку не жди. Я вот думал, ты крепко любить можешь, того крепче рассердишься. Я тебя и хвалить за это готов. А ты не такой. Ты себя на изломку берешь. Скажи, друг, а не в твоей ли власти и так и этак решить? В твоей. Кто же после этого над тобой барин? Никого, как только сам. О! Верховодство какое человек имеет. Человек—самоуправный Баба тебя за ребро зацепила, к матице подтянула, тебе больненько... а стерпится. Назад оглядываться, по-моему, тебе не к чему да раздумывать. Проветрись малость, развлекись—да и кати к ней хвост трубой. Сила твоя в этом и будет, а не в том, что зайцем от нее скачешь. Сказано—стели бабе вдоль, она меряет поперек. Уступить легче.

Гаврила Федорович с недоумением уставился на Мухина, неприязненно разглядывая его и решая, не смеется ли он над ним. Старик серьезно и просто продолжал:

— Любишь ты больше, чем любви противишься. Видать это. Человек оттого и в ногах своих заплетается, что сгоряча скакнет кверху, взыграет дурóм, закинется разумом,

Сайт им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

как веревкой через перекладину,—и сглупит. Сперва надо головой потрясти, выкинуть из нее спешку—в обрез и будет. Ты счастья ищешь, а терпения у тебя к счастью нет. Его надо подсиживать. Баба у тебя своенравная. Баба—что глиняный горшок: вынь из печки, он еще пуще шипит. А я тебе скажу, хорошая у тебя баба. Нравные бабы завсегда умные. Ум же у бабы—самоцветный камень. По редкости ему цены нет. Против умного остережешься, а против глупого оплошаешь. Ты вот в сердцах одну ее оставил. Мальчишка там при ней. Мальчишку не считай. Он ей в забаву. Она от скуки, что тебя долго не видала. Из озорства. Играть бабы, которые с норовом, любят. И себе вред и милому вред. Поверь мне: вместе тесно, а розно тошно.

Гаврила Федорович недовольно и резко прервал Мухина:

— Далеко углубляешься, старик, помолчим об этом.

— А я не помолчу,—упорно говорил Мухин,—я тебя годов на двадцать пять перескочил. Я тебя разуважу, погоди, не дрыгай губой. Мне невмоготу человека увидать в расстройстве и не помочь ему. И от врага мне тошно, и от скучливости того тошнее. Я произошел всё. И главная суть: на твое у меня было похоже.

Гаврила Федорович заинтересованно пододвинулся к Мухину. И тот по глазам его понял, что он мог говорить и не встретит больше сопротивления.

— Баба одна-одинешенька. Характер ты выдержал. Морщин себе новых набрал. А дальше как? И для чего тебе новые морщины, на какую корысть? Пождет, пождет тебя баба—и мужика себе другого найдет. Сама она тебе не поклонится. Не-е-т! За десять годов она вызнала у тебя все закоулки. Каждая ее сестра желает завладеть мужиком. Она в опаске от мужика живет. Она в отместку тебе согрешит. Ты что думаешь, она кается? Не-е-т! Кому же

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

выгода от твоего характера? Да прохожему аль проезжему молодцу. Ты свою бабу ни за что ни про что даришь другому. Он тебя поблагодарит: уважишь ты его. Житья тебе, сам не скрываешь, без нее нету, а ты ее проучать, проучать хочешь. Не ее, а себя ты проучаешь. Женское сердце что котел кипит. Пускай остудится, а ты дрова подкладываешь. Скачет баба задом и передом, а дело идет своим чередом. Ты это из ума и выпустил. Живот и болит, а детей родит. Прикинь одно к одному.

Гаврила Федорович заслушался Мухина. Он казался как-то особенно приятен и мил своей непрошенной заботой.

— Забыть всё—и в ноги ей?.. И на попятный?—неуверенно возражал Гаврила Федорович.

— Безо всего без этого!—кричал возмущенно старик.—Пригибаться не след. Пусти бабу в рай, она и корову за собой приведет. Ты сторожко...

Гаврила Федорович разочарованно посопел и, в свою очередь, покровительственно поглядел на Мухина.

— Так не пройдет. Видно, другие бабы народились нынче. Она шероховатая. Она, старик, тёрка.

Гаврила Федорович усмехнулся на самомнение Мухина, будто бы разгадавшего Никанориху.

— Ты не знаешь эту дьяволицу, старик! Покажись я ей снова, да она меня перед всей деревней вышутит. В избу не допустит. Сама в окошко высунется и пальцем на меня мужикам покажет.

Мухин заливчато хохотал.

— Люблю, люблю,—дрожал он, обнимая Гаврилу Федоровича,—люблю неуживчивых баб. Молода годами жена, да стара норовом. Рысин, Рысин, не отдавай никому свое счастье-несчастье! Дьяволица она не страшная, только подход надо к ней знать, суметь надо в берлогу к ней

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

забраться. За пазуху к ней руки дотянешь—и держи там. Десятерых нагреет. И всем тепла хватит. Очухайся дома у себя, вникни в свое неустройство и, будто ничего не было, поезжай к ней. Ладь к ночи. Не так будет стыдно. В темноте глаза какой хочешь дадут блеск. Меня, золотой, не удивишь. Татьянка моя того же поля ягода. Сварливая баба—в доме пожар. Да я не ошибся, из телеги не вывалился. И славословлю судьбу. Любовь человечья тем и хороша, что без схваток не бывает. У кого тишь да гладь да божья благодать, там не любовь, а щи простылые, овечья радость. Бя, бя, бя! Приклонись ухом ко мне. Я тебя вылечу, Гаврила Федорович. Прими по-хорошему. И для себя нужное уразумей. Один от одного сноровку наживает. Было мне годов тридцать. Скупал я рыбу на Печоре. Прасолил. Застиг меня раз под вечерок дождь в поле и выстегал до нитки. Погнал я лошаденку к деревушке и заночевал у незнакомого до того рыбака. Только и народу было в избе: сам рыбак, баба его, старуха-мать да я. Баба была большая, белая, моих лет. А мужичонка—маленький, кволый, мокроносый.

Посумерничали за чайком, разговорились, как сто годов не видались. Ходила во мне кровь ходуном, усталости не знал, пилось, не мерялось, пол-барана за обедом опростаю, за ужином другую половину. Чирикает-чирикает дождик за окошком—и нет ему конца. Такая незадача. Стосковал я—и послал за вином. Таня—бабу рыбака так звали—подобрала на лету деньги, сбегала куда-то в три счета и приволокла водки. Стал я потчевать хозяев, сам хлебнул—и закрутило. Накачал рыбака, Таню, старуху. Старуха даже песни пела: умерли со смеху. Не вижу никого, кроме Тани. Руки положил ей под столом на коленки. Не откидывает, хитрит веселым глазом—как два соболька разыгрались—облизывает губы-шиповники и

Собрание им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

зажимает руку ногами. Ударило мне в голову, в дыхание. Язык несусветимое лопочет, покрикиваю, будто ямщик на дороге, дрожу. Обманывать мужа да старуху и не приходится: осоловели. Мы помоложе — нам ведра одним мало. Отвернулись, заспорили рыбак со старухой—на какой земле лён лучше растет: на песке аль на глине. В чужую жену чорт ложку меда кладет. Вижу, нравлюсь я бабе. Глазами ворочает, щеки в пожаре, несет от нее добрым теплом. Я и провел ей по животу рукой. А она и шепчет:

«Выйди-ко на двор лошадь поглядеть...»

Я на двор. Она за мной. Обняла меня в сенцах и скороговоркой бормочет:

«На печь приду. Муж захрапит. Я туда. Ты гляди. Старуха на полатях спит. Она—глухая. Видит, будто слышит. На задремай, пьяненький!»

Тиснула меня—и в избу. Между бабьим «да» и «нет» не проденешь иголки. Запела она печальную песню, какие только на Печоре поют. Муж в слезы. Голову уронил, вздыхает и бьет кулаком по столешнице. Опрокинул я последний стакан—остатки сладки!

Слегли все в избе. Уложила баба мужа на кровать у дверей. Легла с ним рядом и одеялом закуталась. Старуха залезла на полати. А я растянулся на лавке под образами—и не сплю. Вино качает меня, как в люльке, сваливаюсь я на пол, карабкаюсь поглубже, а глаза не слушаются, смежаются. Голова думает одно, а сердце другое. Думаю, думаю о бабе—и забудусь. А углядел, хоть темно было страсть, зашевелилась баба, прикрыла своего храпуна одеялом—и ушла на печь. Только собрался итти я к милой, ноги с лавки спустил, мужичонка очувствовался, зашарашился к двери, а я на свое место. Так они, то старуха, то мужичонка, наперегонки и ходили, поди, с час на двор. Таня на печке нет-нет да и кашлянет. А мне

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uran.ru/

нельзя. Мужичонка лишь хватился бабы, да ко мне и заковылял. Я прикинулся и захрапел. Пошарил он меня, за лавкой провел рукой—и к печке. А Таня ему, приспустив голос, но сердито говорит:

— Подь на место! Не залазь сюда! Гость-от осудит. Может, не спит в незнакомом месте.

Муж и отошел. Мучился, мучился я,—око видит, а зуб неймёт,—да и уснул.

А как продрал я глаза—в избе чуть свет бредит. Спит вся изба. Вино начало выходить из головы. Вдруг и думаю: да что же такое я делаю, мыслимое ли такое происшествие женатому человеку с ребятишками? Стыдно и горько мне стало. Худ был мужик, противной, но пригрел меня, обласкал... И неведомо ему, что хотел сделать с женой его обласканный человек. А против бабы нет сердца. Вот прищемила меня за грудь! Вижу ее, большую, белую, на словах податливую. Эх! Чужая жена—лебедушка, а своя—полынь горькая! Никак ничего не пойму. И мило мне и печально. Может, со всеми так? Детей-то нет. Али мужик неспóрой. Ревность мне в поджилки. И опять за свое раздумывание. Как-де я мужику в глаза погляжу? Опохмеляться нешто буду с ним?

Замаялся, соскочил с лавки, поклажу свою в кузов, одежонку—просыхала над устьем у печки, не просохла—на себя, из избы потихоньку вон, коня запрёг, да и погнал, будь ты нела́дна, из чудно́й этой деревеньки напере́рез дождю. А тот за всю ночь не перестал, а еще пуще озлел. Смокли дороги. Гнал я будто озерами. На колесах вода с жиделью плыла. Подсмеивалась. Промок и продрог я пуще вчерашнего. А сам помекаю: только б подальше, на другой ночлег, да попокойнее да попроще!

Недели две катал я по печорским волока́м. Де́ла наделал тьму, разошелся—на удачу радовался. А ночь придет, нет,

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

неспокойно, не то, не хватает мне полного счастья на земле. Лежу на лавке, храпят чинно хозяева—деньги мои за рыбу во сне пересчитывают,—а я о Тане. Вспомню о жене... Жена не седло, со спины не сымешь. А она будто из-за угла выглянет—и прошла навеки. Ребят жалко—и на ребятах нет остановки. Таня заполонила всё нутро.

Поездил я, поездил—пора собираться домой. Не заеду, думаю, силком не заманишь, не стану растравлять себя, не покажусь боле на Печоре, пропадай она пропадом, укрою свои нелады-лады под теплой рубахой,—и кончено.

Подкидывает меня лошаденка, как подкидывает баба на ладони пирог горячий, я и кажусь себе самым подлым человеком. Передумал воз. Злоблюсь и на себя и на людей. Путанный, думаю, человек русский, отсталый. Убьет он нищего человека, ограбит, найдет у него скоромную лепешку, вспомнит о постном дне, пятница там аль среда, перекрестится и скажет: «Осподи, чуть не оскоромнился!» Так и я. Так и все мы. Не хуже ли того я, прасол Мухин, в помыслах держу? И огреет меня опять от полей и от лесов, от небушка радостью. Подсказывает в ухо, ровно за горами бубенец, мыслишка такая: не хозяин ты себе, что ль, трусость покажешь перед бабой, сбежал. Нет! Чему быть, того не миновать,—дураки говорят,—и я от тех дураков недалеко ушел. Гони, куда гонит! Храбрость-то, конечно, не оттого,—самого страх забирает,—Таню надо, на Таню поглядеть, да и только. Зажала она меня с ногами и с головой в охапку! Во́ дурашливость какая сидит в человеке! Повернул конь в деревушку. Вожжой его, сам не свой, повел я на проселок. Вытянулся я к передку и еду.

Как деревенский порядок-то по обе стороны начал уходить, робость и накатилась спереду, сзаду, с боков. Ну, думаю, вот теперь так влип: повороту назад не будет. Где

Собрание им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

бы в телегу голову положить, коня по спине, брезент зонтиком—и за отводом! Так нет: гордость. Придержал я лошадку—и шажком. А тут чудо в чудной этой деревеньке. Мужичонка стоит у дороги и развеселым голосом кличет меня:

«К нам! К нам! К нам!»

Так у меня всё внутри к ногам и свалилось. Засмеялся я тишайшим таким и довольным смешком, а конь хвостом машет, мужик коня под уздцы ведет ко двору. Повстречала меня Таня, окатила суровостью, глаза стыдят меня. Так бы и завернул лошадь и не поглядел бы боле на это место, когда нехорош да ненужен. Приметила она на моем лице опаску и взглянула тут же по-иному, будто с удивленьем и с надеждой. Ну, по торёным тропам я и покатил. Хлебали уху, выдули самовар, Таня сбегала за водкой. Посудачили мне хозяева—почему-де да отчего сбежал? Наплёл я рыбаку околесину—торопиться-де надо было. Плёл, путался, от глаз хоронился. Мужик верит, а Таня сидит и подсмеивает, рот мне зажимает, за штанину дергает. Забыл я про весь белый свет. Прежнее, в пять раз сильнеющее, прыгает во мне кузнечиком чувство. А смелости нет: боюсь чего-то. Таня изловчилась от мужика—стакан в стакан чокались—и у губ у самых шепнула:

«По-старому... по-новому...»

Да нет, не блажит ли в этой избе! Не верил бабьим россказням, а тут подивился. Будто не покидал я на дальний путь лавки под образами, выжидаю положенное время, дрыхнет опять и бормочет муж во сне.

Но в сей раз не уснул я. Потом Таня и шепчет мне на ухо:

«Пошто в тот раз омманул? Ждала-ждала тебя. Задрых, гляжу, вместе с муженьком. Сопят, пьяные морды! Избила бы! Плюнула я—и ушла с печи».

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Полюбил я Таню после такого раза еще пуще. Кинул я жену, ребятишек, увез от мокроносого Таню, не нагляжусь на нее, перебрался от осуды свойственников в чужие края, в Заозерье, и стал жить да поживать. Грустная моя жизнь бывала не раз, Гаврила Федорович. Бился, колотился, а доброй жены не добился. Несогласу было—как пыли на дороге. Таня моя и не моя. Знал, а терпел. Потому любил, как порченый. И бивал. Побью—а жаль. Сергунек этих перебывало у нее—не счесть. А главной-то—завсегда я. От одного меня и дети пошли. Из тысячи по обличью узнаешь. С первой женой насупротив слова друг дружке не сказали. Жили на зависть людям. С Танькой жили—будто оба ходили по ножу. А со смирной женой я расстался, не поверишь, за калитку пожитки свои выставил—и нет ее в помине. Танюша у меня до старости не обломалась. Под старость хуже. Старой бабе и на печи ухабы. Прозевай спьяну зять—вместо дочери подвалится. У тещи для зятя и ступа доит. Попадись же я ей в нехорошем поступке—грешен, Гаврила Федорович,—изорвет всего, истреплет, как ветошку. Какие тебе другие примеры надо? Счастье, голубушка моя, не сусло, не всегда сладкое!..

Гаврила Федорович с удивлением и с удовольствием почувствовал нежданное облегчение и одновременно какую-то привязанность и нежность к Мухину. Когда они доехали до Прилук, и Гаврила Федорович около своего дома вылез из пролетки, он долго не отпускал старика, упрашивал его побыть с ним и был очень огорчен отказом.

— Ишь,—посмеивался Мухин, отвязав от задка коня Гаврилы Федоровича,—разохотился как! Весь я опорожнился, друг, ничего боле за душой не осталось поведать тебе занятного. Намотал, куда следует, мои слова, а?

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralsc.ru/

И... хорошо. Гость твой впредь. Заеду. Тогда и отпотчуешь. Дела, дела безотлагательные в городу. Некогда, милой.

Старик отъехал и не утерпел, крикнул задорно:

— Зови на свадьбу—приеду!

Гаврила Федорович вскоре раскатил дом свой в Прилуках по бревнышку и перевез его в Подберезье. Никанориха смеялась. Она настояла, чтобы дом перевозили одни подберезские мужики. Они на радостях содрали за перевозку втридорога и несколько раз пили с Рысина откупное за место. Платон Кутьков, Терехин и Подувалов плотничали.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Старшина Антипа Иванович сидел в волостном правлении, опустив голову на руки и пригорюнившись. Мысли лезли нескладные и горькие. Ему представлялось, что во всей волости не было более обиженного человека, чем он. Обида его была так велика, так неожиданна, так непоправима, что Антипа Иванович не знал, как же теперь он будет жить дальше и что ему надо сделать, чтобы забыть свою безвыходную скорбь. Всего тяжелее было сознавать, что обиду нанес ему человек, который недоступно возвышался над ним. Вот как князёк на избе, до которого не дотянешься рукой с земли. Антипа Иванович старательно придумывал ему отмщение и бессильно не мог ничего придумать, что было бы для того ощутимо.

Раздумывая об этом недосягаемом человеке, он требовательно оживлял его перед собою. Земский начальник Леонид Григорьевич Саблин напоминал ему огромного копченого сига, насаженного на прямую негнущуюся палку. В его высокой фигуре была какая-то вызывающая прямизна. Он прямо ходил, прямо сидел, не сгибал рук.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralsc.ru/

Антипа Иванович всегда испытывал смущение именно от этой неподвижности и от нее же с неудовольствием замечал расстройство своей речи. Язык его не слушался, тяжело ворочался, внезапно распухал, как налимий жирный хвост, и мешал. Леонид Григорьевич раздражался медлительностью старшины и кричал:

— Ты говоришь, как бревно катишь!

Антипа Иванович старался говорить скорее, но из этого старания ничего не выходило, кроме нового и уже совершенно неустранимого замедления. Леонид Григорьевич, даже когда молчал, умел приказывать одними своими прищуренными глазами. Они были пронзительны, как яркий, колющий свет в щели. Антипе Ивановичу не стоялось на месте. Он переминался, словно половицы лежали неровно, и выше и ниже, качались, сдавали и могли глубоко осесть, если не провалиться. Белая, в кудельках голова Саблина, откинутая назад, была горделива и своей посадкой и гневно нахмуренным лбом. Антипа Иванович со страхом, будто из глубокой норы, выглядывал на земского начальника и боялся пропустить каждое его слово или не так его понять. Самые обыкновенные слова вдруг становились непонятными, невразумительными, ускользающими. Неискоренимый страх переживал старшина при каждой встрече. Когда можно было уходить, он поспешно покидал канцелярию и блаженно усмехался на улице, как будто узнав для себя нечто приятное и радостное.

С отвращением теперь перебирал Антипа Иванович обиды от Леонида Григорьевича. За два трехлетия, которые Антипа Иванович просидел в старшинах, обид накопилось много. Они набегали одна на одну и забывались, так как были похожи. Теперь откуда-то, будто из тайников, неизвестных самому Антипе Ивановичу, они вылезали остро, и больно, и раздельно. Он не мог счесть их. Антипа

Собрание им. В. Г. Белинского http://book.kuzale.ru/

Иванович с отчаянием и ненавистью углубился в невеселые воспоминания. Горе его было безысходно.

— Разорвись надвое—скажут: а чего не начетверо?— громко и тоскливо ответил он на свои думы.

Писарь Кузьма Кузьмич Мымриков тонко и лукаво подмигнул какой-то лежавшей перед ним бумаге и поддержал старшину.

— Что ни хвать, то ёрш, то ёж! Однако, ловит волк, да и волка ловят. Мы его, Антипа Иванович, подсидим, подстережем малость.

— Где уж,—безнадежно и сладко вздохнул старшина,— мы с тобой воробьи, а что сердце у нас с кошку, так это при нас и останется. Судила нам судьба киселем заговеться. Видно, правильно говорят—покорись беде, и беда тебе покорится.

— Правильно, да не правильно,—усмехался Кузьма Кузьмич,—удача нахрап любит. Земской наш из орлов орел. У злой Натальи все люди канальи. Так и у него. Опричь себя, никого за человека не считает. А даром, что высок. И высоко дерево, а ложится, когда его повалят. Погоди, Антипа Иванович, мы ему подстроим. Я смекну. И подкатимся шаром под ноги.

Антипа Иванович с писарем часто жили не в ладах. Кузьма Кузьмич был строптив и неуживчив. Но так как старшина умел только нетвердо подписывать свою фамилию, то он уступал капризному нраву своего помощника. Антипа Иванович считал писаря изворотливым и ловким. Хотя он и мало верил, что чем-то можно досадить земскому начальнику, всё же слова Кузьмы Кузьмича возбуждали бодрость и надежду. А вдруг Кузьма Кузьмич знает какой-то тайный ход к неприступному Леониду Григорьевичу? Но всего приятнее было Антипе Ивановичу сочувствие писаря. Старшина сначала думал, что его несчастью

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksgate.ru/

больше других радовался злопамятный Кузьма Кузьмич. Он увидел свою ошибку. Поддержка была дорога и так своевременна.

— Гляди,—предостерегающе и трусливо сказал старшина,—как бы с дурной рожи да еще и нос долой не приключилось. Человек другой раз метит в тетерю, а угодит в сук.

— Не угодим,—заносчиво и твердо успокаивал Кузьма Кузьмич.

Антипа Иванович ненадолго отвлекся. Но то, что писарь утешал его, снова заставило сосредоточить мысль на том же. Если уж посторонний человек—Кузьма Кузьмич—признавал его обиду немаловажной, то какой же она была значительной на самом деле. Едва ему пришло это соображение, как он с раскаянием укорил себя, что сам навлек беду. Леонид Григорьевич был куражлив, чёрств, беспощаден, придирчив, но не будь за Антипом Ивановичем вины, земский мог бы покричать, потопать ногами, погрозить, высмеять его неповоротливый и непослушный язык, выгнать его из канцелярии—и всё.

Антипа Иванович стал припоминать последние месяцы своей жизни. Он совсем забросил волостные дела. Мужики перестали исправлять дороги, вносить оброки, не ходили на сходы, прятались от волостного суда, по волости шли вредные и опасные слухи. Леонид Григорьевич наложил на старшину штраф.

— Ты у меня будешь расторопным,—шипел и бесился он,—ты спишь, как коней продавши!

Антипа Иванович виновато слушал и глядел выпученными глазами. Было жалко платить пятирублевый штраф. Он боязливо просил:

— Не вынести. Слава от мужиков худая не годится старшине. Сложи. Все изъяны покрою. Не судился, а тут... Штраф—будто стеганый зад. Заслужу.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Н-не рассуждать!—надменно и неумолимо восклицал земский начальник.—Я тебя вышколю. Ты поворотлив, что гиря. Я тебя научу ходить весело. Я за тебя буду отвечать? Неисправности тут, неисправности там! Под суд, под суд отдам!

Антипа Иванович скрыл от всех и штраф и выговор. Они выпили вместе с Кузьмой Кузьмичем, и писарь спрятал неприятную бумагу до поры до времени в стол.

Антипа Иванович оглянулся на Кузьму Кузьмича и позавидовал ему. Тот покойно и с довольным лицом ковырялся в бумагах, никуда не торопился, ни о чем не думал, ничто его не печалило. Груда бумаг покрывала весь стол. Антипа Иванович покачал головой. И опять осудил себя. Груда неразобранных бумаг напомнила ему о нерадении писаря, но сказать он об этом не посмел, так как она потому и была не разобрана и Кузьма Кузьмич был потому нерадив, что старшина давно не занимался волостными делами. Кузьма Кузьмич заметил его выглядывающий и затаенный взор. Он с похвальбой и бахвальством важно сказал:

— Я его достану! Он у меня не уйдет!

Антипа Иваныч тогда не утерпел и неопределенно показал на стол.

— Что это бумаг-то сгрудилось? Ровно за год. Какие бумаги? Можег, и нужные есть?

Кузьма Кузьмич понял старшину и отнесся к его замечанию неодобрительно.

— Есть!—язвительно выкрикнул он.—Всякого нета запасено с лета! Чего другого, а бумаг у нас в правлении невпроворотную. Шкафы-ы! И, почитай, все без исполнения! Н-некому глядеть в них!

Антипа Иванович по, задрожавшему, возмущенному голосу писаря догадался, что писарь был его сильнее, трогать

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralic.ru/

его было без ущерба для себя же нельзя, а следовало не продолжать дальше этого разговора и сделать вид, что обидного намека на небрежность старшины в волостных делах он не расслышал. Антипа Иванович замолчал и тотчас же уследил, что и пол в правлении неизвестно когда мыли, и стекла затускнели, и всюду пшеничной мукой лежала пыль. И это запустение Антипа Иванович придирчиво приписал своему постыдному поведению. Он с недоумением открывал одну за другой колющие ему глаза прорухи. Словно у него сегодня как-то особенно были восприимчивы глаза на все окружающее. Он и не хотел бы так ясно видеть, но виделось, застревало, беспокоило. Упорно занимали его внимание и пол, и стекла, и пыль, и Кузьма Кузьмич, и откладываемые бумаги на другой стол.

— Безотлагательные?—не удержался Антипа Иванович.

— Решенные,—дерзко огрызнулся писарь, не взглянув на него,—не учи сороку вприсядку плясать.

— Я так,—скромно и застенчиво и тихонько, чтобы не рассердить писаря, увильнул старшина,—за один раз дерева на срубишь. С берега-то, конечно, хорошо глядеть на гребцов, а погреби сам. Я из одного интереса спрашиваю.

— А я сам—обожженный кирпич!—взволновался Кузьма Кузьмич.—Ты метко стреляешь в чистое поле, как в копейку. Завалъ в бумагах не от меня. От кого, сам знаешь!

— Да отстань ты, пожалуйста,—ласково и заискивающе поторопился Антипа Иванович,—я без всякого подходу. Я попросту. Двоим плешивым за гребень не почто драться.

— Я себя плешивым не считаю,—совсем вскипел писарь,—а прям ты, как клюка. А я знаю, что на всякую шаль вырастает по лозе, а на всякую болезнь по зелью. Ты на меня не садись—скину!

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralec.ru/

— Опять за старое, за новое,—миролюбиво и грустно возражал Антипа Иванович.—Ты, Кузьма Кузьмич, меня не впервой видишь. Я разве на тебя сержусь? Я на себя. Во всем себя виню. Так бы и застегнул себя в наказанье. Больному и золотая кровать не поможет, так и мне. Покою нет. Одному тебе где же споро работать. А я больно умом обносился. Борода у меня с ворота, а ума с прикалиток нет. Вот и казнюсь. Нелады вижу там, где их нет.

Кузьма Кузьмич понятливо улыбнулся и сморщил пренебрежительно губы.

— Ишь ты! Тише тени прошел!

Он победоносно и самолюбиво засмеялся.

— Непоклада! Непоклада!—одобрительно бормотал Антипа Иванович.—Будто воробей на дождь шумит.

Размолвка благополучно окончилась. Антипа Иванович попрежнему углубился в свое горе. Он, покраснев, закрываясь руками от Кузьмы Кузьмича, отчетливо и както сразу обнял и восстановил то дурное, что он сделал, из-за чего теперь был наказан.

За полгода перед этим Антипа Иванович вернулся раз из Новленского от земского начальника. Ехал он, понуро глядя вперед и с позором упрекая себя за трусость перед Леонидом Григорьевичем. Он складно на дороге продолжал разговаривать с ним. Слова бежали как вперебой. Их было так много, что Антипа Иванович удивлялся, сомневался даже в их правильности, а они неотступно появлялись и заставляли складывать себя в какие-то радостные, убедительные ряды и неотразимо возражать Саблину. Слова были новые, неожиданные, в первый раз откуда-то появившиеся из глубины на подмогу Антипе Ивановичу. Он жалел, что они всегда запаздывали, не оберегали его. Вместо сопротивления несправедливому и

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksgate.ru/

гневному начальству вкрадчивыми и побеждающими словами, Антипа Иванович терялся, терял и забывал все слова, и в сердце у него, как гвоздь в стене, сидел неискоренимый страх.

Негодуя и презирая себя, Антипа Иванович подъехал к своему дому. Он ткнул лошадь головой в крыльцо и, сердясь, что его никто не встретил, вошел в сени. Вошел, остановился и прислушался. Он посмотрел через щель в перегородке на двор и увидал работницу Ольгу и сына Федора. Они сидели поодаль друг от друга на сене. Ольга смеялась, откидывая вбок голову, а сын что-то робко и влюбленно говорил Ольге. Как жадно ни вслушивался пораженный Антипа Иванович, слов он не мог разобрать. Он только ясно видел лица сидевших.

Свет падал через прорубь в задней стене, освещал вполоборота обращенное к Антипе Ивановичу лицо Федора, а смеющееся лицо Ольги было всё видно. Антипа Иванович почему-то сравнил лицо Ольги с нежным и розовым яйцом, сквозившим на солнце. Сравнил и смешался от того любопытства, с каким разглядывал в узенькую щель незамечаемое до того лицо работницы. Лица были различны: лукавое у Ольги и глупое, просящее у сына. Ольга, играя, только что бросила в Федора сеном, а тот хотел пододвинуться к ней ближе. Но она строго и повелительно сказала:

— Сиди, сиди там. Подале лучше. Знаешь поговорку: не красней, девка, коров доючи, красней, девка, с парнем стоючи.

Антипа Иванович вспыхнул от какой-то новой обиды себе, заново возмутился, что его никто не встретил, что работница сидела без дела, а сын отрывал ее от работы... Вне себя от защемившей внутренней боли, он распахнул с гневом дверцу и гаркнул:

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksurai.c.ru/

— Посиденки в рабочую пору!

Ольга вскрикнула и вскочила. Антипа Иванович невольно залюбовался и подумал, что она вскочила легко и ловко, как кошка. Федор тоже вскочил, но неуклюже, как-то слепо. В то время как руки Ольги быстро-быстро крутили пуговицы на кофточке, глаза были потуплены, но она стояла прямо, крепко, Федор скорчился и с таким же, как Антипа Иванович перед земским начальником, неискоренимым страхом глядел на отца. Старшина увидал растерянные глаза покорного сына и, вместо жалости, испытал непонятное озлобление. Федор был жалок и противен ему. И он кинулся на него.

— Сволочь! На тебе́ дрова колоть! Люди жать, а мы под межою лежать! Тебе с бабами за отцовской шеей— потачка! У, у, у! Розвальни проклятые! Лошадь, лошадь убери, стерва!

Антипа Иванович забыл об Ольге, хотя все время видел ее, он было повернулся в избу, но тут, вспомнив, крикнул и на нее.

— Ты пригрелась! За ребятами вьешь подол! Тело нагуляла!

Антипа Иванович хотел что-то еще сказать, но у него не вышло. Голос пресекался от какой-то слабости. Он попробовал подавить его дряблость, голос не подчинился, взвизгнул как-то—и сорвался. Антипа Иванович с невысказанным даже самому себе, а только скользнувшим в сознании удивлением понял, что он не был сердит на Ольгу, он и закричал на нее другим голосом, и закричал он потому, чтобы Федор не заметил его снисходительности к Ольге.

День этот перевернул всю жизнь Антипы Ивановича. Скоро старшина почувствовал томительное влечение к Ольге. Потребность любить ее овладела им с такой непрестанной, требовательной силой, что он едва-едва

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booKuralsk.ru/

сдерживался, чтобы любовь его не стала ясной и сыну и жене. Он скрывался, таился, пытался ничем не выдать себя. Он криком и шумом, начинавшимися с утра, обманывал ревнивую бдительность сына и подозрения жены. У него вырабатывались хитрые сноровки отводить глаза всем от того подспудного чувства, которое взбаламученно терзало и не отпускало его.

Любовь неудержимо и всесильно захватила его. В доме Антипы Ивановича была неслыханная кутерьма. Он заглушал смутившую его и затосковавшую в нем, как в молодом, любовь. Кузьма Кузьмич, Чепакин, Афанасий Александрович были безвыходно у старшины. Они пили и буянили на всю волость. Тут и пришли в расстройство волостные дела. Леонид Григорьевич вызвал Антипу Ивановича и, как тот ни молил его, назначил ему более унизительное наказание, чем штраф,—посадил в холодную.

Отсидев неделю, Антипа Иванович, крадучись, вернулся. Позор нельзя было утаить. Ему казалось, что и на груди и на спине у него были написаны вины его, и всякий теперь мог смеяться над старшиной. Жизнь его перевернулась. Антипа Иванович оглянулся назад и ужаснулся и пожалел, что он не уберег свою прежнюю, спокойную и примерную жизнь.

— Вздыхай, не вздыхай,—бурчал Кузьма Кузьмич,—а дело поправлять надо. Жгуча крапива родится, а во щах упревает. И худой человек проживет свой век.

Антипе Ивановичу надоело беспрекословно подчиняться Кузьме Кузьмичу, и он с сердцем сказал:

— Говори, да не заговаривайся! Не на всякое покляпое дерево козы скачут! Бу-у-дет, говорю!

Писарь не стал противиться, почувствовав в голосе старшины крепость и настойчивость. Они деловито и долго сидели за работой. Антипа Иванович давил в себе тоску,

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

отвлекался, но снова не пересиливал назойливых мыслей. Он не мог глядеть на приходивших мужиков и отвертывался. Ему слышалась в каждом мужицком слове насмешка, радость,—и он был поэтому гневлив и непокладист и неподатлив на все просьбы. Антипа Иванович штрафовал мужиков, злобно назначал не в очередь на общественные работы, грозил, требовал оброки и раскладывал пеню, разносил сельских старост, сотских и десятских. В волостном правлении стоял негодующий и бессильный мужицкий гвалт. Кузьма Кузьмич разрумянился от давно не испытанного удовлетворения.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Антипа Иванович просидел несколько дней безвыходно дома. Он так напряженно думал над всем происшедшим, что когда опять вышел на люди, казался совсем другим человеком. Словно бы он сознал всю ошибочность своих поступков, раскаялся и не мог их снова повторить. И самому Антипе Ивановичу дальнейшая его жизнь представлялась чистой, гладкой и ровной, как вымытые половицы в избе перед праздником. Он как будто бы даже примирился с недавней своей бедой, не хотел больше помнить о ней и напрасно казниться, так как, проучив его, беда принесла ему то крепкое и трезвое отношение к жизни, которое он было безрассудно утратил. И не только так. Антипа Иванович стал глубже и серьезнее после испытания понимать разницу между прошлой своей жизнью и настоящей. Но никому не было дела, что́ переживал он, о чем думал, как горячо и настоятельно стремился сделаться лучше и радовался своим первым успехам. Люди помнили дольше о неудачах Антипы Ивановича и были непрочь посмеяться над ним.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksvrsk.ru/

Афанасий Александрович справлял серебряную свадьбу. Старшина не мог отказаться от приглашения своего друга, не обидев его и не рассердив. Но он нарочно опоздал, чтобы пробыть на празднестве меньше и, сделав честь хозяину, потихоньку и незаметно скрыться. Антипа Иванович дал себе зарок ничего не пить. Он предвидел неудобства от этого своего решения. Его должны были упрашивать, приневоливать, приставать к нему. Старшина подготовился не поддаваться. Антипа Иванович еще на улице сделал так рукой, как он намеревался сделать на празднестве.

Довольный своей решимостью, тая ее в упорных глазах, Антипа Иванович вступил в урядницкую квартиру. Он опоздал намного. Гости были уже пьяны. За шумом никто не услыхал его шагов, а за дымом его сначала и не видели. Он подсел к столу, будто уже давно был вместе со всеми. Но когда он разобрался в перебивающих друг друга пьяных выкриках, то тревожно и опасливо заёрзал на стуле. Говорили о земском начальнике и о нем. Антипе Ивановичу стало неприятно и неудобно. Тут осоловело остановился на старшине глазами Афанасий Александрович и повелительно хлопнул по столу рукою, сразу хохоча и радуясь новому гостю.

— А, а! Пип-пип пришел! — заорал он, комкая имя старшины, как он называл его спьяна.—Сам, сам пожаловал! Со своей бородищей.

Все обернулись к Антипе Ивановичу и закричали, будто недоумевая, откуда же он столь внезапно и незаметно появился.

— Стакан ему самый большой! Где, где граненый стакан?—нетерпеливо шарил урядник по столу.—В наказание ему за просрочку!

Чепакин подсунул Афанасию Александровичу стакан.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Попался, который кусался!—поддержал урядника Кузьма Кузьмич.

Учитель Чусов кстати вертляво вставил:

— Струны готовы—недалеко и до песен!

Он рывком, с перебором, пробежался по струнам гитары и заиграл камаринского. Гаврила Федорович затопотал ногами, а Корыкалов с Васькой Носом, сидевшие в обнимку, запели.

— Э-э!—ухмыльнулся урядник, провел по усам и встал со стаканом, протягивая его Антипе Ивановичу.—Читал я намедни в «Сельском Вестнике» про Петра Первого. Хо-хо! Кубок ему Большого Орла!

Антипа Иванович безысходно оглянулся и принял стакан. Поморгав, побегав глазами, бессильно привстав, он все же не выпил, но, уже теряя последнюю смелость, поставил его застенчиво перед собой.

— Пе-е-й!—загудела комната.—Не-е-т, брат, пе-е-й!

— Жмется, мнется... переминается...

— Раз, два, три!—командовал Афанасий Александрович.

Антипа Иванович внезапно покраснел, покрылся испариной и жалко выдавил:

— Н-не могу! Не в силах. Нездоров я.

Комната зашлась диким и неуёмным хохотом.

— Го, го, го,—гоготал Чепакин.—Поперек себя толще, а неможется ему!

— Похудел, чуть не лопнет!—косился Васька Нос.—Гляди, Корыкалов, как старшина кочевряжится! А нам только дай! О! Покобенится—и выплеснет в хайло! Уважение себе лишнее наживет!

— Ты, ты это ни к чему, Антипа Иванович,—хмуро подскочил, пошатываясь, урядник,—надумал ты—не годится. Мне праздник не в праздник! Ты мной не пренебрегай!

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksgrale.ru/

Гости обступили старшину, прилипли к нему, тянулись с рюмками, со стаканами.

— Да ты, дьявол, хоть отпей! Бороду свою обрызни!— сердито и с пренебрежением подсказал Чепакин.

Антипа Иванович обрадовался этому предложению. Оно избавляло его от необходимости нарушать данный себе зарок и выручало его. Он ухватился за стакан. Гаврила Федорович, не глядя, закрыл ладонью гитару Чусова. В комнате сделалось тише.

— Стой!—раздельно и брезгливо сказал Рысин Антипе Ивановичу.

— Я не согласен, я не соглашусь! Отшлепать!—шумел Афанасий Александрович.— Губы в вине мочат одни бабы.

Урядник недружелюбно подсунул руку под бороду старшины и смешно приподнял ее кверху.

— У баб таких хохлов не бывает! До дна! Весь! Без остатка!—гаркнул он молодцевато.—Антипка, ты мне враг с этих пор! Так и знай! Ты сучок в кулаке сожмешь, так вода пойдет, а притворяешься, а не желаешь меня уважить и... и успокоить!

Гаврила Федорович, показывая на старшину пальцем, ехидно и презрительно вымолвил:

— Он пакостлив, как кот, а роблив, что заяц. Это мне Мухин сказал о всяком таком человеке. И правильно.

Антипа Иванович больно почувствовал укол. Он поперхнулся, отпивая немного от стакана, не дал себе прокашляться и сразу, жадно, без передышки выдул его весь.

— Умен ты, а... не прав,—гордо проворчал старшина на Рысина.

А тот, насмешливо ухмыляясь, протянул ему через стол руку.

— Вот тебе моя правая.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://bookuraic.ru/

Антипа Иванович уже сам налил себе другой стакан и злобно оттолкнул руку Гаврилы Федоровича.

— Не принимаю! Ты сам по себе, я сам по себе. Кто ты такой колдун—всё понимаешь?

Антипа Иванович расходился и наступал. Он успел, торопливо напиваясь, догнать остальных. Все зароки были забыты. Гаврила Федорович как бы выворотил наизнанку его новые чувства и опрокинул их навзничь. И стали они ему скучны и тусклы, как непротертые стекла.

— Я, я тоже кованый волк!—свирепел Антипа Иванович.—Ты меня, не осмотрясь, не тревожь!

— Хи-хи!—подсмеивался Рысин.—Ты, значит, не гнед, а саврас! Я и не знал.

Антипа Иванович, не прощая ему, прискакивал на месте. Он хвастливо и придирчиво лез на Гаврилу Федоровича:

— Я из блохи голенище скрою, а ты что можешь? Ты на кого сердит? На себя. Ты под бабой ходишь!

Рысин яростно схватил бутылку, но Елена-кривая и Чусов успели ее вырвать. Антипа Иванович замахнулся на него граненым стаканом. Все бросились к нему.

— Бит—и молчи!—твердил Рысин, неподвижно и равнодушно оставаясь на месте.—И не порти компании. Меж слепых зрячему нечего делать. Мразь! Отпустите его: я хочу драться. Ха-ха!

Афанасий Александрович вмешался, растаскивая гостей. Он оглушительно застучал бутылкой о стол.

— Мириться, мириться! Сею минуту мириться! В моей квартире... у меня на празднике... мир и тишина и благочиние! Это говорю я, урядник четвертого полицейского стана...

Учитель Чусов отодвинулся от Гаврилы Федоровича и заиграл плясовую. Чепакин тяжело и грузно топнул.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralsc.ru/

Афанасию Александровичу не дали докончить. Антипу Ивановича Корыкалов и Васька Нос тащили к Рысину. Кузьма Кузьмич подталкивал в спину.

— Не от добра, не от добра дерево листья роняет!— беспомощно и примиренно бормотал старшина, упираясь.— Он, он в меня воткнул жальце!

Гаврила Федорович строптиво требовал:

— Откажись от своих слов,—и я откажусь! Не порти нам веселье!

— Ты сначала откажись!—заносился Антипа Иванович.—Не мы начали, не нами и кончится!

После долгих препирательств враги поцеловались, сели рядом, чокнулись,—и на мировую выпили по новому стакану.

— Это я люблю! Это я люблю!—приплясывал Афанасий Александрович.

Празднество пошло дальше, но покуда не выпили всего вина и водки, оно то и дело омрачалось.

— Драчливый петух голенаст живет!—орал Антипа Иванович.—Ты не тронь, где наболело!

— Я тебя знать не знаю. Ты сам себе сломал голову по самую бороду!—не уступал Гаврила Федорович.

Их разнимали и растаскивали. Помаленьку Антипа Иванович расссорился со всеми. Он вытолкал взашей Кузьму Кузьмича, оборвал струны на гитаре и сшиб с ног Ваську Носа. Тот свалился и уснул на месте. Потом старшина схватился с Чепакиным. Они долго и крикливо водили друг друга за воротки. Елена-кривая, чепакинская жена, Афанасий Александрович разнимали. Наконец, грудой, вповалку, растянулись все на полу и, ругаясь, барахтались, опрокинули стол, растоптали пироги, перебили посуду...

— Коверкай его, сукина сына!—подзуживал Гаврила Федорович.—Я ему попомню, арестанту!

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Под утро Антипа Иванович сделался нестерпим. Он приставал ко всем, вызывал на драку, бранился, вышиб стулом окно. Тогда урядник рассвирепел. Непьяневший Рысин распоряжался. Все кинулись на старшину и спустили его с лестницы. Антипа Иванович долго колотил какой-то палкой в простенок с улицы, выткнул еще одно окно и дико взывал:

— А! Я не люб, я не нужен, я в сраме, меня коленком вон! Я не первой в волости! Афонька, я плюю на тебя, на взяточника! Ты у Гаврилки ноги лижешь! Он тебя бил, бил! А я не позволю. Я дно ему сам выставлю!

В комнате хохотали и не слушали. Одна Елена-кривая беспокойно суетилась, пока Антипе Ивановичу не надоело кричать под окнами, и он не начал стихать. Старшина потом долго униженно просился пустить его обратно. В конце концов, не добившись своего, он смолк. Елена-кривая облегченно наблюдала, как он, будто по извилистой тропе, кружил на дороге и, спотыкаясь, вяло брел к себе.

С урядницкого празднества Антипа Иванович снова не сумел остепениться. Как в дырявую плотину врывается внезапный осенний паводок, так встрепенулись в нем неразделенные и неутоленные желания.

Вскоре он, наедине, схватил Ольгу. Она задыхалась в его бороде. Борода щекотала шею, лезла в рот, в глаза, застилая свет. Старшина прильнул к Ольге и ненасытно целовал ее.

— Потрафь мне, потрафь,—заплетаясь, шептал он,— я тебя не забуду. Я тебе шубу сделаю. Платьев надарю. Приданое тебе обстрою. Богатой девкой будешь.

Ольга с трудом вырвалась. Платок у нее свалился с головы на пол. Борясь, они затоптали его. Лицо у Ольги тлело алыми пятнами от поцелуев. Ей не было стыдно.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksurai.ru/

У нее было одно стремление, чтобы скорее оправиться и, если кто войдет, чтобы не заметили ее растрепанную. Антипа Иванович ничего не соображал. Кажущееся спокойствие Ольги только обмануло его и еще больше возбудило.

— Постыдись,—в ужасе отстранялась Ольга, когда он снова тискал ее и прижимал к себе.

— Красуля моя!—не отпускал старшина Ольгу и тащил ее на лавку.—Не могу! Озолочу! Сердце ты мне раздавила! Никто не узнает! Не ославят тебя, Олюнька!

Он держал Ольгу на коленях и бессвязно уговаривал ее. Ольга отрывала его руки со своего живота, перегибалась, соскальзывала с колен...

— Не помешают! Не бойся! Дозорщиков нет,—всех я отправил по своим делам. Сохну и чахну я по тебе с весны!—бормотал старшина.—Житье-то тебе будет от меня: почет и ласка. Не работницей, хозяйкой тебя сделаю. Пикнуть не посмеют ни Федька, ни старуха. Сладкая моя! Ох, мёд мой! Пчелка моя!

Ольга отчаянно и угрожающе взмолилась:

— Антипа Иванович, я закричу, я народ созову. Что на самом деле за срам! Не обольстишь меня тряпьем своим. Я честная, не балованная. В услужении живу, так и обижать можно! Пусти, пусти!

Голос Ольги становился всё громче и настойчивее. Она рвалась всё сильнее, царапала ему потные и мясистые лапы, толкала больно и крепко в грудь локтем.

— Отвяжись!—наконец крикнула она.—Бесстыдник! Старик, а как кобель молодой!

Антипа Иванович начал понимать всю невозможность того, что он делал, вспыхнул от внутреннего стыда и сразу нашелся. Он отпихнул ее и, утаиваясь, искусственно весело засмеялся.

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Ха-ха! Дурёха!—старался развязно говорить он.—Да я же в шутку. Испытать хотел: тверда ли ты в своей чести. Не ошибся ли мой Федор, в рот те глядючи. Ха-ха! А ты приняла взаправду. Горда, горда ты. Это хорошо. Оченно хорошо. За это хвалю. Голова без ума, что фонарь без свечи. Ты с умом, с рассудком девка. Так и следовает. Ха-ха! Подозрила меня, хрыча. В старом теле, что во льду, матушка, насильно блуда нету. Ха-ха!

Покуда он говорил, вытираясь и сдерживая одышку, глаза у него тускло и слезливо плавились, неотступно следовали за ней, и Ольга недоверчиво и подозрительно слушала. Она держалась ближе к дверям.

— Хорошие шутки, Антипа Иванович,—негодующе сказала она.—Войди кто, на весь век не изжить позору. Шути, шути, да оглядывайся. Испытывают не так. Такое надо мной испытанье никто не властен делать. Я не купленная вам. Федор Антипьевич мне не жених. Не больно мне и надо. И совсем бы его не было. Он тоже по-отцовски пристает. Я ему не пара, и он мне не суженый. Я и в мыслях не держу. Баловать станете в другой раз, я на улицу—и всех оповещу, разблаговещу. Старшине-то не больно хорошо в такой заплате показаться народу.

Антипа Иванович поднялся, принял снисходительный и уверенный вид. Ольга схватилась сейчас же за скобу.

— Не болтай, не болтай зря,—пригрозил он,—разуверься, дура, в своих словах, лучше будет. Я на твоих роди́нах кашу ел, а у тебя не язык телу якорь, а тело языку. Шустра стала.

Антипа Иванович сделал несколько шагов. Ольга медленно, с каждым его шагом, открывала шире дверь, готовясь прыгнуть в нее.

— Держи ее!—вдруг вскрикнул шутливо Антипа Иванович.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Ольга в испуге опрокинулась в дверь и захлопнула ее. Антипа Иванович печально озирал избу. Попробовал засмеяться, не сумел, неловко походил взад и вперед, переждал. Он понял, что напугал Ольгу, что заронил в ней недоверие и не рассеял его ни своим смехом, ни рассудительными словами. Старшина также с досадой понял, что, пока он находится в избе, Ольга не посмеет войти. Надо было как-то скрыть это неудобное и стеснительное положение.

Антипа Иванович вышел на улицу и недовольно сел около каретника. Ольга растерянно стояла за углом и не решалась пошевелиться. На лице у нее было такое смущение, что старшина почувствовал жалость к ней. Ему захотелось загладить свой поступок.

— Ольга,—сердито сказал Антипа Иванович,—перестань дурить. Вернутся старуха и Федор, расскажи им, как я тебя обидел. А то я сам расскажу. Похохочем над тобой все вместе.

Антипа Иванович подчеркнуто развел руками и покачал с удивлением головой.

— Ну и дури в тебе! А я думал—умна. Ха-ха! Ка-а-к она бережется! Принимайся-ка за свое ремесло. Я добёр, добёр, да и рассержусь. Не в себе больно долго стоишь.

Старшина увидал, что Ольга нерешительно переступила на месте. Слова его подействовали, но не совсем. В Ольге оставались еще неуверенность и беспокойство.

Антипа Иванович—с еще большей суровостью и безразличием к ней—продолжал:

— Ежли думко тебе и после этого, я, девка, не держу тебя насильно. Худое охапками, хорошее щепотью завсегда человеку кажется. Рассчитывайсь хоть сею минуту. Жалею, а вольной волюшке как же забор поставишь! Не

Собрание В. Г. Белинского http://book.traic.ru/

мешаю, не мешаю тебе итти, куда хочешь. Вижу, не в разуме ты.

Ольга задумалась над его словами.

Весь тот вечер она боялась, что Антипа Иванович будет смеяться над нею. Когда к ужину собрались все, Ольга была неловка, суетлива, глядела исподлобья, чутко прислушивалась к густому и страшному голосу старшины. Но хозяин, как всегда, был важен, нахмурен и молчалив. Он не только не пошутил, но даже как будто не замечал присутствия Ольги в избе.

Ольга была вспугнута. Она не могла победить в себе томившей ее тревоги. Она сходила к матери в Юрово. Глафира Васильевна разъярилась. Старуха в первое же воскресенье, отпросившись у барыни, пошла к старшине. Дорогой она жальчиво думала о своей Ольге, гневно и злобно подготовляла те возмущенные и колючие и обидные слова, которые она скажет старому и похотливому старшине. Но, подходя к Березникам и встретив Ольгу в поле, как они условились раньше, чтобы притти к хозяину вместе, Глафира Васильевна захотела прежде пересказать дочери, что она надумала дорогой, и хорошо ли будет сказать так. Они присели и, перебивая и поправляя друг друга, внезапно, враз, всплакнули и забыли все свои подготовленные слова.

— Выгонит, и всё,—печально разуверилась Ольга первая в том, что они предпринимали.—Куда же я денусь? Свой своему не враг. Жена да сынок не защитники мне. Старик—голова. Прикроют и не такой грех.

Глафире Васильевне было легче слышать рассудительную дочь, чем жалобы ее. И мать, не сознавая, уже была рада. Она и шла только потому, что нельзя было не итти, нельзя было матери молчать, когда дочь находилась в опасности, но она боялась старшины и не верила, что из

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksgrale.ru/

ее ходьбы к нему что-либо могло выйти полезного и ограждающего ее Ольгу.

— Оленька,—охотно и осторожно вымолвила Глафира Васильевна,—и то сказать, ничего ведь, родная, не дай бог, покудова не стряслось. Может, и в самом деле спьяна чорт его соблазнил на глупое озорство? А навредим себе—не оберешься зла. Как ведь примет. Неровно захочет, а неровно—и не жить тебе больше у него. Добро бы, опять ко мне, а ко мне ходу нет из-за бешеной Машки. Побираться, что ль? В город тебя не пущу от себя. Там тоже сколько хочешь мужиков.

Глафира Васильевна так и не зашла к Ольге. Они поплакали в поле, поворотили от Березников, и дочь проводила мать до юровского парка.

— Ты не поддавайся,—опасливо и подавленно, скрывая вглуби тоску, настаивала Глафира Васильевна,—следи за собой, жалься сыну.

Ольга молчала и глядела себе под ноги.

— Что я, что я,—вскидывалась растерянно мать, не зная, что ей говорить,—никому жалиться нельзя. Худо будет. Стерегись хозяина. Поменьше наедине с ним оставайся, на двор убегай из избы, на народ. А то ведь и рот зажмет...

Целуя и обнимая дочь на прощанье и крестя ее, Глафира Васильевна успокаивала и подбодряла:

— Ничего, ты не стенай. Я другое место тебе поспрашиваю. И сама ты втихомолку выискивай. Может, пройдет мимо напасть.

Глафира Васильевна видела опущенное и запуганное лицо Ольги. И мать не знала, какие еще нежные и трогательные найти слова, чтобы согнать с него унылую тень. Глафира Васильевна возбужденно и страстно бормотала:

— Это все Пашка Евстигнеев, негодяй. Спутался с этой гадючкой. Приёмист: за что ни возьмется, все исковеркает.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Решетом в воде звезды ловит. От него и бедствие. Корить его не устану, покуда язык в роту поворачивается. Мурло масляное, грязнуля, барской сдобы захотел,—однакая, однакая! Кучерской кафтан краше не будет, а стыднее точь-в-точь. В глазах у людей пестрит. И краснò, и цветнò, да линюче. Тебя, Оленька, бог вознаградит за всё. Еще хуже нашего живут люди на свете.

Они расстались.

Ольга вздохнула и молча пошла обратно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Антипа Иванович силился не думать об Ольге, но она неотступно притягивала. Чем явственнее и пугливее сторонилась Ольга от него, тем неодолимее было его желание. Антипе Ивановичу казалось, что ходил он с пересохшим горлом и хрипел от жажды. Жар разливался по всему телу. Заставлял вздрагивать во сне и очумело вскакивать от соблазнительных снов. Старшина чувствовал, как он трясся, подходя к Ольге, и не мог связно говорить с ней. Речь его пресекалась. Он забывал то, что хотел сказать, путал слова. Он мог только горячо дышать около нее и видеть ее всю в какой-то недозволительной близости.

Ольга в ужасе как бы впивала исходившее от него тепло. Она безотрадно сжималась, задыхалась от духоты. С опаской, как около разгоревшегося огня, она проскальзывала мимо Антипы Ивановича. Огонь доставал ее красными лижущими языками, ожигал, румянил и пёк кожу. Она отталкивала старшину, грозила, глаза ее были налиты какой-то пьяной ненавистью, рот у нее подергивался от отвращения, она била Антипу Ивановича по лицу,—но все, что ни делала Ольга, словно только потворствовало его неукротимому влечению.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Он овладел Ольгой. Тогда Антипа Иванович заметался, как бы на брюхе униженно подполз к ней и не хотел встать. Ольга не решилась сказать матери. Она как бы уснула и, не просыпаясь, не слыша, не видя, делала положенную ей работу, ходила, отвечала на вопросы, садилась за стол, ела и пила, даже стереглась от выпытывающих глаз хозяйки.

Ольга понесла. Узнав, Антипа Иванович ошеломленно простонал, качнулся и беспомощно схватил Ольгу за руку, будто удерживаясь, чтобы не упасть. Антипу Ивановича пригнуло к земле. Он покорно и безучастно к самому себе сразу же решил, что этого он вынести не мог, он не мог продолжать свою постыдную, осмеянную и низкую жизнь. Он даже не подумал об Ольге.

Старшина тайком прокрался на двор. Усталость внезапно опустилась в ноги. Антипа Иванович осмотрелся. Его ненужно и странно поразила тишина, которая как-то подстерегающе затаилась кругом. Кроме него одного, никого больше не было на свете. Всё замерло, замолкло, куда-то исчезло—и остановилось.

И так же вдруг, как пришла мысль умереть, Антипа Иванович вспомнил, что он стоял в нерешительности и задумчивости как раз на том месте, где застал Ольгу и Федора. Он мгновенно восстановил и смеющееся лицо Ольги и глупое лицо мешковатого Федора. Сам же он будто бы подглядывал в щель из сеней на сына и работницу. И тогда Антипа Иванович затрепетал перед одной ослепительной мыслью, и так в нее поверил, и настолько она показалась ему правдоподобной и милой и освободительной и всё разрешавшей, что он начал озираться. Почему-то осторожно, крадучись, он побрел со двора.

Антипа Иванович глубоко втянул ноздрями холодный и бодрящий воздух и прислонился к крыльцу. Он не удержал на своем лице легкой, лукавой усмешки.

© УНБ им. В. Г. Белинского http://booksrare.ru/

На другой день Глафира Васильевна, счастливая и ликующая, обнимала Ольгу. Она так осмелела перед своим негаданным и щедрым счастьем, так была рада и за себя и за дочь, так горда за предстоящее благополучие Ольги, что привела ее на кухню. Она говорила певуче, захлебываясь, громко, будто нарочно громко, чтобы слышала Марья Николаевна. Ольга была сдержанна и невесела. Глафира Васильевна одобрила и эту задумчивость Ольги. Счастье было так непривычно, что гораздо было степеннее радоваться ему молча и не показывать его людям.

— Ах,—разливалась влюбленно Глафира Васильевна,— что я тебе говорила! Каков ни будь грозен день, а вечер настанет.

Безмерную ее радость разделяла Пуша.

— Все может случиться: и богатый к бедному постучится!—удовлетворенно подсказывала она.

Пуша встрепенулась и бросилась к господам. Она немного завидовала Ольге, осмотрела ее всю и не нашла в ней ничего, чем бы сама отличалась от нее. Глафира Васильевна так и не узнала правды. Дочь промолчала о ней.

Антипа Иванович, не откладывая, женил Федора на Ольге. Старшина, не зная покоя, сердился, торопил, понукал—и в страхе оглядывался по сторонам. Он не выносил приметливых, слезивших и словно понимавших его беспокойство глаз жены. И все дни перед свадьбой он скрывал свое смущенье, придираясь к жене. Антипа Иванович подавлял в себе завистливое и ревнивое чувство к Федору. Тот услужливо и благодарно не мог наглядеться на отца, беспрерывно смеялся, прихорашивался, не отходил от Ольги. Антипа Иванович клокотал на него и сдерживался поневоле. Он никогда не представлял, что ему будет так нехорошо, так жалко себя. Антипе Ивановичу

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksvrsc.ru/

казалось, что он отдавал сыну то, что не должен был отдавать, чем не должен был делиться с ним. И он ненасытно и жадно приходил к Ольге. Он впервые полно и по-настоящему жил—и думал над тем, как трудна и беспощадна к нему жизнь. Антипа Иванович считал себя несчастным.

В те же дни Павел загулял и пропал из Юрова. С неискоренимой злобой Глафира Васильевна поддразнила его замужеством дочери. Павел затосковал и запил. Он где-то скитался и явился утром, накануне венчания, в усадьбу грязный, оборванный и прибитый. Николай Петрович долго кричал на него, швырнул ему паспорт, деньги и велел сдавать конюшню.

Павел смирно и робко поджидал барина. Но тот пришел только к вечеру, топнул на Павла ногой, заметив, что кучер, чего раньше никогда не было, не встал при его появлении, и дребезжаще выкрикнул:

— Первый и последний раз терплю!

Тогда Павел оживленно и радостно выпрямился, как солдат, Николай Петрович прошелся по конюшне, ткнул любимому коню палец в ноздрю, засмеялся на его чиханье и фырканье, почесал и погладил чолку и приказал:

— Охлупень! Лошади в грязи, не мыты, не чищены, а ты шляешься по кабакам!

Павел остался один и не мог удержаться, чтобы довольно и легко не вздохнуть. Но всю ночь он вертелся на кровати и думал об Ольге. Она невозвратно уходила от него. Павел часто надеялся, что Ольга перестанет сердиться, простит ему его ошибку—и он женится на Ольге. Павел выискивал случай, чтобы повидаться с ней, подстерегал, когда она приходила навещать мать, заговаривал с ней, даже брал ее за руку. Ольга была неумолима.

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Куда уж нам до тебя! — издевалась она.—Ты человек высокого званья!

В то время как всё вокруг зацветало красным, ярким цветом и заливало краснотой Павла, она смеялась ему в упор, низко и насмешливо кланялась и, не оглянувшись, уходила. Ольга не простила, променяла его на другого, теперь ему нечего было ждать, теперь он уже не мог даже заговорить с ней, и не о чем ему было говорить. Павел уснул, не преодолев своих запоздалых мук. Ему только, в отчаянии, захотелось всё же поглядеть на нее в последний раз, и он решил пойти на венчанье.

Павел спозаранок сгонял к пруду и выкупал лошадей и принялся за чистку хомутов и сбруй. Он думал скорее управиться—и бежать-бежать в церковь. Он торопился. Ему надо было торопиться, чтобы не опоздать, чтобы не проснулись господа и не задержали его. Особенно он боялся Марьи Николаевны, которая вставала рано и всегда приходила к нему, покуда в доме еще спали. Тошное и злое чувство обжигало его. Он неприязненно и гадливо вспоминал ее. И он не успел. Издали Павел услышал ее разбитые шаги.

— Ты где пропадаешь?—требовательно и недовольно спросила Марья Николаевна.

Павел что-то пробурчал. Сердце в нем сначала окаменело, испугалось, а потом будто вспухло и вскочило.

— Что?—тише и злее говорила она, подходя к нему.

— Прошло, проехало!—крикнул он, удивляясь своему крику.

Марья Николаевна замерла от неожиданности. Павел неузнаваемо сбесился, поймав ее настойчивые, презирающие и любопытные глаза. Он взмахнул над головой хомутом и задрожал.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Застегну! Пошла! Уйди, сука кривобокая! Ты мне жизнь перевернула!

Павел вне себя хлопнул хомутом о пол около Марьи Николаевны. Она отскочила и пошатнулась, как-то сжав свои дрогнувшие кулачки на груди. Он, дико поводя рехнувшимися глазами, нагло вопил ей:

— Тошно мне! Ты... ты такая красава, что, в окно глянешь, конь прянет! Конь прянет! А на двор выйдешь— три дня собаки лают!

— Ха-а-м!—взвизгнула Марья Николаевна и, подбирая подол, заковыляла из конюшни.

Павел озадаченно крякнул и проглотил наплывшую слюну. Он насильно засмеялся, но смех больше походил на плач. Так и не кончив чистки, он прикрыл дверь в конюшню и бросился к Богородице-на-Подоле.

Павел прибежал во-время. Он с какой-то отравой в сердце глядел на Ольгу из-за народа, поднимался на цыпочки. И с еще большей тоской думал о том, что хотя Ольга была теперь ему чужая, но, наверное, она жалела о нем. Павлу это показалось потому, что лицо Ольги было грустно. Она не поднимала глаз ни на жениха, ни на смотрящих—и будто о чем-то горько вспоминала.

Павел вернулся в Юрово. Ему было теперь все равно, даже не пришла на ум ссора с Марьей Николаевной. Она была столь малозначима в сумятице его чувств, что он не мог думать о каких-то малых и ничтожных, в сравнении с его душевными муками, последствиях ссоры. Он просто сел около конюшни и просидел несколько часов, пока его не позвали на кухню перенести какую-то кадку в погреб, а потом Николай Петрович, высунувшись из окна, не приказал заложить лошадей.

Антипа Иванович отпраздновал свадьбу. А через неделю Федор, напившись, избил Ольгу и стал гнать ее вон. Она

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

с плачем вырвалась из задней избы к свекру. Федор с поленом вбежал за нею. Антипа Иванович вскочил. Сын трусливо избегал глядеть на отца, жался от него, а когда тот прикрикнул и вступился за Ольгу, оттаскивая сына, Федор, с плачем, неистово завыл:

— Снохач! Снохач!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Вонючий старец Нафанаил умер. Так как старца знал архиерей, старцем интересовался даже митрополит петербургский и ладожский, то игумен Феофан ревниво подстерегал эту смерть. Как только Нафанаил слёг, в башне началась уборка. Скотницы мыли и чистили, Агафадор курил росный и обыкновенный ладан, жёг французскую душистую бумагу; истолкли и насыпали в щели пола и по углам каких-то благовонных трав. Башня преобразилась.

Первый шаг был сделан удачно. Какая-то баба-кликуша увидела над башней ночной свет. Приводили в порядок келью Нафанаила сторожко, по ночам, прячась от людского любопытства. Там, где решено было показать божественный промысел, человеческие руки не должны были показываться. Событие должно было совершиться только от неизреченной и чудодейственной силы. Свет фонаря, скупой и колеблемый, обронил на зеленоверхий башенный шатер неживую свою каплю, капля поползла по чешуе, зыбкое рябое покрытие башни зашевелилось, сдвинулось, капля перепархивала с одной чешуйки на другую—и медленно погасала.

Игумен Феофан торжественно записал странные явления, бывшие перед смертью старца. Бабу принялись сытно кормить на скотной. Баба разомлела—и на другой день к ночному таинственному свету прибавилось еще более

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

таинственное дополнение. Башенный огонь только предшествовал внезапному появлению из колосников шатра стаи розовокрылых голубей. Голуби не просто взвились над маковкой, они, затрещав крыльями и загугулькав, пролетели над обителью, с шумом и плеском вернулись на башню и троекратно, как бы в хороводе, покружив около нее, один за другим стали подниматься к небесам. Длинную голубиную лестницу на небо полоснул бегучий и красный огонь, покачал ее, потом всё исчезло, но баба долго еще слышала во мраке какой-то непередаваемый клекот.

Неожиданные даже для игумена Феофана вести несказанно его обрадовали. Он продолжал свою запись и велел, к удивлению скотниц, на другую ночь засветить второй фонарь у башни. Бабу на скотной берегли и почитали, в ожидании новых видений. Запись игумена Феофана была неполна. Баба оказалась беспаспортной. В «чуде» недоставало указания на род и на племя бабы. Родина ее была будто бы в семидесяти верстах. Записали с ее слов, но не доверяли. Монастырские кони поскакали за Рабангский волок. Одну бабу боялись отпустить за паспортом, как бы не сбежала и чего-нибудь не напутала. Отец Агафадор, возлежа с ней по ночам, провожал ее. Игумен Феофан проверил по паспорту показания бабы и остался доволен. «Житие» старца Нафанаила достойно было завязано.

Необычайные сны снились на Моше. Старца Нафанаила видели дети, бабы, мужики, монахи. Он являлся и во вретище, и в белых одеждах, и в фелони, и с посошком, и вел за собой медведя, и ходил с кадилом по монастырским стенам, и возносился над обителью, простирая над ней свои длани. Игумен Феофан затребовал от казначея пустую конторскую книгу, срезал в ней головку с «приходом» и «расходом», переписал бабью первоначальную летопись и тщательно продолжил запись сновидений, подбирая особо

Собрание им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

полюбившиеся ему. Он выслушивал всех. Но из осторожности не занёс ни одного монашеского сна и, обижая Ваську Носа, уклонился записать его рассказ.

Васька Нос видел, как старец Нафанаил с грязной метлой скакал на коне по ярмарке. Бежал от него народ, в переполохе закрывались лавчонки, опрокидывались палатки, лотки, ожили карусельные коньки, лебеди, гуси, львы, люльки и срывались с привязей. Откуда-то взялась несметная толпа юродивых. Они расхватали деревянных карусельных коньков, вскочили на гусей, лебедей, в люльки, засвистали, загалдели и кинулись за старцем. Впереди всех мчался верхом на Никанорихе Прошка. Оба они были нагие и срамные. Васька Нос, сообщив о Прошке, хитро помолчал, а потом решительно досказал дальше. Будто бы под конем старца осела до земли и раскатилась вся ярмарочная стройка, остался только постоялый двор Васьки. А потом подул ветер, сдул монастырь, остались одни святые ворота, а в воротах отец Феофан с крестом. Старец Нафанаил подскакал к нему, слез с коня, поцеловал крест, а за ним стали подходить к кресту юродивые и дураки. Тут Васька Нос в поту и страхе очнулся.

— Твой сон, Василий Дормидонтович, и сам царь Соломон не разгадает, — осторожно сказал Феофан, кладя на чернильницу было приготовленную для писания ручку.

— Не сон, а тупик,—лукаво изумился Васька.—И будто хорошо, и будто нехорошо. Чудо из чудес.

— Иносказание сие превратно истолкует незрелый человеческий разум,—тихонько и задумчиво цедил игумен.

— Я тех же мыслей, отец Феофан, держусь. Больно много знакомого народу задето,—вкрадчиво вплетал слово к слову Васька.—Оно, конечно, венец хороший. Ровно бы напоследок, как вы всех ко кресту-то подводите, это перст

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

и указание божье. Святой старец вам препоручает обитель. Всё разнесло, а вы со крестом. Слава-то какая!

— И сладок мёд, а в жары киснет,—уклончиво не принял лесть игумен.—Всеобщее и непонятное разрушение от гневливого нашего старца—знаменательное свидетельство. Возьмут в ум отгадчики и истолкуют сие—не быть-де ярмарке у святых наших стен. Нельзя, Василий Дормидонтович, предать твой сон бумаге.

— Писать, так писать всё,—не удовольствовался ответом Васька,—может, мне Нафанаил оттого и явлен, что знает меня. У монастыря я вырос. Кому другому, а мне ведома вся монастырская подноготная. Я от усердия пришел, отец Феофан. Я не спьяна видел, а отроду, кажется, так крепко не спал, будто меня кто мертвой рукой обвел.

Игумен отказался записать и после этого.

— Простые вы сны любите,—сказал Васька, ухмыляясь,—а со смыслом нет. А сноп без перевязки—солома. Святое завсегда непохоже на правду. Одно к одному и следует уставлять. Пускай, кому охота, разбирается. Впотьмах и гнилушка светит, а на свету ее не видать. Путаннее, оттого и завлекательнее. Молотите вы с оглядкой, отец игумен.

— Пойми, друг Василий Дормидонтович,—скромно, как бы подчиняясь не от него зависящему приказу, поклонился Феофан,—в умолоте не без охвостья. В сне твоем столь много не надлежащего лицезрению, что, запиши я сей сон, духовные власти, стоящие надо мной, возымеют против меня великий гнев. Нарекания мне тяжки. Полынь после меду горче самой себя. Нафанаил—почёт наш и радость. Вместно ли его вязать с блудливой женой Никанорихой и с прочими несчастными... худоумными чадами?

— Мне ж не попритчилось!—крикнул Васька.—Это, может, через меня монастырю указ.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://bookural.ru/

Игумен Феофан затаенно и неподкупно улыбнулся.

— Греховный сон. Ты, ложась, распалился и не сотворил молитвы. Козни Сатанаила. Для блага блюдомой тобой, как другом, обители, не говори никому, Василий Дормидонтович, подобное невразумительно опасное...

— Разблаговещу, на всю волость разблаговещу!—осердился Васька Нос.—Это я в худобе. Это над моим правильным словом, будто поклёп я говорю, надругательство. Святых без дурачков ни на одной картинке нет. А вам не любы. Дураки от этого и святые, что бог у них разум отнял. Им и грешить нечем. У них этого места совсем нет, которым умный человек грешит. Нафанаил тоже без ума был, а сподобился. Попросту—дурачок. Ранее того, сказывали старики, пьяница был по первой статье и баб обхаживал, не хуже нынешних монашков. В рай ему грехи не помешали войти! И чудеса творить при живности!

Игумен Феофан, легонько подталкивая, умильно глядя на Ваську, выпроводил его за двери. Васька Нос ушел, недружелюбно кося на игумена хитрый глаз.

Феофан было забыл о Ваське, но за вечерней, стоя в алтаре, вдруг вспомнил соблазнительный рассказ, фыркнул и начал кашлять и закрывать рот рукой от дремавшего на окне и сразу проснувшегося служки.

Нафанаил еще не умер, но, в предчувствии его кончины, Феофан разослал по ближним женским и мужским монастырям гонцов и лично предупредил в городе преосвященного Александра Верюжского о предстоящем торжестве православия.

Наконец уборка была закончена. В башне терпко и нежно пахли подсохшие травы, как серый каракуль завивался под потолком ладан, вынесло старую плесень и сырость в настежь растворенное окно,—и старец скончался. Его обрядили в игуменское неношенное белье и надушили.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralsc.ru/

Монастырский колокол, протяжно стеная, возвестил об отошедшем подвижнике. Братия пошла на поклон. За ней хлынули скотницы, монастырские работники, бросив работу, обрушились из деревень бабы, захромали старухи...

Чудеса продолжались: старец благоухал. Бабы с трепетом и страхом прикладывались к желтой, костлявой и ледяной руке. Баба-кликуша наклонилась к руке—и отшатнулась. Потрясая и пронзая всех своим неистовым визгом, грохнулась она на пол, перекатилась, раздельно ударились, как деревянные, руки и ноги, мгновенно свело голову к ногам, тонкий стан изогнулся, как заводная пружина... Страшное живое колесо перевернулось около покойника.

— Взглянул! Взглянул глазками!—прокричала баба.

Народ отваливался к дверям—и ужас, как кнут, стегнул длинную, до ворот, очередь. Пришедшие поклониться смешались и вперились глазами в башню. Оттуда словно понесло дымом, горелым и чем-то пряным и непонятно печальным. Баба подскакивала на полу, как огромный черный клубок, пыля и обвевая стоящих с немыми лицами людей ветром и холодом, то разгибалась и колотилась головой, вздрагивала, вытягивалась, затихала, то с новой силой как бы взлетала на воздух.

— Я грешница!—врывался в молчание башни ее захлебывающийся унылый голос.—Я надругалась! Обманщица я! Батюшка-а! Святитель!

Тут Агафадор, наблюдавший прощальный чин, мигнул стоявшим у изголовья и в ногах старца монахам—и те понятливо прижали бабу к полу. Баба приподняла их, подкинула. Монахам помогли стоявшие до того безмолвными и неподвижными мужики—и кликушу поволокли на улицу.

— На скотную ее!—беспокойно и гадливо прошептал Агафадор монахам.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralsc.ru/

Как только бабу убрали, Агафадор восторженно и воодушевленно упал на колени перед старцем и, словно не чувствуя себя достойным стоять при нем, подполз к руке и счастливо притронулся к ней. Он так и не поднялся. Оторопелая и примолкшая очередь смиренно повалила вслед за ним к руке. Поклонение было восстановлено. В башне вздыхали блаженно и опасливо, крались шепчущие некрепкие шаги, шелестели одежды, стрекали свечи в пузатых, как бы надувшихся подсвечниках,—очередь неисчерпаемо текла и текла.

Сподобившись, мужики и бабы понесли по деревням славу о новопреставленном благовонном старце, о бабе-пророчице, видевшей невообразимое, открываемое только угодным, по заслугам и по особой таинственной милости. Начался съезд из монастырей. Черные монахи, как гробовщики, скорбно и послушливо заняли ограду, церкви, башню... От черных мантий, подрясников, клобуков, шалей, над веселой и белой обителью словно спустился хмурый и зловещий вечер, примолкло снизились облака над землей темной крышей.

Преосвященный Александр прибыл, запретив от почтения к усопшему колокольный звон. Колокола немотствовали и не пели своей торжественной и величавой архиерейской встречи. Александр вышел из коляски у монастырских ворот, окинул задумчивым взором послушливо склонившиеся черные монашеские спины и проследовал пешком, постукивая слоновым посохом, к нетленному старцу Нафанаилу.

На Моше скопилось народу будто на ярмарке. Исправник Ардальон Ардальонович открыл в ярмарочном помещении полицейское присутствие. Становой Тузов нагнал урядников. По всем дорогам, в рядах, на скотном дворе, у соборов разъезжали конные стражники и поддерживали

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://bookkuzn.ru/

благолепие. Церковное торжество протекало неомрачимо. Словно во всем Заозерье перестали расти травы, наливаться хлеба, поля не требовали пашни, рыба в Миглеевском озере зарылась на дно и не ловилась, встала вся работа в деревнях,—отовсюду подваливали богомольцы. Спешно вернули Владычицу со сбора. Шли неумолчные службы.

Преосвященный Александр, светло и неотступно глядя на народ огромными, как бы горбатыми, выкатившимися глазами, таинственно возвещал с амвона о чуде. По его рассказу, сборщики заночевали в какой-то скудельной лесной деревушке. Они поставили и заперли на ночь Владычицу в деревенской часовне. Всю ночь грозило небо. Оно трескалось красными молниевыми швами. Где-то в неведомой глубине гудел ливень и не падал на жадную и ссохлую землю. Сборщики ночь провели беспокойно. В дремоте, как наяву, они видели, что часовня ослепительно сверкала, была она точно не деревянная, а золотая, плавились и кипели золотые стены и крыша, зажглось на земле огромное ликующее второе солнце. А под утро, после третьей стражи, сборщики без памяти вскочили. Всем им был один и тот же благовествующий сон. Часовня горела, как розово-красный куст. Из купины медленно и плавно поднялась Владычица в синем омофоре, со звездой на плече. Она вознеслась над клокотавшим пламенем—и голосом, краше кимвалов и арф, нежно сказала монахам:

— Почто, отцы, беспечны и не узрите меня? Спит Владычица соловьиным сном. Встаньте и следуйте за мной одесную и ошую. Иду я к одру немощного старца Нафанаила. Закрою ему изнемогшие вежды. Господь бог зовет его к своему светлому престолу.

Владычица сказала и пошла по воздуху, светя себе звездой на плече, как малым солнцем. Сборщики, потрясенные

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uniana.ru/

видением, в трепете кинулись к часовне. В ужасе они упали у порога. Двери были настежь. Владычица разрешила своей властью все узы. Замок висел целым в пробое.

— Маловерные!—грозно поднял дрожащие руки над головой преосвященный Александр,—они усомнились в видении. И... открыто покаялись передо мной. Недостойным, им показалось, что ночные тати похитили богородицу приснодеву нашу сладчайшую!

Народ, обмирая, не дышал и не сводил глаз с архиерея. Текли слезы из старушечьих глаз, давили мужики кашель, давно не курив махорки, опустили приниженно сборщики повинные головы у архиерейского красного места, а за церковным ящиком в притворе монахи аккуратно выставляли блюда для сбора и ссыпали на мягкие подкладочки-розетки мелкую медь на сдачу. Преосвященный Александр выдержал нужное, подтверждающее правду, потрясенное молчание и продолжал дальше.

Владычица будто бы сама поднялась с места. Сборщики, скованные немотой и страхом, опомнившись, безглагольные, подползли к иконе. Владычица стояла в часовне, повернувшись своим боговдохновенным и прекрасным лицом к Моше. Монахи созвали народ—и Владычицу понесли в обратный путь, как она повелела.

Преосвященный Александр обтирал жаркий пот и как будто плакал от общения с небожителями, невыносимого бренному и слабому и недостойному человеческому естеству. В церкви было душно, точно в недавно натопленном и прокаленном овине. Народ, распарясь, тяжело и трудно дышал.

Отец Агафадор из-под опущенных белесоватых своих ресниц тонко и блаженно усмехался на архиерея. Пыльная от дороги и нарочно необмытая, чтоб походила она на неустанную работницу и зиждительницу обители, Владычица

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

стояла у царских врат. Народ валил к ней после проповеди. Преосвященный Александр благословлял и рассеянно чувствовал, как и мокрые и сухие, горячие губы целовали его вздрагивающую от напряжения руку. Он обдумывал, достаточно ли ярко были изображены нерукотворные дела Владычицы, и не сделал ли он какого-либо промаха, невольно убавив впечатление и прославив ее не столь подкупающе, как того она заслуживала. Архиерей нашел в своей речи некоторые изъяны и опасливые места. Намереваясь в другой раз повторить проповедь, он решил заставить Владычицу явиться во сне не монахам-сборщикам, а какому-нибудь непьющему мужику из той деревни, где икона заночевала. Мужик должен был разбудить монахов, вместе с ними бежать к часовне и быть, следовательно, нелукавым свидетелем божественного промысла.

Архиерей был доволен теми нескудеющими мыслями, которые ему легко приходили, и он находчиво мог видоизменять их. Преосвященный чувствовал себя вполне удовлетворенным от этой смелости и молодости в мыслях, как будто ему не было за пятьдесят, он разгорячился, бодрствовал и властвовал над этой усердной и легковерной толпой.

Лучась своими возбужденными глазами, он накололся на глаза Агафадора. И архиерей и монах одновременно развели глаза в разные стороны и отвернулись друг от друга. Александр стал торопливее благословлять, Агафадор нырнул в толпу и скрылся, чтобы не смущать преосвященного.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Владычицу вернул в монастырь Агафадор. В последнем селе перед лесной деревенькой, где назначена была ночевка, сборщики-монахи забежали в казенку и заготовили

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booKurale.ru/

бутылочку. Прячась от хозяев, они роспили ее, закусили и развалились за чайком. Тут их нагнал под вечер Агафадор. Деревушка действительно была мала и бедна. Преосвященный Александр не солгал.

— Феогност! Маркелка!—шепнул Агафадор сборщикам.— Феофан велел икону назад гнать. Нафанаилу салазки загибает. «Чудо» изготовить надобно.

Сборщики возревновали. Они сначала испугались Агафадора. Им представилось, что он приехал проверять кружки—и надо было делиться с ним. Сборщики умело доставали содержимое из кружек. Они засовывали в отверстие тоненькую железную пластинку—взяли еще из монастыря,— перекувыркивали кружку, и деньги по пластинке выскакивали наружу. Сборщики не любили держать помногу денег в кружках, часто их проверяли и безошибочно знали по весу, сколько в кружках прибавлялось за день. Они старались не уступать прошлогодним сборщикам. Монастырь получал ни больше, ни меньше, чем было на него издавна положено первыми сборщиками. В года неурожайные касса убывала—тогда и монахам доставалось в обрез.

Посоветовавшись с Агафадором, отвертывая от него винное дыхание, сборщики успокоились. Хотя возвращаться не хотелось, не добрав еще своей доли, но возвращение было неизбежно. Они не могли спорить, однако, рассчитывали продолжить свое путешествие по миновании надобности во Владычице. Маркелка рассудительно и непреклонно сказал Агафадору:

— На ночь глядя, кто же лесом ездит. Будь здрав, ограбят. Про кружки знают, кому и знать не следует. Подрясник, как подол у бабы, на голову,—и к чорту, в болото!

— Может, Владычица прикроет,—язвительно вставил Феогност.

— Не мешай,—улыбнулся Агафадор,—сам спутается.

Собрание им. В. Г. Белинского
http://book.urfac.ru/

— Чего мне путаться,—бурчал Маркелка,—это одно. Другое—везти икону на лошадях, будто на перекладных, срам. Тор-же-ствен-но-сти мало. Подорожных она не соберет. Чудотворная икона, а на лошади скачет. Не лицо.

— Это нам, честной брат, изъян. Да,—подхватил Феогност.—К тому же и лошадка у тебя, Агафадор, дымит и пенкой смазана. Пускай полакает и пожрет. Брюхо у ней подвело, как и у нас.

Решили дожидаться утра. Агафадор сердито согласился. Они тихонько и деловито обсуждали приказ Феофана.

— Смастерить надо необыкновенное,—передавал этот приказ Агафадор,—Феофан сказал—надумайте там на месте. Без чуда не ворочаться.

Монахи посмеялись, почертыхались.

Ночью они, крадучись, отперли часовню, поворотили икону и оставили дверь незапертой. Ночью была лесная гулкая и черная гроза. Будто ломало по волокам лес, обваливались целые рощи, странно трещали поверженные дерева, лес гудел и задыхался от ливня. Мужики привычно спали, и никто не помешал монахам блуждать по деревне. Исполнив поручение Феофана, монахи заснули—и разоспались. Преосвященный Александр увлекся. Он заменил более разительную правду спорным и опасным вымыслом. Отпертую часовню заметили первыми мужики. Собралась вся деревня. Никто не хотел входить, опасаясь всяких неожиданных последствий и полагая, что икону кто-то украл. Тут Агафадор, крестясь, падая на колени, воскликнул:

— Глядите, глядите, православные, Владычица сама поднялась с места!

За ним повалились на землю Феогност и Маркелка. Агафадор, утирая глаза от скупых и ленивых слез, рассказал мужикам о богородичном наказе, бывшем ему в сновидении.

Собрание им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Мужики и бабы, растроганно прикладываясь к отпотевшей за ночь Владычице, дали тут же обет выстроить на столь прославленном месте церковь и с почетом понесли икону в дальнюю дорогу.

Они не подпускали никого к носилкам, кроме своих однодеревенцев, и, нечасто сменяясь, несли ее четверо суток.

Агафадор сопровождал шествие на лошадке и отсыпался от неусыпных своих хлопот, вызванных многозначительной и беспокойной смертью Нафанаила. По всей округе прославляли Владычицу, спешившую в свое пристанище, к богоугодному старцу.

При Агафадоре кружки нельзя было трогать. Маркелка и Феогност досадливо тащили их насыпанными доверху. Кружками теперь распоряжался Агафадор. Ему и сдавали их каждый вечер. Все кружки были наполнены. Агафадор при Феогносте и Маркелке вскрыл две кружки, ссыпал тяжелую кладь в мешок, завязал его каким-то хитрым узлом и вернул монахам пустые кружки. Феогност и Маркелка косились на пузатый мешок. Агафадор заметил. Недалеко от монастыря, не трогая последних отяжелевших кружек, он развязно сказал:

— Ребята, Феофану да казначею будет с остатком казны. Уж мы им, уж мы им поусердствовали! Мешочек я к себе заволоку. Захаживайте!

Агафадор, смеясь, певуче возгласил:

— И деляше ризы его поровну. Овому один талант, овому другой. Разодравши ризы по-братски, возопиим: ни гу-гу, гу-гу, ни гугушеньки!

В каждой деревне подбирали зевавший и удивленный народ. В последний день путешествия вокруг носилок накопилось его несколько тысяч. Он бежал наперегонки, нырял под икону—и не отставал.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://booksgate.ru/

Ведя за собой густую толпу новых богомольцев, сборщики доставили Владычицу к месту в канун погребения старца Нафанаила. Феогност и Маркелка, как ни стерегли Агафадора, ошиблись. Когда они явились к нему по следам на дележку, мешок уже был развязан, и Агафадор успел из него отбавить. Маркелка раздраженно съехидничал:

— Корочку отковырнул, негодяй? Честности в тебе нет!

— Честности нынче ни в ком нет,—мирно и спокойно ответил Агафадор,—разве у честной вдовы ее занять на разводку. А за строптивый нрав тебе по шеям, по шеям, отче. И толику меньше злата. Нам с Феогностом за скромный характер по мере, а тебе в пол-меры.

Феогност расчетливо и подобострастно хихикнул. Маркелка злобно швырнул Феогносту:

— И тебя, сука, облапошит. Чего подыгрываешь, дурак!

Агафадор с Феогностом выкинули Маркелке его часть, выгнали его и заперлись делить остальное.

На другой день, под плач и дикий клекот кликуш, надушенное тело старца Нафанаила, с посиневшим кончиком носа и подурневшими скисшими губами, легко смердевшими, погребли рядом с подспудными мощами Иоасафа.

Старец Нафанаил остался жить в памяти. Заозерское купечество вскладчину заказало ему медную кованую гробницу и на веки-вечные вздуло неугасимую лампаду над его останками. Купцы вложили в банк неприкосновенный капитал и привезли игумену Феофану дарственную. Феофан умильно и с благодарной ласковостью принял купеческое подношение на масло. Дарственная была заключена в кожаную папку. Серебряная с чернью пластина, в половину лицевой крышки, изображала Мошенскую обитель. Летели от нее по всему кожаному полю ореольные лучи серебряными иглами-стрелами, и промеж их прокапали золотые, как букашки, звезды. На задней стороне вделан был круглый

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksvalic.ru/

купеческий герб. Стоял на нем, подбоченясь, широкогрудый мужик в длиннополой поддевке. Он упорно и тяжко расставил ноги, уперся несворотимо в землю, наклонил голову в кудельках, надул сдобными пирожками щеки, зорко и чопорно глядел вниз, будто разглядывая свои сапожищи на широких каблуках с подковками. По пустому пространству спереди и сзади клевали рассыпанное зерно голубки. Мужик оперся одной рукой о высокую дубовую бочку с золотыми обручами. Вокруг бочки реяли пчелы, и порхали бабочки. Другую руку мужик глубоко засунул в оттопыренный карман. В подножье у мужика, в завитульках и прикрасах резчик крупно насек:

«УМ ЛЮБИТ ПРОСТОР».

Башню-келью привели в укромное и благолепное гнездышко дворянским коштом. Художник-монах отец Паисий, расписавший игуменские палаты «травным письмом», давно нанес незабываемые черты старца Нафанаила на древнюю, зачерневшую от олифы икону. Игумен Феофан догадливо лелеял свои дальновидные мысли и приказал ему приукрасить невзрачную видимость старца всеми доступными художеству средствами. В живом и пророчески проницательном обличье, не отличимом от Серафима Саровского и от Николы-угодника и от всех святых, предстал старец Нафанаил. Игумен Феофан запасливо хранил икону до поры до времени в старой наволочке у себя за шкафом. Теперь ее извлекли, повесили на гвоздик в башне и повили розовыми бумажными цветами.

К башне разделали дорожку, усыпали ее песком и гравием, с весны рассадили по бокам левкои и резеду— и в келью к чтимому старцу потекли богомольцы. Вклады на монастырь не оскудевали. Постоялые дворы Корыкалова

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksurai.ru/

и Василия Дормидонтовича Буракова в самое неторговое время торговали как в ярмарку. Мошенская обитель стала еще славнее.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Преосвященный Александр, когда умолкла погребальная сутолока в монастыре, Владычицу снова понесли по Заозерью, и почитатели и богомольцы как-то сразу исчезли, решил отдохнуть в обители.

Он проснулся на своем изукрашенном стараниями игумена Феофана ложе, вспомнил о высоких и глухих соборных стенах, запиравших внутренний архиерейский двор в городе, о пыли, которую никакими стараниями не могли вывести из его покоев, о надоедливых и неустранимых выходах в приемную к известным и знатным посетителям— и по-детски, озорно и лукаво, щелкнул пальцами. Александр довольно погладил шелковое, хрустевшее одеяло, приятно улыбнулся, представил себе, как дожидается его возвращения в город весь соборный клир, освобожденно вздохнул, и ему захотелось подольше не принуждать себя к службам и приемам, свободно растянуться и полежать на пуховичке.

Он представил себе, как был жаден и многоопытен соборный клир, переживший и пересидевший многих архиереев, как услужливо трепещет перед ним и напуган и покорен, но втайне тихо ненавидит его и зорко следит за его жизнью, дожидаясь, не оступится ли епископ на одной из предательски хрупких и угодливо подставленных ступеней. Александр знал цену этому длиннополому, гривастому, трубоголосому клиру. Он презрительно вызвал перед собой одно и другое и третье лицо.

Запаляясь и борясь с собой, чтобы не испортить радостное и редкое утро, Александр твердо и резко обвел

Сочинения им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

как бы глубокой чертой и соборного протоиерея, и регента, и ключаря. Они назойливо, расчетливо, ползком кружили около него, лезли на глаза и изо всех сил старались снискать его милость. Александр гадливо задумался о них.

Издеваясь и проверяя их преданность, он как раз незадолго перед отъездом каждому по отдельности говорил одно и то же. Он нарочно советовался с ними о бессмысленном сносе соборных стен, вдоль и внутри которых были настроены торговые помещения. Архиерейская казна наполовину составлялась из купеческих богоугодных взносов за лавки. Место у соборных стен было юркое, проезжее, исконное. Купцы платили высокую аренду. Они из года в год охотно прибавляли и не торговались. Александр с негодованием откинул одеяло. Будто он опять увидел приторно восторженные и противно поддакивающие лица протоиерея, ключаря и регента.

Весь этот соборный клир и консисторские чиновники, жалкие, черствые и сухие, наседавшие на деревенских попов, дьячков, просвирен, лакомые на вдовевшую попадью, рвачи и казнокрады, напуганно дожидались его—и в то же время радовались его отсутствию. Он связывал и стеснял. Они умели обманывать, умели не попадаться, были явно виновны и так же явно неуловимы, но все же он мешал открыто и непринужденно брать, надо было таиться, оглядываться, испытывать неудобство, изощрять себя в ловкости и проворстве. Это было трудно, обременительно и опасно. Без него предосторожности были излишни. Архиерейский двор освобождался. Будто враги отходили от соборных стен, снимали осаду—и в широкие соборные ворота всем был открыт желанный доступ.

Александр почувствовал такую против них злобу, что ему захотелось внезапно и тайком пробраться домой, захотелось насладиться растерянностью их, поймать, уличить,

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksural.ru/

разогнать их и позвать новых людей, тех скромных и застенчивых и честных людей, которые почему-то всегда приходят только просителями, от всех зависимы, тихо и неуверенно ходят, подобострастно говорят, с дрожью и с волнением в голосе, заплетаются, краснеют, бормочут...

Но тут же Александр недоброжелательно отвернулся от этих тихонь и недотеп, не умевших подать, не задевая его, костыль, неумелых и нерасторопных простаков. За них было бы стыдно. С ними нельзя было бы никуда важно и торжественно показаться, выехать, нельзя было бы служить в соборе, не сбиваясь и не поправляя их. Все они были неряшливы и так крепко забиты, что сделались неисправимыми.

У Александра прошла охота думать о них. Он даже злорадно поморщился, не захотев возиться с ними и обучать их вести себя по-новому, как то было необходимо. В голове у него вильнула недоброжелательная мысль против них, подсказавшая ему, что, научившись, они скоро бы забыли свое прежнее положение и стали бы похожими и на протоиерея, и на регента, и на ключаря. Александр досадливо зажал уши, словно он слышал все эти неприятные ему и надоевшие голоса и старой и новой свиты и пожелал забыться от них. Желание нагрянуть и опустошить и заставить трусливо дрожать за свои вины и соборный клир и консисторию бесследно пропало.

Александр с отвращением сел на кровати, сознал неустранимую неизбежность подчинения заведенному порядку—и как будто тотчас же полегчало внутри, разъяснилось, какой-то мирный и легкий вздох пошевелил тонкую рубашку на груди. Александр еще затаенно грозил самым скверным и неисправимым и наглым приспешникам, но угроза потухала, исходила в простую и безопасную для них досаду, покуда усилием над собой он и совсем не заставил

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralsc.ru/

ее рассеяться и спрятаться и не беспокоить. Словно, залив обильно водой раскаленные угли, подождав, когда они отшипят и съежатся, перестанут жечь, Александр вернул к себе то мирное и тишайшее настроение, в котором он пробудился.

Поставив на пушистый и мягкий коврик ноги, Александр, сгорбившись, посидел, переложил для чего-то на выступавших коленках руку на руку, похлопав одну о другую, издали разглядел тонкие и узорные морщины на руках. Александр словно забыл, где он и что такое надо было делать дальше.

Где-то осторожно шептались. Александр прислушался. Он сначала не мог определить места шопота и смущенно прикрыл ноги одеялом. Шептались в коридоре за стеной. Шопот был так предупредительно тих, что, если бы Александр спал, он не мог разбудить его. Преосвященный с благодарностью одобрил внимание к себе. Ему показалось, что тут, в монастыре, берегли его больше и относились к нему искреннее и проще, чем в городе. Может быть, здесь просто жалели его, усталого, много потрудившегося за службами над прахом Нафанаила, берегли как человека, а не как архиерея, по произволу которого рос каждый монашеский волос, выпадал и секся.

Но вдруг мысль разочарованно озарила перед ним ту же фальшь, без которой он хотел пожить несколько дней. Нельзя было никуда ступить, чтобы не встретить подчеркнутой о себе заботы, на самом деле заботы недобровольной. Даже нельзя было спать, как спят все. Он даже сонный оставался страшным и злым и всемогущим архиереем,—его надо было бояться, испуганно шушукаться за стеной и стеречь его дыхание.

Александр болезненно сжал губы и потом кашлянул. Мгновенно шопот оборвался. С гримасой на лице преосвященный

СОУНБ им. В.Т. Белинского http://book.uraic.ru/

представил, как за стеной омертвело вытянулись подчиненные ему люди, ждали, надеялись, что голоса их не услышаны господином. Он кашлянул еще раз. И тогда по коридору—он будто видел через стену,—люди, почти не касаясь пола, почти летя, — они были бы счастливы лететь,—стали удаляться на цыпочках, обмирать от скрипа половиц и прилипать к месту, чувствовать себя погибшими, пойманными преступниками.

Александр с омерзением и тоской подавил в себе незванно и непрошенно приходившие сегодня мысли. Он насмешливо покосился на стенную мушиную и пчелиную живопись Паисия, сравнив ее с живописью в своих архиерейских древних палатах семнадцатого века, мысленно назвал глупой и бессмысленной мазню Паисия и, не одобрив, нахмурился. Торопливая мысль уже настоятельно шептала, что надо приказать стены покрыть или обоями, или закрасить их в один притушенный и спокойный тон, чтобы так лаково и с каким-то льстивым, обнаженным и грубым глянцем не раздражала глаз масляная живопись.

Александр не мог больше глядеть на письмо Паисия. Ему казалось, что стены были одеты в какой-то крикливый бабий сарафан или обиты отливающей гладкой и мерзкой клеенкой. Никак не освобождаясь от испорченного настроения, Александр для чего-то и с кем-то спорил, что только древняя темпера, как у него в покоях, уместна для росписи стен, а не масляная краска, и расписывать можно и должно настоящим, призванным художникам, а не каким-то малярам-самоучкам, портящим красивую гладь этой круглой и нарядной комнаты.

Александр понял, что спасения не было нигде, нельзя было без присмотра оставить всех этих людей даже в таких пустяках, как отделка архиерейской комнаты. Люди эти могли быть только угодливыми, торопкими, старательными

Собрание В. Г. Белинского http://book.uralec.ru/

и ни на что не способными. Он был нужен для них, чтобы управлять ими, вести их, иначе они бы заблудились и не нашли дороги там, где даже ее не приходится и разыскивать.

Александр, успокаивая расходившуюся в нем злость, согласился с подсказом утешительной и увертливой мысли, что он высоко и недоступно стоял над всеми своими робкими и ничтожными слугами. Он стоял на своем красном архиерейском месте не только в церкви, но и здесь, и везде, и всюду, и он мог отдыхать среди них, не замечая признательных и умиленных и потворствующих ему людишек. Они считали бы свою жизнь неполной, потерянной, неоправданной, не будь над ними его.

Александр еще раз подтвердил свое намерение остаться в обители, оделся, вызвал Феофана и, корчась, как от укуса пчелы, от принужденного, хихикающего и поздравляющего его с пробуждением игумена, вытянул палец к стене и гневно приказал:

— Убрать! Какой осел намалевал эту гадость!

Игумену Феофану архиерейский палец показался таким необыкновенно длинным, будто он пронзал насквозь стену и выходил своим розовым и острым ногтем на улицу.

— Слушаюсь!—пролепетал он в невыразимом испуге и отчаянно сожалея, что не угодил преосвященному.

— Оклеить! Соскоблить! Загрунтовать! Закрасить! Теплой охрой! Золотистый оттенок! Б-безобразие!—кричал Александр, покраснев.—Это, это, если бы я выскочил к братии в полосатом халате, с бубенчиками на брюках, с гармошкой и задрал полы! И скакаше, и плясаше, и играше!

Игумен Феофан пережил трудную минуту. В игуменских покоях словно катали по полу гремящие бочки, полы́ едва-едва выдерживали груз, и сам игумен был еле-еле жив.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.ural.ru/

Он не знал, как услужить, как умилостивить преосвященного.

До того, угадав желание архиерея погостить в монастыре, он навестил игуменью Горицкого монастыря мать Елену. Она приехала на похороны старца Нафанаила и жила в странноприимном доме у большухи Александры Федоровны. Он дружил с ней. А по дружбе он знал давнишнее расположение преосвященного к матери Елене. Феофан, долго не уговаривая, получил ее согласие не погнушаться гостеприимством и до отъезда архиерея не покидать обители.

Выскользнув из спальни архиерея, Феофан тотчас же послал за матерью Еленой.

Утренний чай прошел тихо и непринужденно. Преосвященный развлекся, смеялся, шутил над живописцем Паисием и водил мать Елену из столовой в спальню осматривать живопись. Феофан испросил у преосвященного благословения не прерывать неотложных забот по хозяйству, требующему его неусыпного надзора, и, получив его, оставил их там наедине. Преосвященный охотно и старательно показывал матери Елене столь взволновавшее его незадачливое художество.

Игумен Феофан вернулся из обхода монастырских служб во-время. Александр уже подавленно зевнул, живопись Паисия опять предстала перед глазами в ее невыносимой, крикливой и пошлой гамме, а мать Елена заскучала и устало смежила глазки, как синие капли.

Феофан на всякий случай заготовил пару отборных монастырских коней, запряженных в новенькую, блестевшую как спинка майского жука, коляску. Пара дожидалась у подъезда. Она пригодилась.

Преосвященный, мать Елена и Феофан поехали до обеда прокатиться по монастырским угодьям.

Отдых преосвященного наладился.

Собрание Г. Белинского http://book.uralec.ru/

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Неисчерпаемо было хлопот у Феофана, но неисчерпаемо было и умение его. Как бы лучезарно сияя от архиерейского присутствия в обители, игумен легко и споро преодолевал все затруднения. Он не только изловчился угодить преосвященному в его требовательных капризах, но успел показать ему все свое добротное, коренастое и налаженное хозяйство. Александр одобрительно глядел на шустрого, умелого и умного слугу. Догадливость Феофана простиралась так далеко, что он предупреждал желания епископа. И делал все это шутя, играя и скользя, как опытный мастер, которому ничего не стоило его искусство и которого не затрудняло знакомое дело. Игумен словно бы даже стеснялся услуг, оказываемых им архиерею. Он хитро не выпячивал их наружу, но они были столь явственны, что не могли быть не оценены и не замечены. Феофан достиг, чего хотел: он неизгладимо запомнился преосвященному.

Мать Елена помогала. Под большие праздники Феофан приезжал служить в Горицы и привозил с собой монастырских певчих. Пели тогда на два клироса. Мужской и женский хоры перекликались, дополняли друг друга и неразлучно срастались. В старом Горицком соборе, построенном Ефросиньей Старицкой и царицей Дарьей, женой Ивана Грозного, утопленной им со скуки в Шексне, было тогда тревожно, радостно и велелепно. Хоры переглядывались, перекидывались какими-то быстрыми, как нотные крючки, знаками — и голоса сладостно, томительно и нежно бежали навстречу, сливались, изомлевали накопленным и нерасточенным жаром.

Мать Елена любила славных миглеевских сигов в пирогах. Феофан извинял чревоугодную страсть игуменьи и не забывал захватывать с собой дешевые, но льстивые

СОУНБ им. В. Г. Белинского https://book.uraic.ru/

подарки. Праздновали по три—по четыре дня. Раньше закрывали ворота от мирян. Мать Елена заводила древний чин в монастыре. Подолгу шла трапеза.

Певчие худели, пошатывались. Сипли и сламывались у них голоса. Монашки вечерами торопливо шмыгали за могилами, в братском саду, в развалинах башен и блаженно затихали по ночам в тесных и темных кельях. Мать Елена угощала Феофана протопившимися в сиговом жире пирогами. В покоях ее хрустели подрумяненные, рассыпчатые корки, таяли, пахло остро и щекотливо поджаренным луком, вином, ванилью и гвоздикой, изнуряюще и сумасшедше благоухали вырезные душистые герани. И как загрубелые корочки от пирогов, были подсохшие, натрудившиеся губы игуменьи. Она, стыдливо выглядывая из-под черной фаты на Феофана, раздвигала около его красневшего уха гриву, тоненько и беспечно смеялась и потом горячо шептала:

— Феофанчик, не забывай нас, инокинь...

Вспоминая праздничный месяцеслов, они условливались о новой встрече.

Теперь мать Елена обязанно и бескорыстно помогала Феофану покоить преосвященного Александра.

Архиерей отослал обратно всю свою городскую свиту, приехавшую с ним, и остался один. Было испробовано все, что зазорно не кидалось в глаза за оградой. И, наконец, преосвященный возжаждал Калерию.

На поминках по старце Нафанаиле он заметил ее. Калерия подошла к матери Елене, сидевшей напротив архиерея, и они о чем-то наспех шептались. Калерия была келейницей игуменьи. Преосвященный неизвестно почему заинтересованно следил за их близко склонившимися головами. Ему понравилось, как Калерия почти припала к плечу игуменьи, красиво изгибаясь, как у нее чуть-чуть

СОУНБ им. В. Г. Белинского
https://book.uraic.ru/

приоткрылись и сразу замкнулись губы, как она, вспыхнув, почувствовала на себе настойчивый и разглядывавший взор.

Александр не обратил внимания, что ему говорил сосед, исправник Ардальон Ардальонович, и проводил глазами Калерию до дверей. Ему показалось, что Калерия как-то особенно поспешно юркнула вон. В торопливости она прижала черный свой подол, и, покуда осторожно вытаскивала его, не смея стучать снова дверями, преосвященный усмехнулся над маленьким смешно торчавшим, убывавшим и дразнящим ухом платья.

Ардальон Ардальонович уловил направление глаз архиерея, но не разобрал, что за черное пятнышко так развеселило преосвященного. Невнимание епископа становой объяснил по-своему, не стал докучать разговором и даже вместе со стулом слегка отодвинулся.

В продолжение обеда Александр невольно обращался к дверям, словно поджидая, что Калерия еще войдет в комнату и опять наивно и неуклюже захлопнет платье.

Когда встали из-за стола, он подошел к матери Елене и спросил о Калерии. Игуменья, втайне торжествуя над слабостью Александра, пытливо вонзилась в него понимающими и подозревающими глазами и рассказала ему о постриге Калерии. Архиерей внимательно и напряженно слушал.

В те несколько дней, в которые отдыхал преосвященный, он часто видал около матери Елены келейницу, расспрашивал ее и несознаваемо любовался. Калерия так смущалась и краснела перед владыкой, что ему самому становилось неловко, и он, прикрывая глаза от игуменьи, отходил.

Феофан насторожился, заёрзал, завертелся. Он понял всю трудность надвигавшегося испытания. Мать Елена и Феофан, уединясь от преосвященного в игуменский сад,

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

долго укоряли друг друга в кознях. Игумен требовал, чтобы мать Елена отослала за чем-либо в Горицы Калерию, игуменья ревниво не соглашалась, не доверяя Феофану.

— Ты для себя, для себя бережешь,—страстно и кипуче шипела она,—так нет! Пускай она архиерею достанется, а не тебе. Ты, ты тягаться с ним хочешь! Тебе жалко. Тебе нужна непорочная дева! Мало тебе меня, большухи, мало тебе падших инокинь!

Мать Елена, в гневе от кажущегося вероломства Феофана, возбужденно возводила на себя то, чего не было.

— Я ее нарочно подсунула архиерею на глаза. Я нарочно ее привезла. Нарочно рассказала ему о ней. Пускай он, он лакомится—и согрешит! А тебе не дам! Ты, ты давно на нее наметился! На красный цветок и пчела летит! Да?

Матери Елене тут же вдруг представилось, что в последний свой приезд Феофан был неласков, скучлив, он что-то говорил Калерии и как-то не так смотрел на келейницу, как должен был смотреть на всякую другую женщину, кроме нее. Мать Елена не вняла всем его рассудительным доводам.

— Пойми ты,—пытался вооружиться терпением и не осиливал своего беспокойства Феофан.—Калерия неподступна. Она как жернов плавает. Она ж истинно дура святая. У нее вдоль и поперек головы по гвоздю вбито. Это не мы, распутники. Ее связать да заткнуть ей рот,—тогда справишься. Я ж не могу, хотя бы и для владыки, рясу свою променять на арестантское одеяние. Позор ведь и каторга! Архиерей сломится. На кого он тогда обрушится и умом и плотию своей? На меня. Надо развести их, пока не поздно. Гони ее отсюда!

— Нет, нет, нет!—все распаленнее упиралась мать Елена и злобно смеялась.—Какой сыскался защитник и покровитель не-по-роч-ных черничек! На женский норов нет

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

угадчика! Все мы сильны до времени. А я, а я подтолкну ее, подтолкну! В отместку тебе, лизоблюду! Не стели мне мягко, не разравнивай постели! Не поддамся! Ты за себя боишься, поверь даже я тебе, гнев преосвященного тебя пугает! А ко мне он будет милостивее? А от меня он не потребует вернуть ее?

Мать Елена задыхалась. Она дернула Феофана за рясу к себе и, тряся его, неудержимо хрипела:

— Ты ее уж соблазнил, соблазнил? Говори, негодяй! Так знай, знай, я тебе отомщу! Я увезу архиерея к себе. Я там их сведу, у меня, я заставлю Калерию. Я спала с архиереем—и я добьюсь своего! Я наговорю архиерею на тебя. Я сотру тебя! Быть тебе под горой, а не на горе! На Каменный тебя запрячу, в скит, на послушание! Я сорву с тебя игуменский сан, в хлебопеки тебя загоню!

Феофан пришел в ярость, сжал изо всей силы ее руки, толкнул игуменью, вскочил и бросил с отвращением:

— Отойди ты от меня, убогая!

Он ударил по скамейке кулаком и добавил:

— В дереве больше смыслу, чем в тебе.

Игумен быстро и вертляво, мгновенно осмотревшись кругом, вышел из сада. Мать Елена тихо, оберегаясь, всхлипывала сзади.

Преосвященный, не замедлив, ясно и твердо сказал:

— Феофан, тебе архимандритский сан мил? А, мил! Он у тебя будет!

Игумен так подавленно и разбито уставился безнадежными глазами на Александра, что тот, устыдившись, потупился и не знал, куда девать сразу переставшие слушаться руки, стесняющие, большие, красные и потные.

— Трудно?—тихо, застенчиво и нетвердо спросил преосвященный, внутренно раскаиваясь в том, что он говорит,

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

и неудержимо говоря дальше,—у тебя такой вид, словно ты прирос к полу. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Не понимаю,—пролепетал Феофан, желая сказать противоположное.

Александр не мог дольше видеть как бы разучившегося говорить и понимать игумена, потрясенного, загнанного, застигнутого врасплох и жалкого.

— Ты как мужик перед начальством держишь от меня цыгарку в кулаке и обеспамятел! Где же твои догадливость и проворство?—не зная, в чем же был виноват перед ним игумен, рассвирепел архиерей.—Все вы не понимаете, когда не хотите понимать!

Тогда Феофан решил исправить свою оплошность. В голове у него где-то ярко и резко мелькнуло сознание, что если он сейчас выйдет за двери, не исправив своей ошибки, его ожидают в дальнейшем одни неудачи, преосвященный от него отвернется, и мать Елена может привести в исполнение все ее безумные угрозы.

— Нет, я всё понял!—вырвалось у него поспешно и с боязнью, что он уже безвозвратно и неисправимо опоздал.

— Хорошо,—вдруг ласково сказал владыка.

Он как-то странно помахал игумену рукой от себя и стал к нему вполоборота. Феофан выскользнул из круглой комнаты и никак не мог забыть широкой и пухлой ладони преосвященного. Она ненужно часто двигалась, обращенная к нему, будто архиерей не был уверен, что игумен его послушается и уйдет из комнаты.

Архиерей рухнул на диван, опустил голову и закрыл лицо руками. Мгновенно его охватил стыд. Он жег и палил, мешал дышать, стиснул грудь незнаемой до сих пор болью. Александр с гадливостью к себе подумал, что еще никогда его поступки не были так низки и так непростительны. Даже этот лукавый пройдоха игумен Феофан был

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralc.ru/

его и выше, и чище. Даже он отступил в оцепенении перед той подлостью, которую задумал епископ и которую посмел выговорить его язык. Даже он, готовый на всё, мог теперь презирать его. Пускай он еще не совершил и, может быть, не совершит этого поступка, но изменить уже ничего было нельзя. Он был настолько отвратительным и гадким человеком, что в нем без борьбы и без всякого душевного смятения, словно бы даже с чёрствым расчетом, могло возникнуть это преступное желание. Он мог подумать, значит, он уже сделал или мог сделать это зло.

Александр припомнил страдающие глаза Феофана, почти кричавшие от ужаса, убегавшие от него в стороны. Словно, если бы они могли свободно и самостоятельно двигаться, они бы спрятались от него под диван, под кресло, забились в щель. Вся фигура игумена была какой-то раздавленной, будто на нее свалилась непосильная тяжесть, и ее пригибало к полу. От слов преосвященного как бы толкнуло Феофана в стену, он увидал перед собой такой ужас, что отпрянул, не мог его ни принять, ни осилить. Вид у него был такой, точно с этой минуты он впервые стал бояться людей.

Александр с мучительной завистью к игумену измерил глубину своего падения. Он сопоставил себя с Феофаном, и всем своим существом понял недосягаемую высь, которая отделяла игумена от него. Тот, кого он считал негодяем, кто понимал всё без слов, понимал самое позорное и мерзкое и был как бы падок до него, не хотел замечать в окружающей его жизни ничего другого, нагло издевался над простыми, добрыми и благородными человеческими чувствами, был теперь менее его подл.

Феофан удерживался на какой-то непереступимой для него грани, даже не заносил ноги, останавливался твердо и прямо, отклонялся и повертывал назад, а преосвященный

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksgate.ru/

просто, не задумываясь, перешагивал,—для него не существовало меры. Феофан угадывал тайные и грязные и смущенно невысказываемые желания, подталкивал к ним, осуществлял и как бы торжествовал, видя победу зла и порока.

Вдруг Александр вспомнил грязного старца Нафанаила, в башню к которому в один из давних приездов водил его Феофан. Оба они, не таясь друг перед другом, зажимали носы, преосвященный с дурнотой в горле выбежал из кельи и возмущенно кричал на игумена. Тот осмелился показать ему невыносимо противное и смрадное зрелище. Феофан притворно испуганно оправдывался. Александр с изумлением признался сейчас, что уже тогда игумен подталкивал его выставить на показ старца Нафанаила. Старец запомнился. Потом, ёжась и смеясь над Феофаном неуклюже угодившим ему, преосвященный справлялся о Нафанаиле, рассказал петербургскому и ладожскому митрополиту, заинтересовал того—и тем давал свое согласие сделать все то, для чего он приехал сюда и в чем участвовал, как старший и главный участник. Не он, преосвященный, направлял Феофана, а он лишь подчинялся, не замечая преступной воли игумена. Епископ был только водим. Грязный обман с телом Нафанаила был исключительно подстроен Феофаном. Не был ли он равен тому преступлению, которое соблазнительно затеял сделать Александр?

Владыка задохнулся от воспоминаний. Едва он как-то пристально углубился в свою прошлую жизнь, быстро сменяя одно другим, прошли все его пороки и преступления. Они валились на него как крепкие яблоки с яблони, били по голове, по рукам, по ногам. Он втягивал голову в плечи и не мог спрятаться. Преступлений и пороков было так неисчислимо много, что архиерею пришло на ум

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksgrace.ru/

это сравнение. Он увидал себя мальчиком в отцовском саду, за серым и подслеповатым поповским домом, в яблоновой и далекой от Заозерья губернии. Он украдкой обивал выхоженные отцом старые яблони, тряс морщинистые и корявые стволы, залезал на них, беспощадно обламывал хрупкие, изогнувшиеся от яблочного груза ветки. Яблоки туго щелкали о землю, прыгали, раскатывались, горели в траве красными, розовыми и желтыми шариками. Было любо слушать шум трепетавших яблонь, и страшен был густой и гулкий полет яблочного ливня. Александр так же ненасытно задыхался тогда от обилия сладкой и соблазнительной поживы, как задыхался теперь от множества горьких и мучительных и ничем не оправдываемых воспоминаний. Но как ни тяжело и ни страшно было прошлое, настоящее было хуже. Если уж Феофан, которого, сомневаясь, все же он считал гаже и ниже себя, отступил перед этим настоящим, как же, значит, оно было неоправдываемо преступно и жестоко. Александр и не искал себе оправдания.

Не отнимая рук с лица, он привалился к холодившей обивке дивана. От отчаяния он как будто перестал думать и понимать, а только почувствовал теплое и приятное мокро между пальцев. Архиерей пошевелил ими, крепче прижал их к глазам, но слезы упорно пробивались наружу. Как он ни старался проще и откровеннее заглянуть вперед и назад, что-то такое объяснить спокойно и ясно, разложить на отдельные и не связанные между собой части, он не нашел себе ни оправдания, ни успокоения.

И все-таки, схватившись за спинку дивана, раскинув крестом руки, преосвященный поймал себя на недоговоренном и укрытом далеко желании добиться своего, достичь победы, сделать то, что ужасало и в то же время неотразимо манило.

Собрание им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Он оставался допоздна с матерью Еленой в своей уже обжитой и приучившей его к себе комнате, смеялся, был ласков и обычен, но смеющееся, полное, неистребимо свежее лицо игуменьи заменял опаленным, сухоньким, строгим и таинственно влекущим лицом Калерии.

Феофан начал изворачиваться. Мать Елена, торжествуя и надеясь, как бы покорно простила ему вину и забыла о размолвке. Они вместе стали приучать Калерию к преосвященному. Игуменья не отпускала от себя келейницу. Архиерей сидел за столом между игуменьей и Калерией, Феофан суетился и вертелся напротив. Он старался как-нибудь случайно не взглянуть на Калерию, зная, что неотступно и ревниво следили за ним глаза взбалмошной и неуступчивой игуменьи. Та не доверяла ему и торопилась скорее подготовить развязку.

Все четверо с утра до ночи не разлучались, но чаще и чаще внезапно исчезали игумен с игуменьей. Калерия смущенно озиралась на преосвященного. Он глядел на нее такими добрыми и восторженными глазами, так застенчиво не выносил ее пытливого и высматривающего взгляда, что, еще не понимая, но уже неосознанно и смущенно о чем-то догадываясь, Калерия беспокойно подходила к окнам, держалась ближе к дверям и в тревоге прислушивалась к затихавшим игуменским покоям. Она как зверь чутьем искала тот опасный и враждебный след, который где-то крутил около нее запутанными и переплетающимися чётками.

Архиерей наедине немел. Он никак не решался сделать последний и желанный шаг, казавшийся ему в эти мгновения немыслимым. Владыка замечал сторожко и упорно отходившую Калерию. Он вспыхивал. Его словно обнажали и нагого вели по улице, и все, кто на него смотрел, понимали его тайные и позорные желания. А главное—

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

понимала она—и, трусливо отходя к окнам, к дверям, как бы уже безвозвратно отталкивала от себя, готовилась смертельно и неукротимо защищаться от него.

В ее недоверии и настороженности преосвященный чувствовал презрение к себе, страх перед ним не как перед архиереем, а как перед преступником, который может броситься, причинить зло. Ему представлялось, что он напоминал ей зверя, который кидается от непонятной злобы на человека, душит его, перекусывает ему горло и бежит дальше. Калерия стереглась и от преступника и от зверя.

Преосвященный жалко что-то говорил, даже был рад, что Калерия не подходила близко. Он первый вспоминал об отсутствующих, удивлялся, куда они ушли и почему долго не возвращались. Он не мог больше оставаться с Калерией и грустно посылал ее разыскивать беглецов. Какой-то невольный и непонятный запрет отделял его от Калерии. Феофан и мать Елена, видя Калерию ровной, скромной, почтительной и опрятной, смеялись и торопились на зов преосвященного.

Шла другая неделя, как жизнь Калерии изменилась. Она оглянулась назад и удивилась. Она уже несколько раз, ведя вечером мать Елену на половину к большухе, чувствовала в своей голове пьянящий хмель, не узнавала своего звеневшего и задорного голоса, какая-то новая радость была внутри.

Понемногу и осторожно Калерию подпаивали. Она чокалась и пила. И ей становилось легко и свободно, как и матери Елене, с преосвященным. Мать Елена будто бы пьяно и несвязно бормотала ей на ухо, когда Калерия ее укладывала в постель:

— Ты, Калерия, прости меня. Ты не осуждай, я—грешница, великая грешница. Ты догадываешься, ты видишь!

Сочинения В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Я люблю Феофана. Ты же любила, ты все знаешь! Но пусть это умрет в безвестности. Нам можно любить только тайком...

Игуменья прижималась к келейнице, притягивала ее к себе и шептала:

— И ты... и ты еще полюбишь! Я скрою тебя, как ты скрываешь меня. Ты не крепись, ты сдайся. Ты еще не изведала, как сладко быть женой! Ты тоже плотская и... все мы плотские!

Калерия не осуждала мать Елену. Она слушала вкрадчивые, неразумные слова, и они не задевали ее.

Феофан вертелся как зажженное бересто. Надежды его угодить преосвященному возрастали. И, чтобы не заскучал загостившийся у него владыка, игумен старательно продумывал наперед каждый день, всячески изощрялся и неоскудевающе находил всё новые и новые и разнообразные развлечения.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Стояла сенокосная пора. Феофан решил свозить преосвященного на хутор «Митинские угодья», где он недавно возвел для себя маленький одноэтажный летний дом с открытой террасой по одной стороне и застекленным разноцветным фонарем с другой, выстроил поодаль от него скотные дворы, конюшни, сеновалы, вычистил заилевшие пруды. Землю он вырвал из рук Николая Петровича Шеина. Бедневший барин просрочил два заемных платежа, игумен не стал ждать третьей просрочки и вынудил его, как бы по дарственной записи, за бесценок отдать богатейшие дедовские угодья. Тут теперь были неистощимые монастырские сенокосы. Вкладные монастырские леса соединились с купленными. На все лето угонялись сюда монастырское стадо и конный двор.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uiac.ru/

Игумен Феофан полюбил отдыхать на своем лесном хуторе, подальше от большой дороги, от людей, от дозорных и ненужных их глаз. Хутор стерегли испытанные и верные иноки. Феофан скрывал свое летнее обиталище от приличивого и разборчивого и копотливого в чужом хозяйстве архиерейского двора. Он остерегался сначала говорить о хуторе и преосвященному, но теперь архиерей был безопасен, и лесной хутор пришелся даже кстати, так как в нем-то, игумен и рассчитывал, должно было наконец совершиться архиерейское торжество. Заранее на хутор свезли вина и яства. Там в трепете поджидали высокого гостя.

Преосвященный радостно и весело балагурил в коляске с матерью Еленой, покуда скакали пять верст до хутора, и заглядывался на молчавшую и чем-то недовольную Калерию. Феофан так подсказывающе расхваливал хутор, его тишину и уединение, что архиерей почувствовал непременное желание поехать.

Он неутомимо целый день провел на сенокосе. Косили деревенские. На сенокос собралась вся округа. Монастырские работники по одному были приставлены к каждой мужицкой артели. Они начинали, шли в первом ряду и вели за собой мужиков и баб. Присутствие архиерея сначала стесняло, но он обходил косцов с такой довольной, приветливой и участливо-ласковой усмешкой, что они скоро привыкли. Александр обедал и пил чай на огромной выкошенной поляне, нарочно усевшись посреди косцов. Тут же в белой палатке он и заснул после обеда.

Преосвященного всё умиляло и тешило. Он словно всем хотел сказать: «Посмотрите на меня, я не строг, я прост, не бойтесь меня, я радуюсь, мне хорошо, пусть и вам будет приятно и легко жить». Он обласкал косцов. Долго и дружелюбно стоял у палатки, благословляя подходивших

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

к нему баб и чмокавших его в белый и гладкий тыл руки. Архиерей жмурился от несказанного и безотчетного удовольствия. В запахе сена, смолистого леса, в продувающем ветре, в тепле и блеске солнца, в голосах людей было что-то обольстительное, бодрящее и возбуждающее. Преосвященный переживал заново воспрянувшие в нем и было растраченные чувства. Он любил.

Калерии было неловко. Ее все знали. Бабы тесно и дружно обступили ее, ошибались в имени, называя по-старому, торопливо поправлялись, расспрашивали, разглядывали, осматривали ее черное и опрятное платье. Они будто бы завидовали ей.

— В холе, мать Калерия, живете, оттого и атласные,— шамкала Фекла Обухова.

Калерия краснела.

— А мы все по-старому,—твердила дальше старуха.— Спина бы не треснула, матушка. Вон игумен-вертун ломами-то хлещет,—на него и трудимся. Нагнал народу и старого и малого. Я и то пришла поогребать.

— Не все ль равно, мать,—сказала Енька Лепакова,— косили барское, косим монастырское.

— Когда свое косить станем, не знаем,—ввернула Анушка Лепакова.

— Ты высоко поднялась,—одобряла Орина Ивнягова.— Это добро. Окол самого архирея. Почет дороже всего. Наших местов ты,—ровно и нам почет. Добреющий и архирей, батюшка! Кажись, простого звания, косу ему в ручки, и пошел бы...

Преосвященный понравился бабам, и они наперебой хвалили его.

— Не архирей, а краса. Феофанишка-то будто собачонка увивается.

— Улещивает.

Сочинения им. В. Г. Белинского http://book.ukaic.ru/

— Хоромы-то возвел не знать зачем в лесу.

— Мастак!

— А гляди, смелой какой! Не побоялся самого архирея приволочь на сенокос.

— Поди, в уши-то нажужжал архирею—для тебя-де, для вашей милости от комаров домик-игрушечку склеил.

— Он продувной! Не такого доброго по видимости архирея проведет и выведет.

Не удержались и подошли к Калерии мужики.

— Ну вы, шёптаники, разойдись!—засмеялся Платон Кутьков.—Матери Калерии за здравие!

Никандр Лепаков, Сергей Еремин, Подувалов, Терехин здоровались с ней за руку—и еще больше смущали ее. Калерия видела, что они жалели ее и подбодряли.

— Не соскучилась в монастыре,—смеялся Платон Кутьков,—все звон да звон да молитвы! А тут вон у нас раздолье—хвать, пол-поляны и нету.

Его весело поддержали другие мужики.

— Третий день над одним загоном бьемся!

— У бога травы хватит.

— Хлеба́ у монастыря тощие.

Мужики неприветливо отнеслись к скупой на ласку и сдержанной матери Елене. Та, скучая, проводила день, ни к кому не подходила, сидела на одном месте и нетерпеливо дожидалась, когда преосвященному надоест возиться с косцами, можно будет засесть на хуторе одним, не видеть этих пестрых рубах, разляпистых и смешных платьев, кофточек, не слышать громких и хохочущих грубо и довольно голосов, не жариться на невыносимом солнце и не чувствовать от котлов запаха подгоревшей пшённой каши.

— Хозяйка твоя лежун-камень просидит,—злился Никандр Лепаков.

— Хворая, должно быть,—подзудила Енька.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksvrsk.ru/

— Хиль в теле, вострота в мыслях,—сердился и Платон Кутьков.

— Удалось сидню с печи упасть,—подсмеялся Еремин.

— Тяжеленько тебе с ней?—спрашивал Подувалов.—Строгая? Говорит в прикуску?

— Отстаньте, мужики: хлеб спит в человеке,—выдавил Терехин.

Недоброжелательство мужиков против матери Елены обидело Калерию, и она стала защищать ее.

— Говори, говори там,—не поверил Кутьков,—человека видать по ухваткам. Видишь, как норку-то подняла! Нас на Исусе не купишь. Прости, ежели неладно говорю. Нашел поползень Феофан втихомолочку зажимистую себе богомолочку! Нам—что Моша, что Горицы. Здесь монахи, там монашки. Естество однакое у мужика и бабы. Ты своя, тебя не опасаюсь, оттого в открытую и бормочу. Почто приехали-то?

— Преосвященный захотел,—скромно ответила Калерия.

— Так, так,—ухмылялся Платон Кутьков,—долго чтой-то засел архирей у Феофана. Старца закопали. Пора бы и восвояси. О! людям жизнь! На одно солнце глядим, а разное видим. Нам солнце бы не сходило с неба, боле приработаешь, а другим разглузка. Хочет он—в городе живет, хочет—в монастыре. И на сенокосе спальня готова. А мы живем—покашливаем, ходим—похрамываем...

Мужики и бабы, выспросив у Калерии всё, что им было нужно, поспорив между собой об архиерее, постепенно отошли. Калерия была рада. Она явственно увидала, что между ней и деревенскими была как бы широкая река. Мужики и Калерия стояли на разных берегах, чуждо перекликались и не могли понимать друг друга. Но из встречи с знакомыми мужиками и бабами она вынесла какую-то крепкую и глубокую грусть. Она вдруг позавидовала,

Собрание им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

что не могла остаться ночевать тут на поляне, вместе со всеми косцами. Она позавидовала и тому, что на Еньке Лепаковой был яркий, красный платок, Енька была босая, смелая и вся в каких-то веселых и радостных ямочках. И когда вечером поехали на хутор, отстоявший верстах в двух от поляны, Калерия, с той же неудовлетворенностью собой, невесело слушала настигавшие сзади густые и дразнящие песни косцов. Скорбь остро засела в сердце.

Калерия безвольно и молчаливо пила какое-то сладкое вино. Мать Елена, повеселевшая за столом, часто подливала ей. Сама она как будто торопилась напиться и не выпускала из рук бутылки. Уставший за день преосвященный скоро захмелел. Пил жадно и много Феофан.

Поднимая непослушные и тяжелевшие глаза, Калерия видела перед собой белые, сверкавшие зубы архиерея, игумена и матери Елены. Висячая лампа так мало давала света, что даже стол казался застланным полутемнотой. Калерия временами слушала резкий и кричащий звон бутылок. Он выделялся среди голосов. Стул под ней словно качался, и вместе с ним качалась Калерия. Она даже схватывалась за стол и вздрагивала. В комнате громко и весело смеялись над ее испуганными движениями. Она тоже хотела засмеяться и не могла.

Потом Калерия увидала рядом с собой преосвященного. Она заинтересованно вспомнила, что архиерей сидел напротив, и удивилась, когда он незаметно перешел оттуда. Он сидел так неудобно близко, что она чувствовала на своем лице его дыхание, а сквозь распахнувшуюся рясу шел от него как бы горячий и потный пар. Плечи их касались... Калерия изогнулась в сторону и отодвинулась к матери Елене, но она оперлась на пустой соседний стул,

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Калерия хватилась игуменьи. Не было ни ее, ни Феофана. Калерия невольно было хотела встать, но тут же архиерей просунул между ее спиной и стулом руку, тепло и осторожно покачнул Калерию к себе и поднес к ее губам розовый стакан. Калерия с недоумением прислушалась, как шуршала, словно окутывая ее всю, шелковая ряса владыки, как он о чем-то тихо, непонятно и несвязно просил. Он легонько отогнул ее голову назад толкавшим в губы розовым стаканом. Пахучее вино колыхалось, расплескивалось, мочило грудь Калерии. Вдруг вино как-то пронзительно и щекотливо ударило в нос, в глаза. Калерия сжала зубы. Стакан глухо ударился. Калерия оттолкнула его, опрокинув на архиерея. Стакан выскользнул у того из рук и разбился.

Архиерей снова что-то шептал ей, плотно обняв ее за талию и как бы стащив Калерию со стула к себе на колени. Полуседая голова его, дрожа, приблизилась к ее губам, и внезапно, перехватившись руками, он, сдавив ее голову, прилип. Тот же винный, противный, содрогнувший ее запах, как из розового стакана, хлынул изо рта, с губ, с разметавшихся волос, с груди архиерея. Внутри у Калерии как бы перевернулся шероховатый клубок, всё там рванулось, ощетинилось, отвращение перекосило ее всю— и Калерия встряхнулась, наставила в грудь архиерею локоть и больно уперлась в нее.

Преосвященный тянулся, обнимал ее, тащил... Борясь, они повалили стол. Под ногами хлюпали и трещали рюмки, стаканы, тарелки. Бутылки, извергая вино, с грохотом катились по полу и прижимались к стенам. Подошвы приставали к мягкому и вязкому мокру от вин и яств. Топчась в винной луже, обрызгивая друг друга, с треском разрывая одежды, путаясь в них, они тяжело дышали, и каждый не хотел уступить другому.

Собрание им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Калерия словно очнулась от долгого забытья и только теперь поняла, для чего ее привезли на хутор. Мгновенно, как бы зовя на помощь, она вспомнила красный, как флаг, платок Еньки, вспомнила мужиков и баб на сенокосе—и одновременно с этим воспоминанием она начала ясно и отчетливо соображать, вино перестало застилать глаза, и к ней вернулась ее возмужалая сила. Вскричав от негодования на преосвященного, она бросилась на него. Он не удержался, скользнул в луже и свалился на бок. Калерия вышибла раму, отчаянно и бешено позвала:

— Помогите! Помогите!

И не дожидаясь, когда придут люди, не веря, что ей помогут Феофан и мать Елена, и потому не побежав в двери, Калерия высунулась в окно, не раздумывая, взобралась на подоконник и выпрыгнула. Ноги ее глубоко ушли в клумбу а руками она упала в отсыревшую за ночь землю.

Та же освободившая ее из оцепенения сила погнала ее дальше и дальше от хутора. Калерия, не останавливаясь, прошла до свету пять верст. И в эти пять верст, не преодолев в себе возмущения против близких ей людей, обманувших и надругавшихся над нею, она укрепилась, почувствовала, что пережила самое страшное и опасное в ее жизни. Она долго и настойчиво обвиняла себя в слабости. Ей представлялось, что она уже осквернила обещание, которое дала перед постригом. Все эти дни она жила не так, как должна была жить. Но постепенно она искала и находила оправдание, успокаивалась, возрастала уверенность, что она не повторит больше своих ошибок. Наконец она радостно затрепетала от победы над своей плотью. Она поверила, что ей теперь не страшны никакие другие испытания. Она не поддалась самому важному и почти всемогущему соблазну, перед которым бессилели другие, она одолела его и превозмогла.

Собрание им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Калерия растерялась на минуту, завидев мошенские главы, но только на мгновение она в нерешительности не знала, куда ей итти. Мелькнуло желание пойти к отцу. Но она даже испугалась одной мысли, что отец может увидать ее в такую рань, может подумать о ней дурное, может спросить, где она была и что с ней случилось. Мать Елена была так грязна и порочна, что Калерия с усилием подавила в себе отвращение не только к ней, но даже к ее вещам, к ее постели, особенно к ее круглому, в серебряном ободке, зеркальцу и голубой просвечивающей пудренице, лежавшим в особом парчевом мешочке под подушкой. Но некуда было итти, как только туда, где стояла теперь пустая кровать матери Елены и лежали ее противные укромные вещи. Ей некому и не о чем жаловаться. Она сама позволила напоить себя, она сама допустила обнимать себя и целовать. Калерия тихонько, не будя большуху Александру Федоровну, пробралась в странноприимный дом.

Покуда Калерия пересекала Митинские угодья и выходила на монастырский проселок, на хуторе уже метались. Феофан и мать Елена подслушивали и подглядывали, что происходило в столовой. Отталкивая и отжимая друга друга от умышленно неприкрытой двери, впиваясь глазами в тусклую и мутную щель, они жадно и сластолюбиво наблюдали. Но так неожиданно и скоро всё кончилось, что едва Феофан, разгоряченный проказами преосвященного, обнял мать Елену и сунул свою руку в теплую подмышку к ней, Калерия уже уронила владыку, дико будила хутор— и ринулась в окно. Остолбенев, помедлив, они ворвались поднимать поверженного преосвященного, расслабленно бормотавшего на полу. Они трепетали, дожидаясь его гнева. Но архиерей, стыдно отворачиваясь от них, облокотился на вскинутый сразу Феофаном мокрый

Собрание им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

стол и молчал. И вдруг томительное напряжение облегчилось.

— Кажется, никто не проснулся,—проговорил в невероятном страхе Александр.

Все прислушались. Феофан с вечера предупредительно отпустил людей с хутора. Игумен уже оправился.

— Ваше преосвященство!—загадочно шепнул он.—Вблизи никого. Немо и безгласно. Все усланы. Работники на сенокосе. Коровницы спят.

Пола у архиерея обмокла и грязно облипала стул. Ворот рясы был разорван. На щеке выступила, как бородавка, багровая капля. Растрепаны были и волосы и борода. Преосвященный был так жалок, что словно он убавился в росте, похудел, состарился, находился в неволе и отчаялся перенести сломившее его горе.

— Что мы наделали! Что мы наделали!—беспомощно и трясясь говорил он.

Архиерей вдруг вытянулся и встал прямо у стола, будто ожидая, что кто-то сейчас войдет в комнату, увидит усыпанный растоптанными яствами пол, увидит винные, как кровь, протёки, лужи, вдохнет переполненный спиртным запахом воздух—и станет все столь понятным и обличающим, что нельзя будет избежать позора и наказания.

Под окнами раздавались некрепкие и спешившие шаги. Но Феофан скорёхонько перегнулся через подоконник.

— Это ты, Федот?—обычно и певуче спросил он.—Добрый, добрый старина! Так и надо стеречь!

Старик дрябло и недоверчиво сказал:

— Быдто бы крик, отец Феофан! Я на крик.

Феофан притворно хихикнул:

— Как же, как же! Это я тебя проверяю. Дай, думаю, узнаю—так ли хорошо стережет Федотушка монастырское добро, как должен. Я и крикнул.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Федот закашлялся и довольно залебезил:

— Мы стараемся, отец Феофан. Спать на сторожке некогда, и ответ держу, и тебя бы не прогневить. За сеновальчиком я был. И чуть крик-то...

Старик подумал и еще раз уверился в какой-то беспокоившей его мысли.

— Не своим ты и голосом-то взрычал, отец Феофан. Быдто пискливый голос, дурной, с бабьим схож...

Феофан весело качнулся на подоконнике.

— Так оно и есть,—точно уставая говорить, изнеможенно протянул Феофан.—Так оно и есть. Позови я тебя своим голосом, ты б сразу понял, что это проверка, а не тать ночной и не обида кому-либо от лихого человека. Шутка такая безгрешная, Федотушка. Ну, иди со Христом в обход. А я прилягу сызнова. Солнышко, должно быть, разжарило меня на сенокосе. Не спится. И всякие сновидения...

Федот сдавленно и тихо проговорил:

— Архиерея-то неровно бы разбудил! Тут как быть?

— Не-е-т,—насмешливо успокоил старика игумен,—преосвященный спит крепко.

Феофан выпрямился и строже закончил:

— Иди, Федот. Как бы действительно нам не разбудить долгим разговором владыку.

Александр оценил находчивость игумена и посмотрел на него таким взглядом, что этому взгляду позавидовала мать Елена.

— Надо ее найти!—продолжал робко и подчиненно говорить архиерей.—Непременно найти. Она бог знает что может наделать. Нас ждет тогда ужас! Ужас и кошмар!

Феофан ловко и неопровержимо ввернул, окончательно выручая Александра:

— Ваше преосвященство! На хуторе ничего не было. И тихо, и спокойно, и благолепно. Ничего не было.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksvrale.ru/

Черница строгая, выдержанная. Ум за разум у нее не зайдет. Она в резвости сейчас. Искать нам ее неподобно. А соблазн ее одолеет предать нас сраму и заушению, ваше преосвященство, тогда ничего не было...

Федот отходил дальше и дальше от хутора, последив, как Феофан затворял окно, и гнусил себе под нос со злобой и пренебрежением:

— И чего не спит, похотливец ненасытный! Про-о-оверя-ю! Проверщик! Поди, с игуменьей от похоти разодрались—та и взвыла! А он на себя переложил!

Федот осуждающе и безнадежно потряс рукой.

— Хе-хе,—двигал он язвительным своим лицом,—Ма-а-вра! Абра-а-м! Хе-хе! Ровно коты и кошки! Залегли в дачку—и не стыдно: два монаха, две монахини! На сено-кос-де приехали! Про-ве-трить-ся! Тьфу!

Старик плюнул на молчаливый и подозрительный хутор.

— Ничего не было! Ничего не было!—повеселев, твердил преосвященный в это время.—Верно, мать Елена?

— И было, да не было!—согласно усмехнулась игуменья.

Александр съежился и покраснел.

Они возвратились в монастырь к ранней обедне. Преосвященному сейчас же начали закладывать лошадей.

Разогорченный звонарь Увар, которому не удалось встретить архиерея и порадовать его своим торжественным искусством, проводил его зато таким необыкновенным и ликующим трепетом колоколов, что Александру было стыдно поднять глаза от внутренней малиновой обивки коляски.

Мать Елена горделиво вошла в свои покои, безразлично поглядела на хмурую Калерию и повелительно бросила:

— Выйди отсюда! Тебя отвезут в Горицы! Нарядчику сказано. Назначаю тебе послушание к матери Евстолии. Переберись от меня к ней!

Калерия молча стала собираться.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Бумажный фабрикант Владимир Викентьевич Семенков, окончив Высший Коммерческий Институт, объехал Западную Европу, вывез оттуда Эдуарда Эдуардовича Струка и занялся переоборудованием фабрики на заграничный лад. Отец Семенкова, Викентий Герасимович, словно поджидал, чтобы сын успел подготовиться к принятию наследства. Вскоре он умер—и перед молодым хозяином открылись беспрепятственные возможности захудалую доморощенную фабрику превратить в настоящую, европейскую.

Викентий Герасимович сам зачинал дело. У него достало сообразительности и смётки к выбору удобнейшего места на Рабанге. Он не испытывал недостатка почти в даровой рабочей силе, выпираемой голодом и безземельем из деревни. Фабрика его была одна из первых, изготовлявших российскую целлюлозу. Он тридцать лет назад выписал через петербургскую таможню машины—и на этом остановился. Он изредка кое-что подстраивал к фабрике. Она разрасталась как бы сама собой и требовала лишних складов, контор, жилья. Он подчинивал машины и менял в них изработавшиеся части, перестилал в фабрике полы, перекрашивал крыши, снес деревянные ворота и поставил железные. Но все это он делал поневоле, когда уже нельзя было дольше оттягивать с переделкой прогнивших и дырявых полов, с перекраской, скорее даже с подкраской, прохудалых крыш, с установкой косивших и небезопасных ворот, с осмотром подозрительно и расхлябанно гремевших машин. Все это нерадиво брошенное обзаведение грозило убытками—и Викентий Герасимович сознавал необходимость починять его.

Он приходил в тревогу перед неустранимыми и явными убытками. А они возникали для него, когда надвигалась

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralie.ru/

опасность поднимать тяжелую крышку у железного сундука, привинченного к полу в теплой и темной спальне Викентия Герасимовича, и доставать оттуда деньги, а не раскрывать сундук для того, чтобы туда их вкладывать. Скрытые и не лезущие в глаза убытки от старевшей, изношенной, избитой фабрики его не беспокоили.

Обгоняли фабрику Викентия Герасимовича и качеством и прибыльностью позже воздвигаемые фабрики, легкие, экономные, дорожали рабочие руки, уменьшалось из года в год накопление в железном сундуке,—но Викентий Герасимович довольствовался верным и спокойным доходом. Только фабричный гудок цепко, упорно, не ослабевая от неудач, не жалея ни денег, ни усилий, он подбирал лет двадцать. Викентий Герасимович перепробовал железнодорожные, фабричные, заводские, морские,—и не удовлетворялся. По нескольку раз в год происходили крикливо и шумно пробы тщетно разыскиваемого и нужного ему гудка. Забракованные гудки развешивались на стенке в конторе, смазывались от ржавчины маслом и для чего-то береглись.

Наконец Викентий Герасимович нашел какой-то трубоподобный басовой гудок, радовался ему, казалось, больше, чем подраставшему смышленому и бойкому сыну,—и под грубый, могучий, раскатистый рев гудка умер.

— Раздурелся!—неприязненно говорили мужики в Заозерье.—Семенков обедню служит. Труба ангельская. Впору на страшный суд звать.

Гудок будил рабочих, словно стуча по рамам невидимой и требовательной своей рукой. Рабочие вскакивали, бежали, открывали, как под гремящим колоколом, рот, покуда он оглушающе орал и над головой и под ногами и особенно в ушах, мешая разговаривать, думать. Рабочие прозвали гудок по имени хозяина.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralweb.ru/

— Викентий зовет! Вставай!—подымали жены заспавшихся мужей.

— Тятька,—спрашивали ребятишки,—Викентий из чего сделан?

— Из бархату,—смеялись отцы,—оттого и шероховатый.

По «Викентию» жили, вставали и ложились, ели, пили, охотились, рыбачили, собирали грибы. Когда «Викентий» ломался, и его спешно починяли, жизнь ненадолго расстраивались, путалась—и налаживалась вместе с исправленным гудком.

Викентий Герасимович имел еще одну страсть—к смазным сапогам. Все они, по нескольку пар в год, шились на один и тот же фасон, чуть занашивались и ставились рядком под его кровать. Так как никогда не было известно, какую пару наденет, пробудившись, Викентий Герасимович, прислуга обязана была держать все сапоги в порядке, начищенными ваксой и вытертыми от пыли. Жена брезгливо спала с Викентием Герасимовичем на кровати—и в его отсутствии старалась не заходить в спальню, раздраженно и несмело называя ее сапожной мастерской.

Но на гудки и на смазные сапоги Викентий Герасимович расходовал так мало, так нечувствительны были эти капризные и прихотливые траты, что сыну он оставил, кроме подвихнувшейся за тридцать лет фабрики, полный сундук неумирающих кредитных билетов, придавленных, как продолговатыми гирьками, мешочками с золотом.

Бумажные деньги слежались и пахли затхло. Все мешочки были из замши, перевязаны шнурками, а к висевшим концам шнуров накапаны сургучные красные печати. По бокам мешочков были наклеены однообразные глазастые ярлычки с цифрой «10», повторенной прописью: «д е с я т к а».

Владимир Викентьевич благодарно и тепло засмеялся над сундуком, вскрыв его. Он подсчитал наследство, ссыпал

Сочинения им. В. Г. Белинского http://book.urfac.ru/

золото в чемодан, связал в одну пачку, как листовой табак, кредитки, с предосторожностями отвез в город и положил в банк на текущий счет.

Ни сундук, ни замшевые мешочки, ни смазные сапоги, ни собрание опальных гудков, ни сам главный трубач вместе с хилой фабрикой—не понадобились.

Владимир Викентьевич подтрунивал над стариком—и задумывался. И ему становилось неловко. Старик был не так чудаковат, как казался. Только потому Владимир Викентьевич теперь мог широко развернуться, что старик подготовил ему средства для этого.

Скупо забавляясь смазными сапогами и гудками, он кидался деньгами, не считая их, на образование сына, разборчиво, привередливо и порой жестоко прогнал его через гимназию, институт и заграницу. Викентий Герасимович не мог выговаривать правильно многих слов. Он мучительно добивался и продолжал коверкать. Читал он только по-печатному и так же писал. Однако, Викентий Герасимович гордился своим сыном все больше и больше, чем явственнее тот отличался от него всем своим внешним и внутренним обликом. Сына видоизменяло образование—и старик ценил образование. Он радовался на гимназическую курточку сына, потом любил его студенческую шинель и, особенно, форменную фуражку.

Викентий Герасимович торжественно шел по лесному двору, ревниво и самодовольно ловил на сыне восхищенные взгляды встречных. Он не сердился даже на рабочих, когда те приостанавливали работу и глазели на них. Он так подчеркнуто и наивно был внимателен к сыну, неровно семенил рядом и забегал вперед, словно с ним был не сын, а какой-то знатный и нужный ему человек, которому он показывал свои владения и от которого зависела его судьба.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://booksmale.ru/

Викентий Герасимович женился поздно, лет под сорок. Отыскивая по календарю имя родившемуся сыну, он наткнулся на «табель о рангах»—и тут же с волнением ткнул куда-то в середину ногтем, замер на каком-то особо благозвучном чине—и возмечтал. Мечту свою он пронес сквозь детские и юношеские годы сына, а в студенческую пору он не уставал спрашивать у знакомых городских чиновников и у нотариуса, с которым имел частые дела и дружил, какой чин дадут его сыну после окончания университета.

Смеялся сын и почему-то был равнодушен к грядущему высокому званию, не добивался его и даже не думал о нем. Викентий Герасимович не удивлялся отсутствию тщеславия в сыне и объяснял себе такое невнимание к чинам молодостью и житейской неопытностью. Чиновники и нотариус не смеялись, понимали тайные надежды старика и разъясняли. Не жалея и не скупясь, они охотно лезли по качкой веревочной лестнице «табели о рангах», перескакивали через несколько недостижимых ступеней и прибавляли чинов.

Они не представляли нетерпения, с каким старик дожидался свершения давних своих суетных желаний. Он никому не сказал, что даже имя своему сыну дал в честь полюбившегося ему ордена святого Владимира.

Прохаживаясь с сыном, застегнувшим шинель на золотые с двуглавыми орлами пуговицы от пронзающего осеннего ветра с Миглеевского озера, Викентий Герасимович уже видел нисходящую на своего счастливого отпрыска чиновную благодать. Гордость за сына, достигавшего такого почета, была ярче, чем гордость за всю свою обстроенную на голыше Рабангу, за не похожий ни на чей другой, редкий, густой хрипун-гудок, за наполненный железный сундук.

ГОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uralsc.ru/

Тепла и безмерна была радость Викентия Герасимовича, когда сын вместе с разукрашенным дипломом привез в дом жену Раису Ивановну. Старик породнился с отставным кавалерийским генералом Белогорским. Генерал был нищ, чопорен и строптив. Он долго не принимал дочерних подарков, не отвечал на ее письма, не признавал ни зятя, ни свекра, но однажды внезапно прибыл на Рабангу, величественно откинув свою седую с торчащим бобриком голову, вошел, как-то громко выкрикнул имя смешавшегося Викентия Герасимовича, не сумел сказать величания— и старики обнялись.

Генерал зажился у дочери, безвыездно осел на Рабанге— выезжал только в город за пенсионом,—и удил рыбу на уединенной косе, ненужной Викентию Герасимовичу и потому не заваленной лесом. Коса высоко вдавалась в озеро. Она напоминала разбитый и брошенный за ненадобностью корабль, посеревший и слинявший от дождей и ветров. Генерал Белогорский уходил на свой корабль, осторожно спускался к воде и усаживался на обсиженное место. Викентий Герасимович иногда заходил туда наведаться. Он стоял вверху на гребешке и окликал свата. Генерал Белогорский загибал голову и, чтобы не распугать рыбу, старался ответить на приветствие тише, снижая свой кавалерийский голос, приученный за долгую жизнь командовать и выкрикивать.

— Вот, знаете, какая ушла!—говорил он и досадливо показывал величину рыбы, разводя руки перед собой на аршин.

Заметив на лице Викентия Герасимовича удивленное недоверие, он уступал и сбавлял размеры.

— Ну, немного меньше! Я, кажется, преувеличил...

Руки в несколько приемов сближались, пока не застывали на расстоянии четверти аршина. Но сведя их в столь

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://bookkuzn.ru/

несоответствующее с первоначальным расстояние, он торопливо прибавлял на вершок—и долго оставался так.

Старики молча сидели. Иногда они вместе шли домой. Викентий Герасимович подавал с кручи сильную руку генералу и помогал ему выбираться по съезжавшему из-под ног песку. Иногда, наглядевшись вдаль или на смешную генеральскую возню с подсеченной и счастливо выволакиваемой рыбой или вспомнив о каком-либо деле на фабрике, Викентий Герасимович уходил один, не забывая при этом непременно пожелать рыболову удачи.

Старики убрались один за другим. Викентий Герасимович пережил генерала на полгода и завещал положить себя рядом с ним. Всё в скромной жизни Викентия Герасимовича осуществилось, даже с неожиданным прибавлением. Родство и дружба с генералом увенчали его упорный и твердый, как земля, путь.

Владимир Викентьевич принялся с горячностью за переустройство. Устье-Угольское на виду преображалось. Фабрика заглатывала две полуторатысячных смены бумажников, вместо семисот человек при отце. Нашли под боком полноценную глину. Собственный Семенковский кирпичный завод едва успевал изготовлять кирпич. Около фабрики клали новые больничные и школьные здания, народный дом, конторы, склады, лавки, магазины, каланчу и полицейский стан. Владимир Викентьевич имел необоримую страсть к кирпичу, предпочитая его дереву. Готовый лес нагромождался с весны в рабангском кошеле до дна. Плотники были дешевле каменщиков. Потому при Викентии Герасимовиче Устье-Угольское и строилось деревянным. Одна фабрика была каменной—и то по нужде: деревянную не разрешили в городе. Владимир Викентьевич взамен деревянного отцовского Устье-Угольского создавал свое, каменное. Деревянными оставили рабочие улицы. Срубили

Собрание им. В. Г. Белинского http://book.uralstate.ru/

маленькие низенькие домишки, похожие друг на друга, как походит один сплющенный ящик на другой. Домишки сдавали в наймы рабочим. Владимир Викентьевич с неудовольствием сделал эту уступку дереву, но исключительно потому, что текущий отцовский счет иссякал, съеденный каменной стройкой.

Владимир Викентьевич расстался и с родовым деревянным домом, сломав его. Он воздвиг себе каменный, о двух этажах особняк. Широкий и просторный, с портиком из четырех белых колонн, выкрашенный в желтое, пронзенный частыми и сиявшими на восток окнами, особняк был точно повторен с одного московского особняка, стоявшего в переулке на Арбате. Владимир Викентьевич, будучи студентом, часто провожал в этот переулок Раису Ивановну, и они условились повторить особняк на Рабанге. Только, как бы в знак непомерной силы и парения, заключенных в молодом хозяине, Владимир Викентьевич отступил в точности передачи и раздал его в бока. Особняк как бы размахнулся своими желтыми крылами, расправил плечи и плотно укрепился на послушной земле.

Устье-Угольское наполнялось новыми людьми, сверкало новыми огнями, раздвигалось на стороны и безумолчно гремело, сминая человеческие голоса железным лязгом машин.

Владимир Викентьевич сначала отнесся к чуйкам и поддевкам заозерского купечества презрительно. Он считал себя первым настоящим фабрикантом в Заозерье. Покуда не народились другие, такие же, как он, подготовленные вытеснить придурковатых, грубых и жадных до мелкой и жалкой наживы стяжателей, водиться с последними было незачем, неинтересно и даже вредно. Они косно и близоруко не понимали собственных выгод, ковыряясь на устарелых своих заводах и фабриках. Они как ястребьё хватали

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

тали сплоховавшую жертву, вырывали друг у друга, отдавали ее одолевшему и довольствовались складыванием прибылей в такие же неподвижные и наглухо укупоренные железные сундуки, какой был у Викентия Герасимовича. Открыть эти слепые хранилища скупости и бережливости, оживить мертвый и всемогущий капитал, заставить его вырваться из бесплодного заточения могли другие, еще только нарождающиеся люди.

Владимир Викентьевич поддерживал отношения с одним-двумя городскими фабрикантами и заводчиками. Те тоже отказались от старых навыков и привычек, прозрели для новой созидательной и необозримой деятельности, вышли на живую и требовательную улицу из подслеповатых, за ставнями, хмурых и глухих хором. Лампады, молельни, иконописные лики старцев и стариц, торчавших по спальням и в уединенных горницах, запах пирогов, капусты, редьки, разваренного великопостного гороха, мешковатые и добротные наряды—они, как и Владимир Викентьевич, изгнали из своего нового и радостно неудержимого обихода, встряхнули отжившую затхлую ветошь и рухлядь, напылили, начадили, передвинули все столетние, застоявшиеся на одном месте вещи.

Владимир Викентьевич чуждался заозерского купечества, стыдился и негодовал на него. Но скоро он столкнулся с такой тупой, настойчивой и озлобленной недоброжелательностью, ему так повсюду мешали, препятствовали, давали понять обиду, что пришлось забыть свое превосходство и отказаться от ненужно замкнутой жизни.

Василий Иванович Никуличев выждал и купил наконец у Николая Петровича Шеина хутор Прибытково, посадил своего Сергуньку на лесопилку—и нераздельно овладел всей лесной Шожмой. Лесные его угодья были на Шожме, на Рабанге, на Уфтюге. Лафтаков пригнал в Миглеевское

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralsc.ru/

озеро стаи буксирных пароходов и барж. Пристани, доки, причалы, склады, элеваторы, мукомольные мельницы, торговли, масляные и маслодельные заводы—все оказалось в его владении. На той же Рабанге, на мелких сплавных речках—везде были лафтаковские лесные дачи. Купцы новленские, кубенские, нефедовские, черногрядские, пучковские раньше Владимира Викентьевича обложили прочной и верной осадой Заозерье. Он неприятно сознал, что хотя он был первый настоящий фабрикант в Заозерье, но он не мог обойтись без всех этих кондовых, пронырливых и чуждых ему людей. Жизнь так же запутанно переплеталась, как волокна в его целлюлозе.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Пятнадцатого июля, во Владимиров день, Семенков справлял именины. В этот день съехалось на праздник почти все заозерское купечество и многие из городских фабрикантов и заводчиков. Помимо обычного съезда на именины, на веселый и затейливый праздник с каким-то особенным и необыкновенным столом, с полковой музыкой, с пляской, с катаньем на разукрашенных лентами, флажками и зеленью пароходах, с причудливым фейерверком, собрались по неотложному и общему делу.

Прошло восемь спокойных и устойчивых лет. В Заозерье было так тихо, словно оно все за это время заросло лесными волоками, летали над лесом одни птицы в осенние и весенние перелеты, безвредно плескалось и шумело Миглеевское озеро, так как оно не могло не плескать и не шуметь, люди разучились говорить громко и слышно, Незамутимая, прекрасная в своей уверенной и величавой тишине жизнь установилась надолго, может быть, навсегда.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksaic.ru/

Тем более полноценным и дорогим было молчание, что за восемь лет неузнаваемо просквозили вековые заозерские леса, во многих местах оголился от них озерный берег, леса отошли от Рабанги, Уфтюги, Шожмы, Еленги. А там, в лесных чащобах, куда недавно приезжали на медвежью охоту, где бегали рогастые и сторожкие на всякий звук лоси, выходили к озеру на водопой, будто коровье стадо, где птицы поднимались из-под ног человека и, отпорхнув в испуге, пересаживались на соседнее дерево и любопытно разглядывали прохожего и охотника, там встали в одиночку и кучками красные заводские и фабричные корпуса. Головастые трубы, будто гигантские кулаки, поднялись к небу и вонзились в него. Они, как новые, невиданные кони, разбежались по Заозерью. Черные, волнистые и кужлявые гривы их разметались дымом и повисли облаками копоти. Такие же кони вплавь двигались по озеру, гулко и тревожно и резко ржали над водами. Разрезая Заозерье, как коровай, надвое, будто по прямой половице, протянулась тысячеверстная железная дорога. И по ней скакали пузатые и неудержимые кони.

В Заозерье точно стало просторнее от вод и лесов, от птиц и зверья, словно разбрелись из гущины деревень и городов люди по новым населищам—и на свободе молчали. И заглушили и криком, и громом, и гулом заводские и фабричные трубы, пароходы, вся та машинная, паровая, газовая, электрическая хлопотливая жизнь, которая пришла на смену слабой и бессильной человеческой жизни.

Но тишина внезапно оборвалась. В мирное течение заозерской жизни то тут, то там начали врываться нежданные голоса. За год не осталось ни одного завода и фабрики, где бы не прекращались работы. Как будто по чьему-то тайному знаку, вставали стеклянный завод и лесопилка

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksgate.ru/

Никуличева; как на зимних стоянках у приколов, среди лета замирали лафтаковские пароходы, и судовые команды высаживались на берег; бастовали бумажники, ткачи, кирпичные и масляные заводы; бастовали типографщики, портновские мастерские, приказчики, пекаря; бастовали даже сельско-хозяйственные батраки по имениям; их поддерживали работники по монастырям; забастовал—и насмешил—сам архиерейский хор. Преосвященный Александр не уступал, и два воскресенья служил с гнусавыми прилуцкими певчими.

Болезнь, от которой за восемь лет отвыкли, снова обнаружилась и перекидывалась с одного места на другое. Она начинала казаться неизлечимой. Она стала хитрее и настойчивее. Она появлялась в городе и деревне. Рабочие бастовали по производствам. Заозерье наводнялось листками. Кто-то и где-то отдохнул, запомнил старые уроки и был опытнее, сильнее и дальновиднее. Фабрики и заводы пустели в самое дорогое для фабрикантов и заводчиков время, когда получались заказы, когда недоставало времени для их выполнения, недоставало рабочих. Рабочие по кусочкам вырывали прибавки, возвращали отнятое у них за восемь лет,—и забегали дальше. Около фабрик и заводов кортомились стражники, становые, урядники. На больших заводах и фабриках расквартировывали солдат. Хозяева несли прибавочные расходы.

Осторожно, как бы приглядываясь друг к другу, выискивая слабые места, рассчитывая и соразмеряя, все чаще и чаще сталкивались две силы. Тишина обманула. Невидимо и сокровенно накопилась ненависть, обоюдная вражеская злоба. Борьба из негласной, оглядчивой, переходила в открытую, беспощадную и неустранимую.

Рабочие стали дружнее и крепче. Какая-то новая, неумолимая сплоченность была на фабриках и заводах. Словно только теперь они по-настоящему поняли, чего хотели

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

и чего должны были добиваться. Они не кричали и не шумели, не ввязывались в неравную и проигрышную борьбу, не толклись в конторах, не просили, не уговаривали— они требовали. Они уже ничего не ожидали, как раньше, от своих хозяев. В этом укрепившемся сознании была неодолимая опасность для фабрикантов. Чем дальше отдалялась октябрьская стачка пятого года, тем легче фабриканты и заводчики забывали о ней, наслаждались той торжественной, победной и непробудной тишиной, которая их обнимала. Застигнутые врасплох, они держались вразброд, терялись, уступали по одному, поздно хватались и не знали, что делать.

Владимир Викентьевич раньше других разобрался в том, что происходило, подумал и решил действовать. Был и обычный ежегодный повод собрать всех вместе и договориться. Его не удержал от устройства именин и тот неприятный именинный подарок, который ему за неделю до празднества поднесли рабочие. Он не допустил стачки. Он заперся в кабинете с Эдуардом Эдуардовичем Струком, внимательно высчитал грядущее уменьшение доходов, негодовал на требование о доплатах к твердым и давно установленным, даже выше, чем у других фабрикантов, расценкам,—было жалко отдавать небольшие, но такие ему необходимые для выписки новых машин деньги,—всё же убытки, на случай стачки, были чувствительнее и больше. Эдуард Эдуардович подсчитал, сколько дней рабочие могли бастовать, покуда должен был начаться голод; они сопоставили неутешительные для себя цифры и, затянув с ответом до истечения поставленного срока, уступили. Владимир Викентьевич скрыл от всех взволновавший его проигрыш,—морщась, вспоминал о нем, отмахивался от неудачи, как от надоедливого голоса Раисы Ивановны, когда она скучала на Рабанге и придиралась к нему.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://booksgrodno.ru/

За два дня до празднества были выписаны из города, в помощь постоянному повару Ефрему Терентьевичу, два клубных повара, получено согласие полкового начальства о высылке оркестра, привезли фейерверки, пришли воза с яствами и винами, и на особой лошади, в особо сплетенной высокой и закрытой корзине, будто для поросят, доставили нежные, ломкие и хрупкие цветы из архиерейского садоводства. Накануне торжества пристал напротив особняка пароход. Он был похож на какую-то чудовищную люльку, разряженную в тряпье флажков и в мохнатые плети зелени.

Владимир Викентьевич, несмотря на свое дурное и подавленное состояние, ни на минуту не хотел забыть о том первом месте, какое он занимал. Он обязан был удивлять и поражать, чтобы оставаться первым. А поэтому стол изготовлялся под его неусыпным и капризным наблюдением. Владимир Викентьевич на эти дни забросил все свои дела по фабрике. Именинный стол его должен был несравнимо отличаться от стола других заводчиков и фабрикантов. Простодушные и грубые угощения, от которых он не мог отбиться и охранить себя в гостях, вызывали в нем снисходительное, но неискоренимое пренебрежение.

Владимир Викентьевич то и дело вызывал к себе поваров. Ефрем Терентьевич излагал, как готовилось блюдо, приезжие повара его поправляли или дополняли. Владимир Викентьевич больше чмокал губами и, не умея выразить на незнакомом ему поварском языке то, чего он хотел, щелкал пальцами, многозначительно и непонятно и превыспренно выражался, вздрагивал и корчился от непередаваемых вкусовых ощущений. Он иногда угадывал, чего недоставало в блюде, чтобы оно не уступало по изготовлению такому же блюду в Большой Московской или у Тестова. Повара пораженно удивлялись его проницательности,

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

трогали свои колпачки и, еле-еле осклабившись, принимали горделивый и неприступный вид. Повара были самыми гордыми людьми на свете. Владимир Викентьевич знал это и не обижался. Он и сам думал, что поварская гордость была законна, так как редкое гастрономическое искусство было доступно только счастливым избранникам.

Гастрономический консилиум возобновлялся чаще, чем это было необходимо. Когда же дошли до приготовления самого тонкого блюда—налимьей печенки,—Владимир Викентьевич надел поварской фартук—и кухню даже заперли от посторонних.

Поздно, в канун праздника, устье-угольские рыбаки наконец доставили полкадки громадных живых налимов. Рыбаки долго и почти безнадежно искали их, верст на десять исшарили все мелкие речки, вливавшиеся в Миглеевское озеро, переворочали сотни камней и коряг, покуда не наткнулись на яму, в которой удачно захватили поживу. Время для лова было не налимье. Особый и дорогой заказ Владимира Викентьевича мог быть не выполнен. Он пуще рыбаков беспокоился и, поджидая их, с нетерпением выглядывал в окно. Но рыбаки взялись доставить и не отступались. Покачнувшийся праздник теперь был обеспечен.

Рыбный бульон из разной рыбы докипал. Живых налимов начали доставать из кадки. Повара придерживали за голову и за хвост корчившуюся рыбу. Владимир Викентьевич натирал налимов солью. Он никогда не уступал этого удовольствия поварам. Еще более сладчайшее наслаждение испытывал он, окончив в поту и в испарине натирку налимов. Для увеличения налимьей печонки, извивавшихся от боли подсоленных налимов он долго и беспощадно сек розгами. Владимир Викентьевич, под дружное одобрение поваров, весело и радостно смеялся:

— Сердись! Сердись! Раздражайся, раздражайся!

Собрание имени В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Налимов распотрошили—и вынули из них печонку. Чтобы печонка не грубела, а сохранила нежность и пахучую свою мягкость, ее опустили в недоваренный бульон,—и все четверо не отходили от кастрюльки. Владимир Викентьевич, слегка простонав, попробовал поддетый ему на друшлаковой ложке кусочек—и одобрил. Повара торопливо бросились вычерпывать печонку. Владимир Викентьевич дождался, чтобы они нарезали ее тоненькими ломтиками, и тогда довольно и успокоенно скинул фартук.

Великая чревоугодница и мастерица Елена Молоховец, у которой он, разыскивая деликатесные блюда, нашел это налимье избиение и пленился им, была помянута с теплейшей и трогательной благодарностью.

Праздник, как это гарнированное печоночное блюдо, теперь уже не мог не удаться.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Владимиров день на Рабанге бывал тускл и дождлив. Солнце с немощным и линючим видом бедно струилось в изнеможенном зените. Но всегда день по-июльски был жарок, душен и спёрт. В июле земля набиралась в запас теплом, жадничала, будто пододвигалась ближе к солнцу, разогревалась от него, как лежанка, и трескалась. Таким он был и сегодня. Музыканты играли беспрерывно, как на народном гулянье. Столы были накрыты и на террасах и в доме. Густо, потно и красно толпились гости в обширном благоухающем от цветов особняке, сидели на окнах, дымили папиросами, сигарами. На ограде перед домом висели любопытствующие ребятишки. У дома останавливались несмелые бабы, сдерживали шаг проходившие мимо рабочие. Приметно для устье-угольских жителей, недалеко от веселившегося дома скучала полицейская стража.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksurgale.ru/

Музыка как незримый певучий дым расползалась по Устье-Угольскому, звенела в домишках, достигала фабрики, проникала за решетчатые отворенные окна. В кислотном, слезившем глаза воздухе двигались рабочие, улавливали неясные и зовущие трели. Рабочие переглядывались. Они не могли примирить свою обычную и трудовую работу с этим вражеским торжеством. Так противоречивы были это именинное веселье и свист неустающих машин, так непохожа и различна была жизнь на этом маленьком клочке равнодушной и тупой земли, что рабочие не находили выхода теснившимся в них чувствам. Они, нехотя, невесело перешептывались.

— Проиграли, ребята. Мало сорвали с министра.

Рабочие дали эту кличку Владимиру Викентьевичу в первый же день, как он сделался хозяином.

— Видишь, какой царский день у него.

— Осталось еще деньжат.

— Надо было с запросом. Над нами, над дурачьем, он теперь и пляшет. В капкане был. Он для фасону раздумывал. Именины мы ему подгадили, да, видно, слабовато. Не сумели. Недопрошенное наше проедает и пропивает.

— В барабаны бьют!

— Хорош. Кабы чуть получше, никуда бы не годился!

— Да. Языком капусты не шинкуют. Промазали, други.

— В прохладе живем. Язык болтает, и ветерок продувает.

— Сколько ни говорить, с разговору сытым не будешь.

— Битого, пролитого да прожитого не воротишь!

— Где нам, ребята! Министр у нас с камня лыки дерет. Рожа у нас неудачливая, тупицей вытесана, а в голове засеяно реденько. Только для шапки и голова на плечах.

— Наехало живоглотов! Давеча тянулись к полдню, телеса у баб гладкие, молочные, с индюшачьей крупинкой.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralc.ru/

А сами хо-зя-е-ва—как каплуны, на орехах отъелись. Шары, а не люди!

— И Эдуарда там!

— В мясорубку бы!

— На мыло!

— Викентий—тот давил нахрапом. Глаза как у быка, рога большие, в ворота не входят. А этот с усмешечкой, тросточкой помахивает, стеклышками поблескивает! Ласковый, как лапка, и уважительный! Того видать, а этот скользит. К-к-ультурный! Больнички, школки, домики трудящимся! Ха-ха! З-за-бот-ли-вый! Погоди, не плачь, козявка, только сок выжму!

Фабрика работала под хозяйскую музыку.

За день перепробовали все именинные развлечения и удовольствия. Владимир Викентьевич сиял в своем белом костюме с алой розой в петлице, ловко и умело ухаживал за гостями, не давал им опомниться, заскучать, рассеяться от сыпавшихся на них, как с потолка, угощений и всех чудес, какие были доступны в Устье-Угольском.

На вечеру, к ужину, перебрались на пароход. В кошеле с лесом заранее был расчищен широкий проход. Судно отчалило, задним ходом вышло на вольную гладь Миглеевского озера, повернулось и пошло, гремя музыкой, зажигаясь бенгальскими огнями и ракетами. В Устье-Угольском был дан полный свет. И перекликаясь с белым электрическим светом Устье-Угольского, которое, казалось, жмурилось своими бесчисленными глазами, подмигивало, улыбалось, над пароходом золотыми головнями вскочили фейерверковые затеи. Потемневшее озеро озарялось трепещущими золотыми, серебряными, малиновыми, голубыми струями. Покатая гора искрометного цветного огня дрожала, переливалась и как бы плыла по волнам. Она то обрушивалась—

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralic.ru/

и наставал мрак,—то вспыхивала, вскипала долго не умирающим костром, содрогалась неисчислимыми перекрещенными и метающимися лучами. А оторвавшись от нее, недостижимо высоко, где-то у дождливых вечерних облаков, пестрый, как в бухарском халате, повисал гигантский паук и выпускал свои тонкие и колючие щупальцы, опирался на воду, будто всасывал ее и зажигал.

Тут, на пароходе, походя докончили много раз возобновлявшийся за день разговор о необходимости восстановления «Общества заводчиков и фабрикантов». «Общество» за восемь легких и покорливых лет захирело, почти развалилось. Теперь заозерское затишье миновало. И «Общество» должно было показать вновь свою неодолимую силу. В рубке, в набивку, собрались самые важные и богатые заозерские фабриканты. Они восхищались Владимиром Викентьевичем, его неистощимыми чудесными выдумками. Василий Иванович Никуличев пьяно обнимал его и громогласно заявлял:

— Кто барствует, тот и царствует! И деньгам у того нет заговенья! У другого от скупости зубы смёрзлись, огня взаймы не выпросишь, а ты—орел поднебесный! Вот как я тебя благодарю за почет твой купечеству! Мы, брат, облака достанем и раскидаем их по земле, мы их—в упряжку, в оглобли! Верно я сказал?

— Истинно!—хором горделиво и радостно поддерживали Никуличева гости.

— Топор своего дорубится!—кричал Василий Иванович.— Незрячего я в вожаки не беру! У кого из голубятни голуби вылетели, тому рот закрывать! А у нашего молодца слово слову костыль подает! Про-слав-ля-ю-ю! Молодёнек, а ум у него старик, купеческий ум!

Владимир Викентьевич приятно и как бы сконфуженно отказывался от похвал.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Господа,—вкрадчиво и возбужденно и воодушевленно говорил он, расточая всем внимание,—Россия вступает в золотой век своей истории. От нас и только от нас зависит ее лучезарное будущее. Страна наша могуча и своими недрами и разбросанными повсюду, лежащими втуне сокровищами. Надо их умело и разумно и с наименьшими затратами подобрать и... и распределить. Россия скачет. За десятилетие промышленность наша создала тысячи фабрик и заводов. Мы конкурируем на западно-европейских рынках. Наша торговля растет и мужает. Десятки тысяч новых железнодорожных путей. Расцветают науки, литература, искусства. У нас есть некоторая политическая свобода. Государственная Дума стоит на посту. Работы у нас достанет на все наше поколение и на детей наших... и на века вперед. Что же нам надо делать? Самое главное—нам надо приблизиться к западно-европейскому капиталу. Нам нужна техническая культура, технические достижения. Да, да, да! Фабрикант должен быть культурен. Дедовские фабрики и заводы мы должны забыть, как забываем с возрастом наши игрушки. Электричество, пар, газ, турбины, двигатели, фабричные небоскребы должны заменить наши примитивные—и керосин, и ручной труд, и деревянные хибарки. Мы обязаны зорко следить за всеми усовершенствованиями науки и техники. Поддевки и чуйки долой! Господа! Человек, который оделся в общепринятый культурный костюм, уже стал другим. Мы только тогда будем сильны, когда это поймем. Прочь от доморощенного! На Запад! Мы и своего не забудем. Мы приспособим западное к нашим родным условиям. Специализация, и специализация прежде всего! Все предвещает нам золотое время. Меня не пугает и бунтующий наш рабочий. Это даже хорошо. Это по-европейски. Это свидетельствует, что новый период наступил. Шире, шире дорогу! Чем больше

СОУНБ имени В.Г. Белинского http://libok.ulsu.ru/

будет настроено нами фабрик и заводов, не уступающих заграничным, тем больше будет у нас сил и средств для борьбы с рабочими. Капитал должен объединиться, как объединяются рабочие. Кто кого? В пятачке уступить—и побить рабочего новой усовершенствованной машиной! Мы повалим его общими усилиями. Мы его победим. Наша цель—благо всех классов. Нам выгодно, чтобы у рабочего не был подтянут живот. Сытый—он больше сработает. Его надо подкармливать. Я верю в наше торжество!

— Правильно, правильно!—шумели фабриканты.

— Жилы порвем, а доймем!—вопил Никулечев.

— Это ты зря трубишь,—мрачно ущемил его Гаврила Федорович.—Пень топорища, смотри, не боится!

— Я со всем, со всем согласен!—топотал на своих прыгучих ножках Лафтаков.

— Я тоже за хультуру!—взревел Василий Иванович.—Сергунька у меня другому пять очков вперед даст! Он у меня на лесопилке лучше любого мастера, самоучкой, пилу фабричную точит! Я работнику был хозяин—и таковым уйду в землю! И твое мое, и мое мое—и больше никаких! Я человек куражливый! Он мне потакай, потому я есть его кормилец и благодетель! Я с Семенковым во всех точках заодно, ровно из одного ружья в одну дыру попадаем! Об Думе он только сбрехнул ненароком! Дума—это соблазн! Веселый разговор! Дума—это жалобная книга! Не хочу никакого над моей головой повелителя, окромя царя! Что царю в тягость, то и мне не по душе!

Никто не стал оспаривать пьяного Василия Ивановича. Он не мешал тому делу, которое дружно и согласно сладилось.

Удачный праздник перевалил за полночь и затянулся до утра. Под утро начали разъезжаться. Владимир Викентьевич испытывал полное удовлетворение. Но он был

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

рад, когда проводил последнего шумного своего гостя Никуличева и остался один на маленьком балкончике, с которого махал уезжавшему рукой. Жизнь была так светла и чиста, как это утреннее, разгулявшееся от облаков небо. Тут он вспомнил лежавшую в жилетном кармане телеграмму, отложенную из кучки за весь день приходивших поздравительных телеграмм. Он оглянулся. Где-то слышался холодный и резкий голос Раисы Ивановны. Владимир Викентьевич быстро развернул телеграмму и, словно боясь, чтобы его не поймали, жадно скользил глазами по условным и таким обыденным словам в жизни бумажного фабриканта:

«Лес продам семнадцатого».

Телеграмма была от Зинаиды Николаевны Шеиной. Она звала в город. Восходившее солнце щедро после хмури за последние дни сияло над озером. Владимир Викентьевич вслушался в раннюю, неопороченную человеческими голосами тишину, и его внезапно пригрели заскочившие на балкон солнечные лучи. В эту минуту жизнь его так до краев наполнилась счастьем, что он как будто пошатнулся, схватился рукой за обогретую решетку и, не насыщаясь, вздохнул. Он почувствовал, что ему недоставало любви на его празднике. Теперь его озарило сознание, что он был обладателем и этого последнего, недоставшего ему, сокровища.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

С тех пор, как Зинаида Николаевна смотрела с юровской террасы на внезапно открывшиеся ей огни Устье-Угольского и не могла сдержать испуганного изумления, прошел год. Он тянулся так долго и так беспокойно напряженно, что Зинаида Николаевна к весне чувствовала себя измученной, несчастной и обманутой жизнью.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Казалось, навсегда исчезло то примирение со смертью Егорушки, которое было постепенно приходило к ней, чем дальше отдалялся страшный день его гибели. Она, как тяжко больной человек, не двигавший ни руками, ни ногами, не сходивший месяцы со своей постели, отчаявшийся вернуться снова к жизни, постепенно начала подниматься, вставать, выходить, сидеть на солнышке, привыкать к своему грустному положению и успокаиваться. Когда же болезнь позабылась настолько, что к Зинаиде Николаевне вернулась утраченная способность смеяться, радоваться жизни и с трепетом чего-то еще ждать от будущего, она даже в раздумчивости останавливала себя, насильно сгоняла улыбку и сомневалась, имела ли она право перед собой и перед людьми на эти чувства, не была ли она пустой и дурной и мало любившей Егорушку, раз она могла приучить себя к его отсутствию, опять жить, как и все жили, цепко и жадно хвататься за свою часть в жизни—и все это делать так обычно, словно в прошлом ничего не случилось. Но и эти сомнения всплывали все реже. Они делались тише, добрее и проще. Не сознаваясь себе, как ей еще хотелось жить, как еще мало она насытилась, не успела насытиться жизнью, Зинаида Николаевна как бы прикрыла свою сокровенную жажду любовью к сыну, заботами о нем, как бы подменила свою жизнь его жизнью. Она уступила свою жизнь, и взамен ей досталось наслаждение любоваться жизнью сына, исполу участвовать в ней.

В этот год невосстановимо нарушилось все это, как ей представлялось, крепкое, постоянное и необходимое предпочтение сына себе. Она с осуждением и даже со слезами почувствовала теперь к нему охлаждение. Временами она чуждалась его, занятая только собой, он раздражал и мешал думать, мечтать, замирать и затихать от радостных и тревожных ожиданий. Когда же вдруг встревала в

Собрание В. Г. Белинского http://lib.ru/

сознание мысль, что он захватил всю ее остальную жизнь, словно опорожнил ее, заполнив своей, она переживала к нему враждебность и злобу. Зинаида Николаевна бесповоротно решила, что прошлое ее было слепое и темное, она передвигалась в нем наощупь, она не чувствовала и не любила по-настоящему, там были безрассудные, глупые и неудачные увлечения, за которые она почему-то должна была столь самоотверженно и дорого расплачиваться. Она не хотела подчиниться и подавить возникшую в ней ненапоенную страсть к жизни. Она с решимостью отвергала теперь какую-то выдуманную необходимость ограничивать свою жизнь только хлопотами о сыне.

Она привычно одергивала и расправляла на нем курточку, не могла допустить, чтобы пуговицы на курточке были оторваны или висели на нитках, как побрякушки, а не служили своему обычному назначению, счищала неряшливые пятна. Но всем этим вниманием руководила одна укоренившаяся в ней привычка, это было внешнее, скользящее, никак не задевающее сердца проявление чисто механических чувств. Она попрежнему, ничуть не меньше, даже если не больше, прижимала к себе мальчика, целовала его, гладила по голове, вскрикивала, когда он неосторожно падал, неприятно и в тревоге выжидала, застав его на дереве, чтобы он благополучно слез и соскочил на землю, ужасалась, представив, как он ловил в пруду рыбу, близко стоял у воды, мог оступиться и утонуть.

Зинаида Николаевна подсознательно выполняла все то, что выполняла бы каждая мать в своем наблюдении за несамостоятельным еще ребенком, если бы эта мать имела такой же досуг, обеспеченность и была так же воспитана. Зинаида Николаевна даже стесняла Мишу. Он недовольно и пренебрежительно взглядывал на нее, когда мать растрепанно, с ищущими глазами появлялась у пруда, под деревом,

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uralweb.ru/

окликала мальчика, или когда задерживала его, возясь для чего-то и над какой-то ничтожной запачканной курточкой, пришивала пуговицы, разглаживала воротнички. Мальчику надо было торопиться, не опоздать, а она препятствовала. Он нетерпеливо рвался, ему наскучивало следить за ее бережливыми, казалось, еле-еле двигавшимися руками. Мише представлялось, что мать была всюду, он не сумел бы от нее никуда спрятаться, как бы того ни хотел, она будто бы держала его за рукав и не отпускала, и мешала ему носиться по парку, по березовой и акациевой аллеям, по дому, по певучим, словно рассыпающимся так интересно под ногами, желтым и старым лестницам.

Но, служа своему сыну, Зинаида Николаевна не отдавала ему всего того сердечного волнения, любви, беспокойства, которые она отдавала ему недавно, когда вообразила, что ей самой больше не надо никакого другого счастья, кроме ухаживания за сыном, обязательного и нужного, его удовольствий и радостей. Она только делилась с ним. Рядом с его детской жизнью началась другая, такая же законная, такая же оправданная, возмужалая жизнь. Где-то еще, тщательно укрываясь, не умерло в ней маленькое, колючее противоречие между тем, к чему она стремилась и что она делала. Она будто бы еще нуждалась в самооправдании. Но Зинаида Николаевна взвесила все те силы, которые ее наполняли и бродили в ней, как бурные соки в молодом дереве. Душевных сил было такое радостное изобилие, что их доставало на двоих. Мальчик получал свою долю даже с избытком. От самостоятельного личного счастья матери он не претерпевал никакого ущерба. Зинаида Николаевна словно могла любить обоих, ни одного из них не обделяя.

За весь год она видела Владимира Викентьевича несколько раз.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksrus.ru/

Николай Петрович как-то обмолвился за обеденным столом о приезде Семенкова в Юрово. Сказано это было так, между прочим, как первая мысль, которая пришла ему в голову, когда Елена Дмитриевна вздохнула об истекающих у нее деньгах и пожаловалась мужу, набившему в то время рот непомерным куском бифштекса. Сразу заторопившись, неуклюже зачавкав, Николай Петрович закашлялся и едва не подавился. Он со страхом проглотил кусок недожеванным и оцарапал горло.

— Всегда ты под руку скажешь,—пробормотал он, протирая глаза от слез и ощупывая напереди шею.—Вззз! Как стеклом резнуло в пищеводе. Так можно и рак получить.

— Это не в пищеводе, Николенька,—оправдывалась Елена Дмитриевна.

— Почем ты знаешь?—и рассердившись и обрадовавшись, спросил Николай Петрович.

Он стал переворачивать на тарелке упитанный, с коричневым соком, недоеденный кусок бифштекса. Он не решался отрезать от него и опять начать есть, чтобы не разбередить язву. Но жаль было оставить на тарелке и лучшую часть бифштекса. Николай Петрович только разъелся, втянул возбуждающий запах мяса и сырой крови. Желтый, упругий жирок с одного бочка бифштекса, натянувшийся под тонкой прозрачной кожицей, набухший, прокапывающий мелкими-мелкими дробинками, дразнил и влек к себе. Николай Петрович не выносил никакой боли, и его удручало повторить ее с новым куском мяса.

— Пищевод тут,—показала Елена Дмитриевна где-то близко около живота и провела по груди.—А ты шаришь шею. Ты, милый, столько раз от собственной неосторожности и жадности давился бифштексом, что давно бы пора завестись у тебя раку. Пустая царапина! Ничего не

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://bookuralsr.ru/

случится! Я просто запрещу Глафире готовить бифштекс. И тебе хорошо, и нам не волноваться за тебя.

— Запрещу! Запрещу!—передразнил Николай Петрович, рассматривая свою салфетку.—Так можно запретить все самые обворожительные и вкусные блюда и остаться с одной гречневой кашей и без-вред-ны-ми творожниками, варениками и всякой дрянью. Салаты, яблоки, картошка, горох и зеленца и зеленца и тому подобное травоядение и сеноядение! Вся эта вегетарианская чепуха ни более и ни менее как гарнир к мясу, приклад у портного, мазь желудку!

Николай Петрович усмехнулся, стремительно отрезал новый, поменьше, кусок и заглотил его.

— Вот мы как! Ай, ай, прошло!—совершенно развеселился он.—Не-чув-стви-тель-но-о! Милок, милок, Глафира! Умеет угодить мне!

Елена Дмитриевна с боязливостью глядела на него.

— Будь же ты осторожнее, Николенька,—предостерегала она.—Ты так хватаешь, словно у тебя отнимут бифштекс и не дадут тебе докушать.

Николай Петрович оживленно подмигивал, переваливал бифштекс в соусе и как-то чисто и опрятно всасывал с вилки маленькие кусочки.

— Я уже не могу,—отдувалась Елена Дмитриевна,—я тебе положу мой остаток. Тебе заодно.

Николай Петрович весело и озорно взмахнул тарелкой, подсунул под нее ладонь и на вытянутой руке подставил к Елене Дмитриевне.

— Mercі,—крякнул он.—Остатки—сладки. Терпеть не могу денежных разговоров за столом. Это, конечно, невозможно, скажут, выдумка, ерунда, но ей-ей, Леночка, или кусок у меня удваивается тогда во рту, или спазмы уменьшают мой рот. Я когда-нибудь самым настоящим образом

Собрание им. В. Г. Белинского http://bookcase.ru/

подавлюсь. Денег нет—деньги будут. Тут мне один мужик сказал: «Приживчивое дерево, барин, из тычка растет». Так и мы. Я жду Семенкова. А где этот наш новый воротила—там мзда, мзда, мзда...

Николаю Петровичу понравилось своими созвучиями не совсем подходящее слово, и, повторяя его, он вылез из-за стола, швырнул салфетку, поцеловал жену в щеку и двинулся полежать в кабинет.

Как ни противился и ни отбивался Николай Петрович от денежных разговоров за столом, они возникали именно тут, потому что все сходились вместе, истребляемая пища напоминала о необходимости возобновлять запасы, и расходы были преимущественно на сытый, обильный и часто изысканно-дорогой стол.

Зинаида Николаевна никогда не вслушивалась в однообразные, как горошины, слова. Надоели разговоры о раке, о язве, о завороте кишок, о прободении кишки и о параличе сердца под давлением на диафрагму раздувшегося от пищи желудка, которые вел Николай Петрович, аппетитно чревоугодничая и со сладостным оханьем вставая со стула.

Она пропустила и сегодняшний разговор, но в конце его как от толчка очнулась и восприимчиво расслышала все, что было нужно. Затаившись, она уловила на себе случайный и скучливый взгляд Марьи Николаевны. Зинаиде Николаевне показалось, что ее выдавало лицо. По-видимому, золовка взглянула не случайно, а намеренно. Если же Зинаиду Николаевну выдавало не лицо, то золовка какими-то неведомыми догадками вскрыла ее тайну—и уже осудила.

Зинаида Николаевна сразу закрыла глаза рукой, потом наклонилась к Мише, стала его тормошить, легонько подталкивать, внезапно и ненужно рассмеялась на нахмуренное и несклонное к шуткам лицо сына.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksaratov.ru/

После обеда она повела его гулять. Она давно не играла с ним в горелки, вспомнила об этом, сама ему предложила игру—и докрасна, до одышки, бегала по парку, приводя мальчика в неистовое восхищение и радость.

Подозрение, что Марья Николаевна понимала ее готовое к любви сердце, рассеялось. Подозрение было так смешно и неосновательно, что Зинаида Николаевна, увидав снова золовку, когда догоняла Мишу, удивилась на себя. Марья Николаевна не умела и не могла бегать. Может быть, оттого она так неприязненно относилась и к своему племяннику, скакавшему веселой, игривой собачонкой у всех под ногами. Зинаида Николаевна всегда жалела убогую золовку. Она и тут было хотела остановиться, чтобы не вызывать в Марье Николаевне зависти к их веселой и радостной беготне друг за другом, но тотчас раздумала, почувствовала свободу от нее, как бы захотела отомстить ей за одну свою тревогу под ее колющими и злыми глазами. Пробегая мимо золовки, она задорно и поддразнивая кричала сыну:

— Мишуку не догнать! Мишуку не догнать!

Она посмотрела на ковылявшую вразвалку золовку и пренебрежительно подумала, что такая не могла ни догадаться, ни почувствовать всего того волнения, какое билось в ней.

Владимир Викентьевич приехал через два дня. Зинаида Николаевна ожидала, что она вспыхнет при его появлении, и это не скроется ни от него, ни от других. Это было немыслимо и страшно. Зинаида Николаевна суетливо искала в своей комнате заброшенную куда-то пудреницу и, не находя ее, приходила в отчаяние, уже краснела, руки неуверенно шарили в ящиках столов, в шифоньерке, в разных коробочках. Со смерти Егорушки она не испытывала надобности в пудре.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.ulrac.ru/

Пудреница нашлась перед самым приездом Владимира Викентьевича. Рывком, спеша Зинаида Николаевна попудрилась и вышла к гостю. Коварно и неостановимо кто-то подсказывал, что она не должна была пудриться, что пудру скорее заметят на ее лице, чем смущение. Когда она увидала его, ей словно плеснули в упор красным. Она поздоровалась, задыхаясь, и невольно задержала его руку больше, чем это было удобно. Лицо ее зарозовело и под пудрой, но пудра спасла. Словно тонкий и белый тюль, покрывающий цветное платье, была пудра на горевшем лице Зинаиды Николаевны.

Овладев собой, она преувеличенно громко заговорила, опять сконфузилась и некстати замолчала. Глаза у Владимира Викентьевича немного растерянно, но вместе с тем упорно не отрывались от нее. Каким-то чутьем, неуловимым внутренним подсказом вдруг она сознала, что он приехал неспроста, что, кроме дела, ему было небезразлично увидаться с нею. И тут же она поняла, что еще никогда не была такой слабой и зависимой. В это короткое недоговоренное мгновение, покуда они оба не научились скрываться друг от друга и обманывать окружающих, она так внутренно обогрелась, засияла, что ей показалось невозможным, неповторимым больше такое сладчайшее стеснение в сердце. Это был ровный, не жгучий, а только озаряющий и проникающий насквозь пламень.

Она не ошиблась. Николай Петрович трусливо назвал Владимиру Викентьевичу преувеличенную цену за маленькую лесную делянку на Рабанге и готов был вполовину снизить цену при первом же несогласии Семенкова. Шеин даже наклонился от стыда к полу, словно заметил на ковре уроненную вещь и хотел поднять ее. Все покупатели всегда дешевили, хаяли его леса и земли, как-то умели ему давать меньше, чем он хотел, поэтому Николай Петрович

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralec.ru/

после многих и многих неудачных продаж, причинявших ему и всей семье расстройство, усвоил обыкновение запрашивать. Он твердо верил, что все купцы и фабриканты были низки, алчны и беззастенчивы. Они платили скупо и мало, потому что их нельзя было разжалобить никаким человеческим горем. Наоборот, они потому дешево и покупали, что, прежде чем приходить со своими гнусными деньгами, вымеряли чёрство и безошибочно, как была велика нужда у продавца. Они не могли понять, как думал Николай Петрович, ничего благородного, великодушного и чистого. Он тушевался, уставал перед ними торговаться, вскакивал и брезгливо брал плату. Ему было даже неловко потом встречаться с ними, будто не они были виноваты в обмане, а сам Николай Петрович виноват перед ними.

Владимир Викентьевич не сказал ни слова, усмехнулся и выложил деньги. Николай Петрович не ожидал. Он хотел было, уставившись на деньги, добровольно сбавить, но почувствовал, как был бы жалок и смешон. Он что-то промямлил, пожадничал, рванулся на кресле, сдвинул деньги в сторону, к беспорядочно разворошенным бумагам на столе, и, красный, начал размашисто и задумчиво строчить расписку.

Владимир Викентьевич, не читая, небрежно сунул закапанную чернилами бумажку в боковой карман и встал. Шеин был поражен в другой раз. Он благодарно забегал около Семенкова, ласково и привязчиво уцепился за его руку и закричал:

— Нет, нет, я вас без обеда не отпущу! Мы выпьем литки, непременно выпьем литки. Я прошу вас быть моим гостем. Деловые наши отношения покончены. Вы мой гость. Вы меня, право, обидите отказом.

Владимир Викентьевич остался. Николай Петрович, удивившись необычайному поведению фабриканта, не отставал

Сочинения В. Г. Белинского http://book.kiatc.ru/

от него ни на минуту. Шеин удовлетворенно смеялся и светился от своей удачи.

Зинаиде Николаевне не удалось побыть наедине с Владимиром Викентьевичем. Семенков разочарованно и явно насильно старался слушать Николая Петровича. Он приметно и близко взглядывал ей в глаза, словно просил у нее защиты и освобождения от назойливо жужжащего над ухом свекра. Она досадовала на говорливого старика.

Поздно вечером Зинаида Николаевна с пылавшими щеками подошла к кровати Миши. Владимир Викентьевич уехал. Она была не удовлетворена ни собой, ни всем прошедшим, таким заполненным и как бы тесным днем. И оттого, что она была не удовлетворена, она чувствовала утомление, недовольство, тихую горечь и сонливость. Она редко и жадно слышала отдельные оборванные слова и фразы Владимира Викентьевича, как будто копила их в себе, чтобы в нужную минуту снова их вызвать и услышать. Но хотя слова и взгляды казались многозначительными, ей было мало их,—что-то недоконченное, скомканное, оборванное было в этой встрече. Словно на качелях доска поднялась высоко, замерла, они было повисли на весу, стали съезжать друг к другу—и остановились, разделенные Николаем Петровичем.

— Пора, пора, спи, мальчик. Поздно,—целуя на ночь сына, сказала она расслабленным и затаившимся голосом,—все улеглись. А ты всё ворочаешься.

Миша крепко обнял ее за шею и не отпускал. Она сделала движение освободиться, но не могла, как-то стесненно засмеялась и опустилась около кровати на колени.

— Ты слишком жмешь, Миша,—вполголоса продолжала она, чувствуя нежное и любимое тепло от его прильнувшего тельца.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://bookurale.ru/

Мальчик шаловливо провел губами по ее пылавшей щеке и лукаво спросил:

— Это ты, мама, для приезжего дяди напудрилась?

Зинаида Николаевна невольно вздрогнула—и мальчик засмеялся, выкрикивая:

— Я угадал! Я угадал!

Зинаида Николаевна растерянно натянула на него одеяло и поцеловала сына снова, говоря:

— Ты всё, всё заметишь, шалун. Дядя—чужой. У мамы горело лицо. Нельзя маме выходить с красным лицом к гостям, как Глафире или Пуше. Это неприлично.

Зинаида Николаевна понимала, что она не убедила мальчика. Он, тихонько смеясь, говорил ей о бабушке, о тете, которые не напудрились. Миша с такими подробностями описывал Владимира Викентьевича, передразнивал его голос, что Зинаида Николаевна явственно почувствовала в укоряющем голосе сына ревность.

— Достаточно болтать глупости!—резко и рассерженно и в то же время нетвердо сказала она и отошла.

Зинаида Николаевна легла и, не шевелясь, притихла. Разговор с мальчиком был неприятен. То, чего не заметили взрослые, равнодушные и слепые, то подсмотрел сын, не показывая вида и молча наблюдая за ней. Она с раскаянием осудила себя за неосторожность.

— Мама,—вдруг позвал из темноты упорно незасыпавший Миша.—Я знаю, что ты не спишь. Нарочно притихла. И я нарочно притих. Ты не сердись. Я никому не скажу.

— Отстань!—крикнула Зинаида Николаевна.—Спать сейчас же! Я тебя завтра накажу!

Они долго молчали. Наконец мальчик боязливо и настойчиво, скороговоркой, чтобы не прервала его мать, выпалил:

— А пудреницу я спрячу, спрячу!

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Зинаида Николаевна отходчиво и весело засмеялась на всю комнату.

— Очень хорошо сделаешь,—радостно и согласно и подчеркнуто сказала она,—пожалуйста. Не копайся и не ищи пудреницы. Она лежит в верхнем ящике шифоньерки. Возьми ее и выкинь в пруд.

— Верно, мама?—даже садясь на постели, восторженно вскрикнул мальчик.

— Да-а,—как бы не овладевая своим сном, вымолвила Зинаида Николаевна.

Она представила себе, как Владимир Викентьевич ехал по большаку в город, наверное, курил, думал о ней. Зинаиде Николаевне показалось высшим и недоступным счастьем вот так когда-нибудь ехать с ним ночью, сидеть рядом, приткнуться просто и дружно к его теплому плечу и ни о чем не говорить, молчать, только ехать и ехать.

Владимир Викентьевич между тем выбрался с проселка на большую дорогу. Он поглядывал через озеро на сиявшую россыпь огней в Устье-Угольском. Они сегодня казались ему еще прекраснее, чем всегда. Владимир Викентьевич радостно сознавал в себе неохватную и горделивую силу. Удовлетворение собой волновало и делало его счастливым. Ему представлялось чем-то таинственным и важным, что он безвестно едет один с ямщиком по молчаливой ночной дороге, и кто бы ни встретился, если даже узнает его, не поймет всей глубины его чувств. Он ехал, как и все ездят, покачивался, опасался толчков на выбитой дороге, всматривался в невидные и замокшие поля и деревеньки.

Это сравнение его со всеми было даже странно и как будто не подходило к нему. Он зажег эти заозерские огни, на них смотрели тысячи людей, и, не будь в Заозерье лесов и гор, огни были бы видны на сотни верст. Как

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booKuraisr.ru/

же можно было его уподоблять обыкновенному и маленькому человеку?

Владимир Викентьевич заносчиво думал, что он накормил тысячи людей, дав им работу, возвел невиданные дома, вырубил древние лесные волока, перевернул горы, обмелил реки... Его власти, настойчивости и силе не было никаких преград. Он, мысленно, с сожалением перебрал и поискал около себя других таких же больших и всемогущих людей и не нашел их. Ему стало ненадолго даже грустно. С одной стороны, было приятно, что равных ему нет, с другой стороны—какой бы была вся эта дикая, голодная и нелепая земля, если бы такие же Семенковы действовали всюду.

Пред ним открылось грандиозное и величественное зрелище: вся необозримая русская земля была застроена подоблачными небоскребами, фабриками и заводами, всё окунулось в нестерпимо яркий свет, исчезли эти деревенские сараюшки, карликовые и нищие избы, горбатые дороги, грязные лошади, дорожная пыль... Мир был устроен так просто, что достаточно было маленькой кучки людей, как он, чтобы мир преобразился.

Владимир Викентьевич замечтался, и мысль незаметно перескочила на другое. Ему показалось значительным и то, что он ехал из Юрова, куда его часто и тревожно тянуло после встречи с Зинаидой Николаевной на ярмарке. Он выискивал долго повод. Несмотря на довольство и собой и жизнью, Владимиру Викентьевичу недоставало маленькой, почти невесомой крупинки, чтобы он мог считать себя счастливым. Жажда этой крупинки была непобедима. Он искал ее. Он было нашел ее в жене Раисе Ивановне, но скоро догадался, что ошибся. Владимир Викентьевич не сомневался, что Зинаида Николаевна была ему рада. Он не мог бы ничем доказать своей уверенности,

Собрание Е. Г. Белинского http://booksurale.ru/

но по непередаваемому трепету в ее глазах, словно сверкнувших из них каких-то ослепительных искр, по нежности ее запинающегося голоса он убедился в этом. Вся его горделивая сила, что он не сравним ни с каким обыкновенным человеком, взыграла в нем на этой ночной дороге только потому, что Зинаида Николаевна представилась ему всем тем, чего ему недоставало.

Владимир Викентьевич на свету проехал Прилуки. Он тут, усмехаясь, вспомнил о расписке Николая Петровича. Все, что как-то было связано с Зинаидой Николаевной, теперь его интересовало. Он поднес к глазам расписку и захохотал. Николай Петрович от радости выдал ему совершенно несвязный и бессмысленный документ. В нем была указана лесная дача на Уфтюге, а не на Рабанге, и расписка была выдана Василию Ивановичу Никуличеву, с которым Шеин чаще других имел дела.

Владимир Викентьевич, отсмеявшись, вдруг благодарно подумал о смешном и суматошливом Николае Петровиче, ошибка которого давала Семенкову право еще один, лишний раз свидеться с Зинаидой Николаевной.

Владимир Викентьевич под видом закупок для фабрики явился на осеннюю ярмарку на Мошу—и они, начиная с подторжья, встречались каждый день, обедали вместе у Феофана. Николай Петрович привозил Владимира Викентьевича два раза в Юрово, и Семенков уезжал заполночь. А зимой, на масляной, Зинаида Николаевна хитро напросилась в спутницы к Николаю Петровичу, когда тот поехал в Устье-Угольское. Владимира Викентьевича не было дома. Они разъехались. Вернувшись из города, он по-своему понял, казалось, случайный приезд Зинаиды Николаевны.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

На другую зиму Миша поступил в гимназию. Зинаида Николаевна каждую осень стала вместе с ним переезжать из Юрова в город.

Встречи теперь были проще и естественнее. У Владимира Викентьевича столько оказалось дел по фабрике в городе, что он озабоченно появлялся там каждую неделю. И как-то само собой случалось, что она знала заранее, когда эти дела заставят его приехать. Она хоронилась от подозрительного мальчика. Он не раз вспоминал о Владимире Викентьевиче с такой страстной враждебностью, что становился ей неприятен.

Молчаливо, понимая, что они притворствуют, и не решаясь в этом признаться, они как бы случайно шли друг другу навстречу в театре, удивлялись—и потом уж до конца спектакля не расставались. Они испытывали ненасытную жадность быть вместе.

После театра шли до дома пешком. Это установилось сразу. Когда они в первый раз вышли из театрального подъезда, Владимир Викентьевич крикнул извозчика. Зинаида Николаевна с недоумением взглянула на Семенкова, словно пожалела о его недогадливости — и смешалась. Смешался и он. Голос у него был какой-то охрипший и подневольный. В растерянности они потолкались около санок, и Зинаида Николаевна решительно и взволнованно сказала:

— Нет, лучше так. Я не хочу ехать. Лучше пройдемтесь.

Она тревожно покосилась на него, стремясь угадать, что он подумал об ее отказе ехать. Владимир Викентьевич пытался скрыть удовольствие, которое сияло в благодарных глазах и в растопыренных блаженно губах. Тогда она с торжеством над ним и с лукавством продолжала:

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Простите, может быть, вы торопитесь? Пожалуйста. Я дойду одна. Я не хочу быть вам обузой. Вас, может быть, ожидают?

— Ах, что вы!—пролепетал Владимир Викентьевич, вспыхивая и волнуясь.—Я, я... нет... Я сам, знаете, не люблю ездить. Я с наслаждением подышу. Очень морозно, но хорошо.

Владимир Викентьевич старался итти с ней шаг в шаг, но это ему не удавалось.

— Берите меня под руку,—засмеялась Зинаида Николаевна.—А то мы сбиваемся и догоняем друг друга.

С тех пор больше не подзывали извозчика.

Владимир Викентьевич видел, не сомневался, чувствовал расположение к нему Зинаиды Николаевны. Оно росло на глазах. Оно выражалось в неуловимых оттенках ее голоса, в шутках, отдельных взглядах, в той теплоте и близости, с какой они шли по улице, сидели в театральном фойе, вызывали артистов, сталкивались пальцами, доставая шоколад из коробки. Они оба знали, что руки их касались нарочно, намеренно, потому что прикосновения были приятны и волнующи. И по тому, как, сблизив вместе руки, нельзя было отделить одну от другой, руки сливались, а не отталкивались какой-то невидимой нитью, пролегающей всегда между посторонними людьми, они сознавали потребность ласки и любви.

Всё было ясно, подготовлено, неотстранимо. Но они робели перед той радостной тайной, которая теперь возвышалась над всеми их желаниями и требованиями к жизни. Почему-то было страшно сказать о ней друг другу, сделать ее открытой и явной. Так же бы они боялись приподнять покрывало с лица незнакомца, заступившего им дорогу ночью.

По той застенчивости, которая охватила Владимира Викентьевича, когда он, казалось, больше не хотел и не мог

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralsc.ru/

молчаливо любить, он понимал всю трудность, всю силу своего чувства. Раису Ивановну он любил проще и доступнее. Признания выговорились с легкой дрожью и без всякого страха, что будет после них. Он со стыдом презирал свою нерешительность. Ему представлялось, что Зинаида Николаевна будто спрашивала, когда же он скажет ей о своей любви. Владимир Викентьевич томился, но упорно, помимо своей воли, требующей от него мужества, избегал объяснения.

Но раз он проводил ее до дома и потянулся на прощанье губами к ее руке. Перчатка до половины загнулась и открывала белый застывший кусочек тела. Зинаида Николаевна высоко поднесла руку, вровень с его глазами. Владимир Викентьевич поцеловал—и вдруг он не смог оторваться, прильнул к дразнящему и повеявшему теплом белому пятну. Он бессознательно успел жалко усмехнуться над собой, так как перчатка смешно и некстати скомкалась и закрыла ему нос. В этом глупом наносе, он жадно и бессчетно целовал руку. Она дала ему другую. Он забрал обе и как бы покачал их в маленькой дрожащей лодочке. Остро пахли перчатки теплым телом. Зинаида Николаевна потянула руки на грудь к себе. Он увидал близко ее глаза, словно льдинки, искрившиеся от заключенного в них света. Так же остро, как перчатки, пах мех воротника, вся ее шубка, меховые обшлага, шляпа. Он обнял ее. Зинаида Николаевна сильно придавила его голову к груди.

— Пойдем, пойдем отсюда,—шептала она,—пойдем куда-нибудь. Тут меня все знают. Нас могут увидать.

Владимир Викентьевич услыхал скрипуче, как под полозами снег, какие-то вдали голоса, какой-то равномерный и шипучий свист на вокзале. До того он не замечал ни голосов, ни свиста, ни похрустывавшего снега, ни всей этой вокруг него идущей и налаженной жизни.

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Только недолго. Мне пора. Миша не спит и ждет меня,—посмеиваясь, не отводя от него мерцавших слезами глаз, шептала она.—Теперь хорошо. Как хорошо!

— Люблю, люблю!—смело твердил Владимир Викентьевич запоздавшее слово, выношенное и повторенное наедине бесчисленное множество раз.

Ему словно стало жалко не сказать его—это самое знакомое, самое беспокойное и дорогое слово. Оно не понадобилось, хотя в нем и только в нем заключался главный смысл и объяснение всей его жизни.

— Тише ты,—смеялась Зинаида Николаевна,—не надо. Кто-нибудь случайно нас настигнет или вывернется из-за угла.

Владимир Викентьевич счастливо и шутливо бормотал:

— Или кто-нибудь форточку откроет—и подслушает.

И он, не отпуская, прижимал ее руку к себе.

— Но когда я хочу, хочу миллионы раз сказать тебе. Но когда я люблю!..

Она махала у него перед глазами муфтой и закрывала ему рот.

Скоро она заторопилась домой. Владимир Викентьевич не удерживал, покорился, признал за ней это неоспоримое право помнить о сыне и быть с ним.

— До завтра,—говорила она, оглядываясь на окна и крадучись целуя его.

— У меня!—задыхающимся голосом просил он.

Осторожно, чуть заметно она кивнула головой—и позвонила.

Они сумели сделать свою тревожную и прочную связь тайной от людей. Отдавшись Владимиру Викентьевичу, Зинаида Николаевна вдруг потеряла всю ту уверенность в себе, какую она чувствовала до начала связи. Она выносила мучительную борьбу с собой. Словно и Егорушка, и

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

сын, и все Шеины мешали ей свободно и открыто устроить свою жизнь, как она хотела. Цепко и стерегуще наступило прошлое. Кто-то не прощал ей личного счастья, укалывал ее гибелью Егорушки, изменой ему. Она впервые подумала со страхом о тех толках, которые неминуемо бы пошли по Заозерью, сделайся связь гласной. И она всячески укрывала ее, испуганно следила за каждым своим движением, словом, дыханием. Точно за ней подсматривали, ловили ее, она была неоправдываемо виновата, совершила преступление, казнилась, должна была каждый свой шаг обеспечить предосторожностями. Ее не удовлетворяло даже и то, что она могла стать женой Владимира Викентьевича. Толки и тогда нельзя было прекратить. Она дошла до сознания, что была и распутной и низкой. Она ужасалась, что ее все больше и больше влекло к Владимиру Викентьевичу, и чем дольше продолжалась связь, тем сильнее она любила его.

Зимами они могли встречаться безбоязненно. Окружающие незнакомые или малознакомые люди в большом городе были равнодушны друг к другу, как безгласные каменные дома, стоявшие рядом. Но летом, томя Владимира Викентьевича и томясь сама, запретив ему приезжать в Юрово и даже на ярмарку, чтобы ей не выдать себя, она редко, тревожно, озираясь, выдумывала поездки в город и вызывала Семенкова условной телеграммой. Так повелось с первого года связи.

Владимир Викентьевич не довольствовался этой неверной и, казалось ему, воровской любовью.

— Зиночка,—негодовал он,—это же Домострой! Когда же, когда же ты совсем, совсем будешь моей? И мы будем всегда вместе...

Она волновалась, кидалась ему на шею и отчаянно и тоскливо твердила:

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uiac.ru/

— Скоро, скоро. Я и так вся твоя.

Он несговорчиво добивался своего:

— То, что ты делаешь, это недоверие ко мне. Это боязнь, что я разлюблю тебя.

— Да, нет же, нет!—кричала она.—Другое! Ты не понимаешь!

Он упирался и настаивал:

— Что тебя смущает? Ты подумай! Мы же не подлог с тобой сделали и должны хорониться от всех. Ты боишься за сына? Но ведь это же смешно!

Он шутливо и с уверенностью в себе, гладя ее руки, продолжал:

— Ему будет лучше, а не хуже. Я буду не плохой вотчим. Ужасна мачеха, а вотчим—самое безвредное существо не только в Заозерье, но даже во всем мире.

— Они мне не простят, не простят,—морщилась Зинаида Николаевна.—Надо, чтобы подрос Миша. Я не имею права думать только о себе.

— Это же немыслимо!—морщился от боли Владимир Викентьевич.—Это, наконец, нелепые дворянские традиции. Почему непременно мальчику надо жить в Юрове, а не на Рабанге? Вековые усадьбы, вековые привычки—это же вздор, Зиночка! Ты же знаешь, что вы разорены. Николай Петрович рано или поздно вынужден будет продать свое родовое дупло. Да, да, не гнездо, а дупло. Ну, купим Юрово, будем там жить. Я куплю его и подарю тебе, а ты его подаришь своему сыну!

Зинаида Николаевна благодарно слушала, как будто успокаивалась на минуту, радовалась его любви, но потом горько и с сердцем настаивала на своем.

— Ты говоришь унизительные вещи. Не всё можно купить за деньги. Никто от тебя твоего подарка не примет.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksural.ru/

Ты, ты для них... Нет, невозможно даже предполагать! Ты— мой муж... Там... где я жила с Егорушкой?!..

Зинаида Николаевна, пылающая, подавленная и как будто оскорбленная, в тоске стискивала руки.

— Что же тогда?—вспыхивал и вскакивал Владимир Викентьевич. — Я не могу жить какой-то подпольной жизнью. Я не верю в поговорку, что запрещенный плод сладок. Он мне нестерпим и тягостен. Я не хочу изощряться в ненужных страданиях. Мне ненавистны все эти нервные ужимки. Я хочу здоровья. Зачем выдумывать муки, когда их достаточно и без всяких выдумок. Я не понимаю. Я не понимаю. Нет, я всё понимаю. Ты ломаешь свою жизнь и мою. Ну, ну, будем дожидаться, когда старики умрут, когда твоя золовка согласится получить свою часть и отбыть из Юрова. Я боюсь, что мы до того времени сами поседеем и состаримся. И, пожалуй, твой сын тоже, как и старики, не захочет меня видеть на своей родовой, бесплодной, невозделанной и зря заброшенной земле. Старики из почтения к памяти сына, сын твой из почтения к памяти отца. Так ведь, так? И ты будешь вместе с ними опекать всю эту старую, пропахшую плесенью и сентиментальностью рухлядь... Когда же ты будешь жить? У тебя монашеские наклонности. Ты словно родилась для того, чтобы страдать, плакать, мучиться от того несчастья, которое с тобой случилось. Ты же не виновата, что твой первый муж погиб. Кому, кому это нужно, чтобы ты страдала? Ты же не бросаешь своего сына. Ты, ты можешь оставить его с дедушкой и бабушкой...

Тогда, в свою очередь, Зинаида Николаевна язвительно и страстно, словно ее уже разлучали с сыном, кричала:

— А! Ты весь сказался. Ты не понимаешь. Хваленый твой вотчим—бессердечен и груб. Он рассуждает как варвар, как мужик. Мать на Рабанге с любимым человеком,

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

а сын ее в Юрове, да? Перестанем, перестанем, перестанем говорить об этом. Я не могу жить отдельно от мальчика, как бы я тебя ни любила. И я, и я не могу взять Мишу.

Владимир Викентьевич хватал какую-либо вещь, вертел ее, чтобы унять дрожавшие руки.

— Да, действительно, лучше перестанем,—уступчиво и расслабленно тянул он,—а то мы говорим как враги. И когда-нибудь договоримся...

Но разговор чаще и чаще возникал заново, потому что связь их становилась все прочнее и все тревожнее. Владимир Викентьевич с неудовольствием замечал, что у него не хватало твердости сопротивляться Зинаиде Николаевне. Он жил двойной жизнью. Он упорно, строил фабрику, рубил леса, отбивался от смелевших рабочих, управлял «Обществом заводчиков и фабрикантов», вёл его по не оспоримому никем пути,—он был первым фабрикантом в Заозерье. Любовь к Зинаиде Николаевне словно усилила все его способности. С той ночи, когда он ехал из Юрова и заносчиво любовался устье-угольскими огнями, он не переставал делать всё, чтобы укрепить свою власть, подчинить ей всю заозерскую округу. И он достиг.

— Ты делаешь меня каким-то сухоруким,—укорял он с горечью Зинаиду Николаевну.—Одна рука у меня крепкая, настоящая, а другая жалко болтается в рукаве. Мне тошно от всего дряблого, сморщенного, гнилого. Я скоро буду презирать себя. Зиночка! Я готов выстрадать в тысячи раз больше, если страданья оправданы. Но они же бессмысленны.

Зинаида Николаевна самолюбиво и строптиво старалась ущемить его как можно больнее.

— Хорошо. Ты прав. Я ни на что не способна. Я не способна понять, какой ты большой человек! Ха-ха! Я мешаю

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralsc.ru/

тебе работать. Я копаюсь в своей душе, ищу себе оправдания. Все это ты называешь самыми презрительными словами. Все это тебе кажется пустым и лишним.

Зинаида Николаевна оскорбленно и неудержимо кричала:

— Мне мой долг дороже всех твоих фабрик, денег, тщеславия твоего, почета! Ах, как я несчастна! Но я знаю, я догадываюсь, чего ты добиваешься. Пусть, пусть! Я не буду, не буду, не буду тебе мешать.

Они расходились. Но снова искали друг друга. Владимир Викентьевич нарушал запрет. Он нарочно свёл более близкое знакомство с игуменом Феофаном, с Гаврилой Федоровичем. Он появлялся на Моше. Зинаида Николаевна узнавала о его приезде. Он неосторожно поджидал ее на дороге, пробирался к парку. Зинаида Николаевна в страхе металась. Ее тянуло скорее-скорее заставить его уехать. Не условливаясь, они всегда встречались на одном и том же месте. Зинаида Николаевна торопливо шла по монастырской просеке и сворачивала недалеко от монастыря к речке Крутец. Тут был большой, заросший лопушняком камень. Владимир Викентьевич почти незаметно для глаз прижимался к нему. Она забывала всё, что приготовляла сказать. Она не доносила возмущения... Счастливая, подбегала к камню, оглядывалась на мелкий, путанный и закрывавший их лесок и притворно сердилась:

— Как ты смел! Ты перестал считаться с моим положением. Ты хочешь моего позора.

Владимир Викентьевич, не отвечая, обнимал ее.

Связь восстанавливалась. Она тянулась из года в год, пугливая, жадная, мучительная и неразрывная.

Зинаида Николаевна как-то в раздражении и гневе крикнула после одной размолвки:

— Ты не любишь меня! Я только твоя любовница. Ты живешь с двумя женщинами.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksgrsu.ru/

Владимир Викентьевич с восторгом и наслаждением почувствовал в ее словах обещание. Зинаида Николаевна сдавалась.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Раиса Ивановна проскучала на Рабанге года два. Сначала ее прельщало уехать из Москвы. Неиспытанный интерес где-то жить в глуши казался твердым, устойчивым и постоянным. Но она ошиблась. Рабанга надоела скоро. Приезд отца развлек Раису Ивановну. Владимир Викентьевич и отец его так никогда и не узнали, что генерал Белогорский поселился у них только после отчаянного и угрожающего письма дочери. Не узнали они и того, что, оставаясь одни, отец с дочерью весело забавлялись над своими родственниками.

— Ага!—вскрикивал победно и торжествующе генерал.— Ты оценила этих скучных вахлаков! Матушка моя, ты виновата-с, виновата-с сама! Не жаловаться, не жаловаться!

Генерал прохаживался по будуару и, оглядывая дорогую обстановку, все же не мог сдержать удовольствия и одобрения.

— Но раз, милая моя, ты удостоила этого вахлацкого отпрыска чести быть твоим мужем,—важно и непреклонно отсекал он и высоко заносил голос,—будь рассудительна и расчетлива и умна. Полагаю, что его вульгарные чувства тебе достаточно прискучили. Твоя любовь...

— Ха-ха!—чёрство заливалась Раиса Ивановна.

Генерал ей вторил, трепал ее ласково по щеке, целовал в голову и продолжал:

— Умница! Вижу, что умница! Ну-с, так твоя любовь, как и следовало ожидать, испарилась.

Собрание В. Г. Белинского http://book.urals.ru/

— Испарилась, папочка, совсем испарилась!—как бы жалея, хохотала Раиса Ивановна.—Не знаю, куда она и девалась.

— И все качества твоего героя поблёкли,—весело зудил генерал.

— Поблёкли,—лукаво и притворно смиренно шептала она, прискакивая от удовольствия на маленьком шелковом диванчике и болтая нетерпеливо ножками, обутыми в белейшие модные туфли.

— И никаких драм не произошло, не произойдет и не может произойти...

— Ворон крикнул: никогда!—вскакивала Раиса Ивановна на диванчик, потешаясь сама и умиляя довольного генерала.

— Хорошо-с. Однако, ты сядь. Можешь упасть,—в тревоге останавливался отец и гудел дальше.—Но, дочь моя, ты должна уметь использовать свою власть над этими людьми. Да-с. И кое-что извлечь для будущего. За нашу скуку—плати. За родство с нами—плати. За честь, за честь—плати.

Генерал подсаживался к дочери и нежно привлекал ее к себе.

— Прости, крошка, за грубые купеческие выражения. Так вот-с. Все преимущество перед нами у этих новых господ и господинчиков—в кошельке. С них только и можно взять деньги. Они больше ни на что не требуются. Хе-хе! Весь блеск, весь глянец, весь звон, который заключен в деньгах, им непонятен. А тебе пригодятся впоследствии каждый каратик, и ниточка, и несколько ниточек, и связочка ниточек настоящего, отборного, как он там прозывается, не помню... Словом, я даже не корю тебя теперь за эту глупую и низкую фабричную партию. Я думал, он менее богат. Помни, жемчуга и самоцветы—это те же деньги. Не пре-не-бре-гай! Дочурка, ты слышишь?

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralc.ru/

— Всё,—смеялась Раиса Ивановна.—И не только слышу, но молча дополняю все пропуски, которые ты делаешь.

— Э! Чудесно! Женская лесть без зубов, а с костьми сгложет. Это мне один мой денщик говорил. Я очень хорошо запомнил.

Генерал вдруг беспокойно, меняя голос, спросил:

— Твой муж еще не догадывается, что он тебе неприятен и что ты равнодушна к нему?

— Думаю, что нет,—отвечала дочь, улыбаясь и кривляясь,—я, папочка, ему верная и преданная жена. Я делаю всё, чтобы он не остывал и не сомневался. Он мне, правда, стесняется уже повторять чушь, в которой мы с ним состязались в Москве, но... но... но... он дальновиден, как Викентий Герасимович. Он меня попрежнему любит.

— Пусть он любит попрежнему. Это очень хорошее и точное наименование,—бормотал генерал, вытирая заслезившиеся от смеха глаза.—Это главное. И не менее главное—надо, чтобы он был послушен. Женская лесть—и больше ничего, как я тебе говорил...

Генерал насмешливо поднимал палец и провозглашал:

— Дочка, внимай старому твоему отцу, как солдат присяге. Разрешаю тебе покинуть это заточение, когда придет срок. И бла-го-сло-вля-ю!

— Папочка, ты никогда меня так еще не смешил!—радовалась Раиса Ивановна.

Генерал Белогорский уставал, преодолевал одышку от возбуждения и, передохнув, продолжал говорить тише.

— Раечка, шутовство оставим. Мое отношение к этим людям ты знаешь. Я так воспитан. Я радуюсь, что и твое заблуждение прошло. Ты снова—Белогорская. Я предвидел это. Я не говорю тебе сладеньких папенькиных слов. Ты поступила неудачно. Тебя ничто не связывает с этой обстановкой, в которой ты живешь. Значит,—я еще не

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

разучился понимать,—настанет время, когда ты не вытерпишь. Готовься к этому—и не удерживай себя. О последствиях я не беспокоюсь. Ты достаточно горда, чтобы не трепать мое имя недостойными поступками. Увы! Я ничего тебе дать не могу, кроме моих стариковских советов.

— Они мне дороже очень многого,—усмехалась Раиса Ивановна, целуя ему руку.

— Я мотнул всё, что было от дедушек и прадедушек, и мамочкино добро прихватил. Извини. Тебе не осталось,— опять хорохорился генерал и щелкал развязно пальцами, будто вспоминая миновавшее славное и разудалое время.— Желаю тебе столь же беззаботной жизни, какую сожгли-с, сожгли-с мы! Вследствие сего имею основание потворствовать моей дочери. Наслаждайся, живи и радуйся! Помни одну обязанность—ари-сто-кра-тизм. Никакого самозабвения! Строгость, сдержанность, манеры—и доброе имя!

Генерал Белогорский подходил к окну, подымал высоко плечи и фыркал:

— Безобразие! Какая-то Сибирь эта глупая Рабанга! Ты, милочка, взгляни на эти клетушки для кротов, на эти красные морды фабричных зданий, трубы, черноту, дым! Бррр! Как тут жить и для чего воспитанному, благородному человеку? Особенно хорошенькой женщине. Ха-ха! Моя единственная дочь, дочь генерала Белогорского,— фабрикантша! Фррр! Пустынница! Затворница! Ой, не могу! Какой достойный конец нашей веселой, жизнерадостной и всеми любимой семьи! Раечка, Белогорские всегда порхали. Мы—прирожденные кавалеристы. И вдруг... Ха-ха!.. Пошли в монахи...

Раисе Ивановне не пришлось долго разбираться в своих чувствах к Владимиру Викентьевичу. Она ошиблась в них. Но она с детства привыкла управлять собой. Владимир Викентьевич не заметил перемены. Его манила к ней

Сургутская ГУНБ им. В.Г. Белинского http://book.ugrasu.ru/

холодная, горделивая, спокойная, уверенная внешность. Он уже от себя награждал Раису Ивановну той внутренней глубиной, которой в ней не было. Ему было приятно показаться с Раисой Ивановной на люди. Он гордился ею.

Понемногу он почувствовал отсутствие около себя того уюта, какой бы он хотел иметь, отсутствие радостной теплоты, близости. Раиса Ивановна как бы захолаживала его жизнь, но он смирялся. Он еще не смел признаться себе, что чувство его постепенно убавлялось, уходило, что Раиса Ивановна становилась ему чужой.

Не хотелось верить, что часто он тщеславно любовался ее походкой, нарядами, умением держать себя, как он любовался огнями в Устье-Угольском или новой машиной, изящной, с причудливыми валиками, поршнями, колесами блестевшими чистой и гладкой сталью. Ему было приятно выполнять ее прихоти. Но все настойчивее и ярче и досаднее он видел, что Раиса Ивановна как бы была у него в гостях, случайно заехала, осталась и чего-то дожидалась.

Любовь к Зинаиде Николаевне была для него той тайной и необходимой поддержкой, которая помогла ему легко пережить охлаждение к Раисе Ивановне. Но, полюбив, он почувствовал себя вдвойне виноватым.

Как он не подозревал равнодушия жены к себе, так и она продолжала думать, что он любит ее,—они оба не заметили той перемены, которая расколола их жизнь на две самостоятельных и несоприкасающихся части. Они жили, привычно сходились как муж и жена, выезжали, принимали гостей. Владимиру Викентьевичу казалось, что Раиса Ивановна так мало ему мешала, что он мог бы прожить с ней рядом, в свою очередь не мешая ей, всю свою жизнь. Он уезжал, уезжала она, они порознь возвращались. И так была мала та внутренняя связь между ними, что они, улыбаясь и словно радуясь при встрече,

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://booksarsk.ru/

не спрашивали друг у друга, где они были, что чувствовали, что делали.

Владимир Викентьевич был поглощен своей страстью к Зинаиде Николаевне. Там, около нее, шла настоящая и дорогая ему жизнь. Раиса Ивановна так мало теперь для него значила, что его не занимали ее интересы и желания. Ему было все равно, что она делала, уезжая в Москву к родственникам или посещая своих новых знакомых в городе.

Раиса Ивановна, не задумываясь, объясняла себе его спокойствие и скромность как страх перед нею, как боязнь вызвать ее гнев недозволенным ему вмешательством в ее самостоятельную и независимую жизнь. И она довольствовалась этим объяснением. Владимир Викентьевич был удобен и не ревнив. Чувствуя себя виноватым перед ней, он сам выделил ей, усмехаясь и как бы прося ее принять от него постоянный и приятный для него подарок, деньги на расходы, на поездки, на гардероб. Денег было достаточно.

Раиса Ивановна тяжелела—и освобождалась. Владимир Викентьевич и тут беспомощно мигал глазами и соглашался. Истратив все деньги, Раиса Ивановна возвращалась из Москвы на Рабангу отдохнуть, запастись новыми деньгами и поддержать удобные отношения с мужем. От скуки она разнообразила свою жизнь и в Устье-Угольском. Вечерами собирались у нее доктор Орнатский с женой, молодой доктор Мигулин, директор Эдуард Эдуардович, две сестры-учительницы Струженцовы, исправник и отец Сергий Власьевский с попадьей. Владимир Викентьевич не препятствовал. Но часто, как будто за недосугом, он уходил с этих вечеров. Раиса Ивановна умела ловко показать гостям, что присутствие Владимира Викентьевича если было не лишнее на ее половине, то во всяком случае не

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

обязательное. И никто не чувствовал неудобства без него ужинать, играть в карты, кричать и шуметь, слушать смешное исполнение «литургии» подвыпившим отцом Сергием, засиживаться после полуночи.

Всё это общество, собиравшееся у жены, будто радовалось той строгости, в которой она держала мужа. Раиса Ивановна так представляла сама и внушала это представление другим. Она самодовольно, не забывая придать своему лицу и голосу самое добродушное и снисходительное выражение, даже с любовным вниманием к странностям мужа, не осуждая их, шутила:

— Господа, прошу извинить. Мой супруг влюблен в свою фабрику более, чем в жену. Верно, Эдуард Эдуардович?

— Пез ума!—словно обученно отчеканивал директор.

Гости принужденно смеялись и втайне, перешептываясь, злословили. Они испытывали почему-то удовольствие, что Владимир Викентьевич дома был не тот смелый и сильный человек, какого они знали вне дома. Они даже вшитали в себя некоторое пренебрежение к нему, стали с ним развязнее. Им казалось, что Владимир Викентьевич был унижен. И в этом они находили непонятное наслаждение. Они будто вместе с Раисой Ивановной обучили его быть покорным, тихим и глупым. Раиса Ивановна была сильнее.

До того, как Зинаида Николаевна потребовала свое место около него, Владимир Викентьевич как бы зевая и ленясь смотрел на неприятные ему поступки жены. Он с довольной хитрецой, оставаясь один, думал, как была неопытна при всем своем самомнении Раиса Ивановна, заблуждаясь в его любви. Это было его спасением. Заблуждаясь, а следовательно будучи спокойной, она не могла наблюдать, следить, предполагать измены.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksaic.ru/

Незадолго перед тем, как Зинаида Николаевна сконфуженно намекнула ему об уступке, о победе над ней ее чувства, Владимир Викентьевич пережил трудный и незабываемый вечер. Раиса Ивановна ускакала в Москву с заехавшей к ней и прогостившей в Устье-Угольском несколько дней родственницей. Владимир Викентьевич во время ее отъездов всегда чувствовал, что он словно становился моложе, а в особняке делалось просторнее, уютнее, тише и как будто даже чище. От Раисы Ивановны оставался запах духов, платьев, пудры. Освободиться от него было нельзя. Он пропитывал самые стены, портьеры, мебель, ковры. Владимир Викентьевич лучше работал, мог читать, а главное—он мог ходить прямо и без стеснения по комнатам, думать, соображать, мечтать.

Он также и этот вечер спокойно проводил дома. Неожиданно пришла Наталья Петровна Струженцова, заплаканная, прибитая и понурая. Владимир Викентьевич удивился ее появлению, и еще более—ее растерзанному виду.

— Раисы Ивановны нет дома,—недовольно сказал он.—Вы не знали?

Наталья Петровна была постоянной гостьей жены и никогда не бывала без нее. Одновременно он досадливо подумал, что отношения его жены с учительницей были такими, что та могла приходить в слезах, искать утешения или даже что-то оспаривать. Его уколола эта ненужная интимность. Неприязнь его к жене словно и в этом лишнем поступке оправдывалась.

— Нет, я знаю. Но я к вам, именно к вам. При ней я не могу,—тихонько и не глядя на него, невнятно сказала Струженцова,—но... но мне страшно...

Владимир Викентьевич недоумевал. Наталья Петровна проплакалась, ни разу не взглянула на него и едва оправилась. Он в отчаянии пытался успокоить ее, поил водой,

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

суетился, уговаривал и неудобно смолкал, не зная, что ему делать и зачем пришла эта плаксивая и, повидимому, несчастная женщина.

— Могу ли я... встречу ли я от вас внимание?..—бормотала Струженцова.—Не оскорблю ли я вас?..

— Да нет же, нет!—сердился Владимир Викентьевич.—Говорите, пожалуйста, всё. Я готов слушать.

— Вы обещаете?

Владимир Викентьевич не ответил. Он подождал. Учительница переминалась, шевелясь на стуле, и не решалась.

— Я жду,—тогда чёрство, зло и ясно приказал он.—Или... уходите. Пришли, значит, имели дело.

— Ваша жена,—выкрикнула с усилием Наталья Петровна,—живет с Мигулиным!

Владимир Викентьевич, не сознавая, что он делал, както упёрся в стол руками и с грохотом отъехал на стуле. Струженцова в испуге заслонилась руками. Ей почудилось в грохоте от стула, что Владимир Викентьевич вскочил, сейчас закричит, может быть, ударит ее и будет бить. Но испуг ее был напрасен. Он не стал ее бить и гнать, а, оправившись, нетвердо, ей представилось, с ненавистью в голосе, погрозил:

— Дальше! Начали—и кончайте. Всё без утайки. Я плакать не умею—и не помешаю вам. Только скорее.

Струженцова заторопилась, будто ей дали столь мало времени, что только скороговоркой, сокращая, заикаясь, она кое-как могла рассказать самое существенное.

— Даже с отцом Сергием. На моторной лодке она ездит на Долгие Луга с сыном Орнатского. Исправник около нее вьется. Вы, вы ничего не знаете. Над вами смеются. И я, и я смеялась. Она всех нас обманула! Все в нее влюблены. Я люблю Мигулина. Она отбила его у меня. Она в

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

городе с ним. В номерах. Мигулин мне признался. Я выведала у пьяного. Я ей отомстила, отомстила теперь.

Струженцова зарыдала.

— А! Вы были сначала наперсницей, а теперь...—взбесился Владимир Викентьевич и схватил ее, забываясь, за плечи.—Если всё это ложь,—я раздавлю вас!

Он больно стиснул ее. Наталья Петровна в негодовании вскрикнула и кинулась вон. Тогда он опомнился.

— Простите, простите меня,—бежал он за ней, хватал ее за платье, неловко разорвал рукав,—я виноват. Я оскорбил вас! Но вы же меня обухом! Ах! Доконайте, доконайте меня совсем! Ну, остановитесь же! Я требую подробностей, доказательств! Я не выпущу вас!

Владимир Викентьевич застранил ей выход, взял ее крепко за руки и привел в кабинет. Он запер двери, сел рядом с Натальей Петровной и, наклонив голову, придерживаясь за спинку стула, заставил ее рассказать всё, что она знала о Раисе Ивановне. И то, что она говорила, было так правдоподобно, была такая в этом мучительная и грязная и неопровержимая правда, так всё соответствовало всем его откуда-то внезапно явившимся и до сих пор неосознанным догадкам, что он оборвал Струженцову на полслове и попросил уйти.

Злое и беспощадное открытие зажгло кровь. Его согнуло на стуле. Он, не разгибаясь, просидел до ночи. Такие страдания представились бы ему невероятными во всяком другом человеке, который бы узнал об измене жены. Он бы не понял их. Он смог бы рассуждать о слабоволии у такого человека, об отсутствии гордости. Он признал бы его положение нелегким. Но оно сразу переходило в смешное, как только муж вместо презрения к вероломной жене испытывал горечь и муки. У него был один единственный и самый страшный для обидчика выход—презрение. Владимир

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksvale.ru/

Викентьевич попробовал бы даже найти выгодным для пострадавшего щекотливое открытие. Оно освобождало обоих от необходимости хоронить друг от друга свои скрытые связи. Теперь же, на себе, он переживал все это так сложно, близко и резко, словно беда его не могла быть сравнена ни с какой другой, и более горького оскорбления, издевательства не могло существовать.

Ревность так била и содрогала Владимира Викентьевича, что в эти минуты он даже не вспомнил о Зинаиде Николаевне, а всеми его поруганными чувствами безраздельно обладала Раиса Ивановна,—он мысленно искал ее, звал, ожидал, хотел... Владимиру Викентьевичу казалось, что, появись она, он затрепетал бы от самого душного и страстного к ней влечения. Может быть, он стал бы истязать ее, мстя за свои стыдные обиды, но он любил бы ее, вложив в короткое мгновение всю неудержимую напряженность своего чувства. Он никогда не предполагал, как бывает безгранична и неутешна тяжесть потерять любовь женщины, даже той, которую, казалось, не любишь. Он казнился как бы от зависти к тем счастливым людям, которые заменили его и дали ей то, чего она не нашла в нем.

С гадливостью он представил Наталью Петровну, словно передразнил ее бормочущий и тупой и бессмысленный, как куричий клекот, голос—и спутался. Представив и Мигулина, и Орнатского, и каких-то других, неизвестных, может быть, и даже наверное, они есть там, в Москве, он с дрожью сжал кулаки. Он оплакивал, жалел ее, когда ему должно было быть только стыдно за эту женщину. Чувства ненависти, отвращения, зависти, любви и ревности боролись между собою, сталкивались, оспаривали над ним власть, заставили его задохнуться в комнате, выбежать на террасу, испугаться людей, хотя была ночь и его никто

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

не мог видеть, не разбираясь, в жалком смущении куда-то сесть на отсыревший стул, на какую-то книгу, вздрогнуть, вскочить и кинуться обратно.

К утру Владимир Викентьевич вдруг ясно разобрался, что тот как бы вертящийся в голове волчок мыслей утих, остановился—и, взамен сумятицы, противоречивых переживаний, всего его заполнил один щемящий стыд. Самое трудное и тяжкое было выйти из дому, увидеть людей, встретиться с Раисой Ивановной.

На другой день, поздно очнувшись от сна, он сорвался с постели. Набросив халат, он быстро прошел в комнаты Раисы Ивановны. Все было тщательно заперто. Поискав глазами, он заметил на камине железный прут для углей. Владидимир Викентьевич взломал замки.

Упорное красное дерево, мастерская работа с незаметной для глаза и тончайшей пригонкой ящиков делали вещи неприступными. Ворча и раздражаясь, Владимир Викентьевич без сожаления разбивал ценные и редкие предметы, царапал их прутом, ковырялся в выбоинах и с торжеством одолевал. Он расшвырял по полу картонки, коробочки, шляпы, костюмы, драгоценности Раисы Ивановны.

С каким-то бессмысленным озлоблением, уже пройдя мимо туалета жены, заставленного любимыми ее безделушками, пудрецами, флаконами духов, всякими баночками с кремом, всей этой ненавистной и показавшейся ему сегодня поганой косметикой, презрительно усмехнулся и смахнул на пол.

Он добивался найти среди ее вещей изобличавших писем и записок. И ничего не нашел. Ему даже понравилось, что их не было. Поймав себя на тайном желании найти позорные и гадкие письма любовников, он глупо и жалко усмехнулся. Он хотел объяснить себе, что искал ее московский адрес. Он даже во все время поисков, ища

Собрание Р. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

глазами писем, думал об адресе. Ему показалось смешно и странно, почему он не знал до сих пор, куда уезжала его жена, к кому уезжала, какие у нее там были родственники и были ли они.

Насупившись от неудачи, Владимир Викентьевич опять вернулся к своим вчерашним думам. И он опять пришел к тому же выводу: не надо было видеть жены. Но он не знал, куда ей послать свое требование о разрыве.

Владимир Викентьевич боялся выходить из дома. Ему мерещилось, что у каждого в глазах был заготовлен для него особый насмехающийся взгляд, все знали о его сраме и почему-то только и думали о нем. Он даже из окна с непереносимой болью следил за улыбками чему-то радовавшихся людей.

Раиса Ивановна приехала рано утром. Но все эти дни, не высыпаясь, Владимир Викентьевич поднимался на свету. Он боялся, что она его застанет спящим, как было уже много раз раньше, не позволит ему встать и придет к нему в своем шелестящем белом японском халатике. Он из-за оконной шторы видел, как она вошла в дом. Сердце захолонуло. Он почему-то так и не отошел от окна, держась одной рукой за штору и как бы стоя навытяжку. Он слышал, как она тихонько юркнула по коридору в спальню. Лицо у Владимира Викентьевича перекосилось от боли и омерзения. Вдруг он ее увидал по-новому. Она представилась ему скользкой, грязной и гибкой, похожей на огромную щуку.

Тут же, цепенея, он припомнил, что комнаты Раисы Ивановны были заперты. Заперев их сразу же после хозяйничанья в них, устыдившись своего бессильного гнева, он взял ключ к себе, чтобы прислуга не могла видеть разгрома и еще больше огласить по Устье-Угольскому обо всем его невыносимом и погубленном положении.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://booksibiric.ru/

Неубранные и развороченные комнаты все эти дни дразнили его. Он даже хохотал над тем, что́ сделал из ее нарядных и любовно когда-то убранных комнат. Но он решил—и ни разу не поколебался—не убирать их. Ему хотелось, чтобы она почувствовала все то пренебрежение, которое он как бы выразил к ней, истоптав и расшвыряв ее вещи. Владимир Викентьевич заранее наслаждался ее изумленным возмущением, когда она войдет в комнаты. Но он второпях забыл всунуть ключ в замок. Цепенея, он ухватился за ключ в кармане и ждал. Встреча неминуемо приближалась.

Не найдя его в спальне, толкнувшись в запертые двери, Раиса Ивановна быстрой походкой внезапно вошла в гостиную, словно успела сразу очутиться вблизи от него, протянуть руки и, как обычно, покровительственно сказать:

— Ну, здравствуй, здравствуй, как ты тут без меня?

— Распутница!—заревел Владимир Викентьевич, красный, взбесившийся от ее щучьего вида и особенно от снисходительного голоса.—Во-о-н!

Он с яростью вырвал из кармана ключ и бросил в нее. Раиса Ивановна отпрянула и даже не опустила протянутых к нему рук, только отодвинула их как-то в сторону.

— Вы забываетесь!—взвизгнула она.

Выпятив глаза, наклонив голову, съёжив плечи, он тяжело переступил и придвинулся к ней.

— Гад!—прошипел он дрожавшими губами.—Я не забываюсь! Я тебя бью!

Раиса Ивановна стояла тонким деревцом, будто выпрямившимся в безветренный день. Она не шелохнулась. Она ничего не видела, кроме его глаз. Владимир Викентьевич неистово затопал ногами, матерно выругался и обеими своими ладонями, сразу, в упор, щелкнул жену по глазам.

Соуль им. В. Г. Белинского http://book.urfac.ru/

Она упала на стул, он покосился, ёрзнул—и вместе со стулом Раиса Ивановна опрокинулась на пол. На ее отчаянный вопль вбежала прислуга.

— Развод—и откупное на блуд!—взревел Владимир Викентьевич, отталкивая обомлевшую прислугу, и выбежал, хлопнув дверью.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Николаю Петровичу минуло шестьдесят. Именинник заспался дольше обычного. Елена Дмитриевна всегда завидовала аппетитному и непробудному сну мужа. Он спал под старость так же, как спал в молодости. Она, казалось, каждый год сбавляла, спала по-птичьему, переставала понимать сладчайшую отраду, в которой был столь ненасытно искушен муж. Елена Дмитриевна пошла его будить и поздравлять. Но едва она притворила тихонько двери и с незабытой привычкой, усвоенной еще в институте, держать как-то—хотя бы и старые—пальчики на высоте груди и круглить руки, осторожно сделала первый шаг, Николай Петрович недовольно зашумел:

— Зна-а-ю! Зна-а-ю! Шестьдесят, шестьдесят лет! Радоваться тут нечему! Плакать надо! И поздравлять не с чем! Старик, скверный старик!

Она все же, усмехаясь, села к нему и расцеловала в шустрые и довольные глаза, довольные оттого, что он выспался и проснулся. Елена Дмитриевна, как она это любила делать, будя его, прилегла своей седой, с вылезавшими волосами головой на высокую и белую его грудь и внимательно замерла, слушая ровный, отчетливый ход его сердца.

Николай Петрович знакомо обнял старуху, мгновенно погоревал о ее потускневших волосах и с неприятной брезгливостью увидал через редь их такую же потускневшую

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://bookurae.ru/

кожу. Он погладил жену по вздутой, как бы сношенной щеке с какой-то холодной и обязательной лаской и выразил свою жалость и к себе и к жене коротким и сдержанным вздохом. Именины его не радовали.

То, что у него не было никаких иных чувств, кроме сожаления, навело Николая Петровича еще на большую тоскливость и грусть. Мысли об утраченных чувствах приходили часто. Он даже возбуждал себя, старался вернуть к себе усилием воли ту плотскую жажду, которая, казалось, была в нем прежде неистощимой. Ничто не помогало. Он и сегодня даже привлек к себе старуху и прижался к ней. Она охотно пододвинулась, даже оглянулась на двери. Старики вяло и задумчиво помолчали, словно прислушиваясь к тому, что в них происходило. И, помолчав, Елена Дмитриевна соскучилась первая. Она потрогала его голову и озабоченно сказала:

— Какой ты теплый сегодня! Нет ли у тебя жара?

Елена Дмитриевна коснулась лбом его лба, пощупала виски и улыбнулась. Николай Петрович насмешливо и досадливо протянул:

— Холоден, как пол, а ты нашла жар. Надо вставать— и больше ничего. Пирога хоть именинного поесть. Это нам с тобой по зубам, Леночка. Единственное удовольствие и радость.

— Вставай, вставай, пора уже,—заботливо говорила Елена Дмитриевна,—пирог будет с твоей любимой подливкой.

Она потащила с него одеяло и скомкала в ногах, одернула его ночную рубашку и усмехнулась любовно на широкий и громкозвучный его зевок.

— Потянись, потянись, дедушка!

Елена Дмитриевна неторопливо и легко вышла. Николай Петрович, глядя ей вслед, подумал, что она была еще

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralweb.ru/

совсем стройной, прямо ходила, так же держала руки, как в молодости, но все это было только остатками от ее прежней, волновавшей его, фигуры.

Николай Петрович с восхищенным клокотанием в горле,—ему даже показалось, он всхлипнул,—вспомнил, как была гибка Елена Дмитриевна, как она, распустив косы, полунагая, могла, изгибаясь назад тоненьким своим станом, доставать косами до полу. Она так была счастлива от своего молодого покорного тела, непринужденно, невыученно, от природы изгибавшегося, как она хотела, что Николаю Петровичу даже не надо было просить ее это делать. Она словно по гибкости своего стана определяла власть над собой грубого и всесильного времени. Зрелище это, когда Елена Дмитриевна переставала существовать, превращаясь в большой белорозовый лук, трепетавший на мгновение перед глазами, было так обольстительно и прекрасно и страшно, что Николай Петрович, боясь напугать ее даже своим лишним шорохом, чувствовал какую-то восторженную муть в глазах, в сердце. Он как бы внезапно вспыхивал, взлетал над полом, ломался надвое и с дрожью подхватывал ее за спину.

— Леночка! Не надо! Я умру!—шептал он, задыхаясь.

Николай Петрович медленно и неохотно одевался. Он никак не мог забыть этой смутившей его память изогнувшейся Леночки. И так как, живя постоянно в Юрове, мало видя людей, он приучился думать вслух, он с какой-то обидой и жалобой бормотал:

— Теперь уж она не может! Нет! Не может!

И почему-то было тяжело не за Елену Дмитриевну, а за себя.

День начался с сожалений и печалей. И по этому началу Николай Петрович знал, что именины его испорчены. От дурных и тревожных мыслей уже нельзя было избавиться.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Николай Петрович старался всегда отвлекать себя от них. Лучше всего помогала быстрая ходьба. Подрывавшие его твердость и жизнерадостность мысли начали беспокоить лет с тридцати. Когда они слишком явственно копошились в голове, он вскакивал, встряхивался, уходил в парк, в поле, в луга. На ходьбе—лучше и скорее если был холодный, даже дождливый день—мысли сминались, умерялись и куда-то прятались до более удобного времени. Они опять выползали из своей гнилой норки. Но уже и во временном успокоении от них была радость.

Теперь Николай Петрович не мог пользоваться этим средством. Он по-молодому спал, ел, пил, лицо у него всегда было ало и свежо, как от мороза, но выдавали ноги, они уставали.

С той же тридцатилетней поры Николай Петрович стал бояться своего сердца. Оно объявилось как-то внезапно: зашевелилось, заворочалось будто от тесноты, вздрагивало, словно пугаясь, извивалось и будоражилось от непонятных причин. Тогда же Николай Петрович начал обкладываться жирком.

Так как случилось это на тридцатом году, он с испугом вставал с постели каждое тридцатое число месяца, вообразив роковую зависимость своей жизни от числа тридцать. Он мнительно ожидал смерти двенадцать раз в году. И никогда не бывало, чтобы в этот обреченный день сердце не скакало и не грозило Николаю Петровичу бедой. Ходьба спасала и от сердца. Ему запрещали ходить, его укладывали в постель. Но дурные мысли и колоброд в сердце совпадали. Они двумя клешнями впивались в Николая Петровича. Покой наставал, когда он освобождался от одной самой цепкой и рвучей клешни—смертоносных своих дум. И он бежал без оглядки, до поту.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksgate.ru/

Страшнее было ночами, когда бежать от сердца было некуда. Тогда спасала Елена Дмитриевна. Он жалко и робко просил послушать неугомонное его сердце. Она приникала ухом. Это помогало. Николай Петрович унылыми глазами вперялся в мрак, с трепетом ждал, что̀ жена ему скажет. Он не сомневался, что не услышит от нее правды, а услышит оберегающую его ложь. Но все равно—по голосу жены он поймет ее тревогу, если так уж опасно его положение. Долго, почти не дыша, ласково удивляясь долготерпению жены, ожидал Николай Петрович. Но молчание ее так замедлялось, что сильнее росли тревога и страх,—и вдруг легчайший свист и слабый храп вливались ему в уши. Жена часто спросонья клала ему голову на грудь, пыталась считать удары и, задремав, засыпала. Николай Петрович вслушивался в воркование Елены Дмитриевны, а потом в него самого входил такой мир, так веселело всё, так устойчиво и крепко казалось на земле, что он, не замечая, забывался и начинал подхрапывать. Или, не желая тревожить и будить Елену Дмитриевну,—он сам уже выздоравливал и думал только о ней,—он подолгу не двигался, пока не взрывался неудержимым смехом.

Сердце не остановилось до шестидесяти лет. Оно даже как будто, проскрипев последние тридцать лет, стало жилистым, упорным, выправилось и закалилось. Но безутешные мысли развелись—и не выводились. Они теперь хозяйничали над Николаем Петровичем.

Они отравили ему сегодня день. Скучный, он бродил по дому, выбирался на улицу, вздыхал, охал...

— Леночка, ты подумай,—сидя с женой на скамье, теплой от майского солнца, и глядя на рывшегося в навозе у цветника грача, горевал Николай Петрович,—какая несправедливость! Какой-то глупый грач живет триста лет,

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://bookurale.ru/

а человек пятьдесят-шестьдесят. Ну, при редкой удаче, восемьдесят. Где же тут смысл? Кому нужен этот грач?

— Ах!—восклицала Елена Дмитриевна.—Тебя, Николенька, совсем замучила философия! Ты, милый, проще на всё смотри. Примиряйся. Ты такой еще красненький—и вид у тебя прекрасный, здоровый. Ты еще долго проживешь. Прадедушки твои жили до ста лет. И ты от них не отстанешь. У тебя кость наследственная, крепкая...

— Даже и до ста,—соглашался мало удовлетворенный Николай Петрович,—но ведь не до трехсот, как грач.

— Ах! Грач, грач! Затвердил одно!—не одобряла Елена Дмитриевна.—Кышь ты! Увидал грача—и привязался к нему своими думами. Ты отвернись от него.

Елена Дмитриевна подняла камень и неумело кинула в грача. Тот тяжело затрещал крыльями и низко понёс свой набитый, как гирька, зоб.

— Или щука,—бурчал Николай Петрович.—Помнишь, в пруду поймали щуку с кольцом прадедушки Павла. Сто шестьдесят семь лет назад вдели ей кольцо. Это жизнь! А в подмосковных царских прудах ловили щук с золотыми кольцами, я читал, двухсотгодовалых. И больше. Одна щука с золотым кольцом была опущена даже при царе Борисе Годунове. Это, Леночка, завидно. И, главное, бессмысленно.

— Щука да грач, грач да щука! Ты же человек, а не птица и не рыба!—сердилась Елена Дмитриевна.—Всякому свое. Ты говоришь глупости. Я и не хотела бы столько жить. Для чего? Пока мы здоровы—ничего, а начнутся болезни—это ужасно!

— У меня они уже начались,—печально брюзжал Николай Петрович,—сегодня как-то странно дернуло в левой руке. Рука даже в сторону мотнулась.

Собрание им. В. Г. Белинского
http://book.uralic.ru/

— Это прострел, Николенька,—важно и убежденно сказала жена.—Пустяки. Прострел и у молодых бывает.

— Бывает, а раньше у меня не было. Нет, нехорошо. Ты думаешь, я брюзжу так. Нет, нет, Леночка, я предчувствую...

— Ты всю жизнь предчувствуешь, а всё благополучно. И здоровье у тебя завидное. Каждый человек чем-нибудь болен, но никто не обращает внимания.

— А я удивляюсь твоему спокойствию. Как же можно не думать над такими вопросами? Все мы уничтожаемся. Живем и уничтожаемся. Вот сидим на скамейке, разговариваем, а придет когда-то время, и нас не будет. Меня охватывает ужас. Сколько тут пересидело народу! И всё зря. И всё пошло прахом. Для чего? И до того всё это напрасно устроено, что мне всю жизнь ничего не хотелось делать. Почему я, собственно, что-то должен делать, когда всё один обман и насмешка над человеком. Я всегда чувствовал, что меня кто-то на веревке водит. Я как конь бегаю по кругу.

— Оставь, пожалуйста, Николенька, такие сравнения!— воскликнула Елена Дмитриевна.—Опомнись. Ты огрубел в деревне. Совсем, совсем не подходящее сравнение. Впору Павлу, который действительно напоминает коня. Когда Павел смеется, я иногда смешиваю его голос с ржанием нашего Буравчика.

— Да, да, меня заставляют бегать,—не унимался Николай Петрович.—Не до воздушных тут сравнений. Я бегаю, как дурак, а потом меня дёрг—и конец. И зарежут, как старую же опять лошадь в живодёрне. Ерунда, чепуха и вздор всё вокруг нас. И самое противоестественное—мыслящий человек, который всё это понимает и ничего поделать не может, не может спастись и других спасти. Я горжусь, что сознаю это, ни о ком и ни о чем не

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uralweb.ru/

хочу думать, как только о себе, ни для кого ничего не хочу делать и не делал.

— Николенька, ты не прав,—возражала Елена Дмитриевна,—для чего же старались и дедушка и бабушка? Не будь у нас Юрова и наследства, ты не мог бы так глубоко и мучая себя мыслить. Ведь даже мужики и те заботятся о будущем.

— Мужики, и рабочие, и купчишки, и все, все—бессмысленная тварь,—презрительно урчал Николай Петрович.—У них глупые и вылупленные глаза. Они или спят или не спят. Вот и вся их внутренняя сущность. Так как они думать не умеют, они работают. Что же им еще делать? Бока пролежишь от безделья. А я не хочу. Меня обидели. Ты, Леночка, углубись только. Под ногой у нас земля...

Николай Петрович потопал по земле ногой. Елена Дмитриевна тревожно уставилась на его лениво поднимавшиеся ноги.

— И земля умирает... И она когда-то полетит в тартарары. И замерзнет там, и будет безгласна, гола, как лёд. Дьявольский холод будет! Значит, и бессмертия нет. И бессмертие—насмешка. Зачем же тогда на земле что-либо устраивать, когда это устройство не навсегда?

— Николенька, ты нытик и хлюпик,—недовольно сказала Елена Дмитриевна.—От твоих мыслей нерадостно жить. И мне жалко тебя. Я прошу хотя бы в такой дорогой для меня день рассеяться.

— Я попробую, я попробую,—усмехался довольно Николай Петрович, с любопытством опять разглядывая грача, вернувшегося на навоз.

Весь день не ладился. В доме было пусто. Поздравили его с праздником только Глафира Васильевна и Пуша. Марья Николаевна даже забыла сначала, какой важный

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralsu.ru/

день был в Юрове. Отсутствие гостей сегодня было чувствительно и обидно.

— Жили-были старик со старухой,—горестно твердил он Елене Дмитриевне.

— И хорошо,—отвечала та,—и очень удобно. Никаких хлопот. На народе мы тебя раньше во весь день и не видали. Не знали, чему радуемся.

Николая Петровича больше всего задевало, что не приехал внук Миша. Старик даже не допускал мысли, чтобы внук не мог вырваться из города. Тем более не верилось, что Николая Петровича знало всё гимназическое начальство и не стало бы препятствовать внуку, только пожелай он повидаться с дедушкой. Николай Петрович с неприязнью подозревал тут козни беспутной своей невестки, матери Миши.

С того дня, как она сделала позорный поступок и соединилась с Владимиром Викентьевичем, Николай Петрович заставлял себя не глядеть даже в ту сторону, где сияло и мерцало огнями Устье-Угольское. Она надругалась над памятью Егорушки, тут же, рядом с Юровым, у серого камня. Николай Петрович бежал от своего шалившего сердца и наткнулся на них. Владимир Викентьевич, стоя, обнимал Зинаиду Николаевну и целовал. Старик увидал его широкий затылок, потом закинутую голову невестки и—самое ужасное и отвратительное—ее распустившиеся распутно волосы, которые как будто ползли у нее по спине. Зинаида Николаевна одной рукой сдавила шею Владимира Викентьевича, а другой старалась поймать волосы.

Старик так внезапно даже для него самого вывернулся из лесочка и подскочил к камню, еще не видя их, что они все трое вскрикнули одновременно. Николай Петрович неловко постоял, поморгал, покраснел и, не сказав ни слова, кинулся обратно.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralweb.ru/

Та земля, по которой бережно водил свою жену Егорушка, была посрамлена. Николаю Петровичу казалось чудовищным, что у этого камня, где совершилось преступление, он много раз видал Зинаиду Николаевну с Егорушкой. Трепеща и стеная, он ясно вспомнил, как они однажды стояли тут, посадили Мишу на камень и бегали вокруг, растопырив руки, чтобы Миша не сорвался.

Зинаида Николаевна на другой день уехала, не повидавшись с Николаем Петровичем. И он не захотел к ней выйти. Внук Миша остался в Юрове, но он часто гостил у матери. Старик ревниво подсчитывал, где Миша жил больше,—и с грустью сознавался, что внук изменял Юрову и зачем-то подолгу застревал на Рабанге.

— Детство среди пьяных, грязных и отвратительных рабочих!—возмущенно негодовал Николай Петрович.—Леночка, ты представь, что из этого получится? Развратная мать, мужлан вотчим, раннее наблюдение за пороками. Все эти фабричные бродят по улицам. Вульгарные гармошки, драки, пьянство, скверная брань. Мальчик впитывает, как отраву, что-то кошмарное.

— Она не позволит ему видеть всей этой гадости,—пыталась побороть отвращение Елена Дмитриевна.—Он же живет отдельно от этих хамов. Ничего с ними у него нет общего. И не может быть.

— Но, но,—шумел Николай Петрович,—там воздух, воздух некультурен! Он отравляет, смердит, он заражает. Там в каждой щели низкое и дурное!

Дед никогда не укорял Мишу и не говорил с ним о матери. Елена Дмитриевна была более милостива. Так как все леса и угодья были проедены, с годами Николай Петрович отказался от ведения самостоятельного хозяйства и сдавал землю мужикам в аренду, вековая усадьба старела скорее, чем сами хозяева, требовала починок, затычек,

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksvrn.ru/

поддержки. Миша привозил бабушке из Устье-Угольского плотно заклеенный пакет и тайно от дедушки передавал. Пакеты он начал доставлять после того, как бабушка раз увидалась в городе с Зинаидой Николаевной, и они о чем-то долго шептались на диване, хоронясь от Миши.

Отказавшись от непосильного ведения сельского хозяйства, Николай Петрович приспособил старый амбар под нефтяную мельницу. Маленькая нефтянка молола мужицкий хлеб. Помол и все доходы давали меньше, чем было нужно. Денежные пакеты, неизвестные Николаю Петровичу, помогали Елене Дмитриевне легко одолевать привередливую требовательность и мужа и дочери.

— Не приехал,—грустил Николай Петрович,—мамаша разлучила.

— Ах, Николенька, какой ты подозрительный,—сопротивлялась Елена Дмитриевна его раздражению.—У мальчика, может быть, экзамены.

— Какие там экзамены!—отмахивался старик.—Зинаиде Николаевне угодно понемногу отучать его от нас. А он вырастет—и потребует от нее ответа. И я, и я помогу в этом. Она боится нашего влияния. Она чувствует свою порочность.

За всем тем, Николай Петрович в течение дня часто подходил к столу, хвалил вино, опорожнил графинчик водки, перекушал и, окончательно расстроенный, улёгся отдыхать.

Внук прислал поздравительную телеграмму, опоздавшую на два дня.

Жизнь тронулась дальше. Николай Петрович хорохорился. Глаза его были притворно равнодушны к тому запустению, среди которого он жил. Словно оно никак не трогало его, даже не могло трогать, было понятно, неизбежно и чуть ли даже не необходимо. Но он только таился

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

от близких. В душе у него было уныние. Он слушал, как грубо и трескуче и равномерно работала нефтянка, кричали около нее мужики, приехавшие с помолом, ругался монтер.

Николай Петрович испытывал какое-то оскорбление себе в том, что ни монтер, ни мужики словно не хотели его замечать, не стесняясь шумели и были заняты собой. Старик с неудовольствием сознавал, что наглый, мертвый стук нефтянки и развязные мужичьи голоса вторглись в его жизнь надолго. Они разрушили поэтическую замкнутость его внутреннего барского двора. Теперь между ним и мужиками не было никакой разницы. Даже хуже. Мужики приезжали на мельницу к нему почти из снисхождения. А раздумай они молоть свой хлеб у него—и нефтянка должна была остановиться. Николай Петрович чувствовал себя в зависимости от мужиков. Он вынужден был примириться с нефтянкой—единственной его кормилицей. Старик сравнивал себя с лавочником, который ухаживал за покупателями и старался привлечь их к себе, чтобы лучше торговать. Николай Петрович с неприязнью ловил себя, что и он, случайно наталкиваясь на мужиков-помольщиков, приветливо улыбался им с той же целью.

Старик не жалел ни прожитых лесов, ни земель, ни хуторов, ни отданных в аренду мужикам самых близких и родных юровских покосов и полей, но было непереносимо тяжело видеть разрушение Юрова. Он со стыдом думал, что не сумел, не спохватился во-время сберечь свою усадьбу для внука, как для него самого ее сберегли дедушки и бабушки. С еще большей укоризной он обвинял себя, что старался всех обмануть своим равнодушием к ней и прикрывал свое неумение, бессилие удержать ее в целости кажущейся беззаботностью. Он каялся, что прожил недостойную и легкомысленную жизнь, в течение которой

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

только растрачивал созданное до него, мотал накопленное и не знал удержу своей расточительности.

Николай Петрович чувствовал, что как будто из-за этой его дурной жизни так изменилось всё. Не будь он столь слаб и столь мало достоин уважения, не пал бы столь позорно род Шеиных, Зинаида Николаевна не посмела бы полюбить, не посмела бы ослушаться его и уйти от них.

Старик тоскливо представлял себе, что внуку его Мише нечем будет вспомянуть дедушку, он оставит ему одно это истлевающее и понурое Юрово. Старик презрительно морщился, когда вспоминал, что оставит внуку еще нефтянку. Он ненавидел Владимира Викентьевича, от которого будет зависеть его внук. Старик злобно и завистливо думал, что Семенков заменит Мише беспутного дедушку, что внуку будет стыдна о нем память. Старик казался сам себе ужасным, подлым и низким.

В то же лето он узнал, что уже все давно знали. И это его доконало. После свадьбы Ольги Павел недолго удержался в своей злобе против Марьи Николаевны. Через неделю он повез ее в город. Подавленно он подал лошадей к подъезду, стесненно сидел на облучке, поджидая ее, раздумывал о предстоящей дороге и о необходимости быть вместе с Марьей Николаевной два дня. Но по тому, как она, выходя из подъезда, взглянула на него и как он сам сразу почувствовал, что ему чего-то недоставало, он понял неизбежность примирения.

Дорогу молчали. Павел неловко ёрзал под ее неотступными глазами, пыхтел и не осмеливался ни заговорить, ни повернуться. Но он ухитрился на повороте, будто опасаясь за слишком накренившийся экипаж, скосить глаза и подсмотреть на ее лице прощающую и самодовольную улыбку. В Рабангском завечеревшем волоку́ он молча

Собрание им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

остановил лошадь, слез с облучка, осмотрел подковы у лошадей, зачем-то обошел кругом экипажа и даже подёргал его за крылья и, вспыхнув, уныло пробормотал:

— Может, выйти надо?

Марья Николаевна неудержимо захохотала на его жалкое и смятенное лицо.

Сорвав смех, она передвинулась на сиденье ближе к Павлу, схватила его за кафтан и прошептала:

— Ты местность тут знаешь?

Павел взял ее за горячие маленькие руки, сдавил их и, применяясь невольно к ее голосу, тоже шопотом сказал:

— Лес везде одинаков. Я лошадей отведу.

Он свернул лошадей с дороги и потащил их через мелкий, но плотный кустарник.

— Осторожней, ты меня вывалишь,—вполголоса, боязливо и смущенно и радостно трепетала Марья Николаевна.

— Не вывалю,—упорно, строго и как будто нехотя отвечал Павел,—а вывалю, подыму.

Пролетка, поковылявшись на целине, захлестанная прутьями, стала невидной с большака. Павел внезапно засмеялся и снял Марью Николаевну на землю.

Потом он невесело гнал лошадей, будто вымещая на них обиду за свою слабость. А Марья Николаевна, засмеявшись в кустах, так со смехом и доехала до города, шутливо и благодушно доставая Павла на козлах зонтиком.

Связь не окрепла, часто распадалась. Павел неладно и подолгу думал над своей уходящей и не удовлетворявшей его жизнью. Он не мог забыть Ольгу. И то, чего не было раньше, больно и неотвязно стало лезть ему в глаза. Он завидовал мужикам, мужицкому хозяйству, мужицким избам. Он был пришлый на Моше, бездомный. До него кучерил в Юрове отец, а Павел, подрастая, сначала был именским

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

пастухом, потом работником, а после смерти отца Николай Петрович пересадил его на отцовский облучок. Павел горько и обидно жалел Ольгу.

Когда непереносимо ясно он видел, что в его несчастье была виновата Марья Николаевна, он придирался к ней, оскорблял ее и гнал. Павел не мог расстаться со своими завистливыми думами. Он настойчиво и скопидомно начал беречь каждую копейку, воровал у лошадей овес и тайно продавал его, спускал лишние уздечки и старые сбруи, тянул всякую завалящую вещь с конюшни. Он требовал денег от Марьи Николаевны. Она теперь приходила к нему каждый раз с подарками. Павел решил обстроиться. Он копил и радовался прибывавшей казне.

Павел не ухоронил своей тоски. Он жаловался мужикам на свою кучерскую участь, жалел, что он раньше не подумал жить так, как жил теперь, откладывал, приберегал, подготовлялся. Мужики, посмеиваясь, величали его женихом. Павел с подкреплявшим его настойчивость весельем замечал, как к нему стали относиться в деревнях внимательнее и добрее.

— Хоть гармонью заводи, да по посиденкам,—поддразнивали мужики Павла,—будет тебе в холостяки играть. Собачья старость живо подкатит. Поди, на четвертый десяток кануло?

Тут, с одобренья мужиков, на Павла и свалилась освобождавшая его от постылой и осмеянной жизни удача. Павел дожидался в Новленском около канцелярии земского начальника Саблина Николая Петровича, куда тот приехал тягаться с мужиками из-за юровских земель. Мужики припахали к своему полю спорный, заброшенный клин возле дороги и засеяли. Николай Петрович ненароком узнал, выехал на место, и подал жалобу. Мужики проигрывали. Покуда они еще спорили и торговались с Николаем

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralweb.ru/

Петровичем у земского, старик Дмитрий Ивнягов вышел из присутствия, махнул рукой и насмешливо пожаловался Павлу:

— Барин твой, Пашуха, нас разделал—не надо лучше. Влипли будто штаниной на смолу. Не отдерешь.

Старик облокотился на козлы.

— Не поддавайтесь,—пошутил Павел.

Они закурили—и разговорились.

— Да, не поддавайся! Чего тут поделаешь, когда Саблин да Шеин, и не сговариваясь, понимают друг дружку. Оба помещики. Ну, и ясно, Паша, противу мужика в обоюдную. Порука! У нас круговая, а у них и вдвоем хорошо. Платить надобно. Одна теперь печаль—меньше бы ему вывалить, попрыгунчику. Криво ведь, дьявол, и повязан. Мот! А стремительный человек. Так языком лопочет, ничего не осмыслишь, а земский башкой машет в одобренье. Что тут станешь препятствовать! И не прав он, а молчи. Мне платить совсем тяжело. Оброк будто камень с шеи снимаю кажинную осень, а тут—работай за свою землю опять на барина. Настасья одна работница без изъяну...

Павел, словно у него что-то внутри припрыгнуло, вспомнил тихую, незаметную, переросшую девичий возраст Настасью.

— Замуж не вышла,—продолжал Ивнягов,—из-за нее только и по-миру не ходим. Как Ваську убили, так ровно все убили. И я помоложе был, а вот не шло, чорт его подери, дело, одна беда на другой верхом скачет и не отпускает. Недавно старуха-жена отошла. Спасибо девке. И жалко на нее без мужа глядеть, будто хуже других девка, а и славно, что с нами, со стариками живет. Теперя со мной с одним. Кортомит, Паша, кортомит девка своим трудом.

— Ты бы в дом взял,—с тревогой сказал Павел.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralsc.ru/

— Дом-то неказист,—огорченно ответил Ивнягов,—никого не заманишь. И любых нет. Поди ты—девка в соку, в краске, в характере, а жениха не было. Понимаешь, ни одного. Над кем, видно, что судьба напишет—кончено. Теперь, пожалуй, и поздновато.

Мужики грудой вывалились на улицу вслед за Николаем Петровичем, крича и шумя и останавливая и упрашивая его. Павел накрутил на руки вожжи. Старик Ивнягов присоединился к мужикам.

Павел, словно пред ним неожиданно открылась впереди какая-то удивительная и необыкновенная картина, сияющий, не сводящий с нее своих удивленных глаз, вез Николая Петровича обратно.

На той же неделе, всё продумав и взвесив, он повидался с Ивняговым и обрадовал старика. Павлу показалось, что он даже полюбил Настасью, когда она дала свое согласие.

Павел после сговора крепко и уверенно возвращался в Юрово. Истекали последние дни жнитва. Поздний июльский вечер с его благословенной теплотой и неугомонными коростелями вдруг приобрел для него такую значительность, что Павел, пораженный, первый раз в жизни как-то особо понял и нежнейшую его теплоту и эти заботливые крики коростелей. Павел где-то, не разбираясь, присел у дороги, жадно дышал, слушал невидимую, трескучую птицу и внимательно всматривался в трепетавшие огненными крыльями зарниц дали. Павел испытывал подлинное счастье. Оно было так велико, что он боялся даже представить себе, что было бы с ним, если бы это счастье у него кто-то отнял. Павел пленился всей знакомой округой, словно никогда ее раньше не видал такой торжественной, важной и полной нераспознаваемого смысла. Ему было бы странно еще недавно зачем-то сидеть одному в поздне-вечернем поле и, блаженно усмехаясь, никуда не

Собрание В. Г. Белинского http://book.urals.ru/

торопиться, ничего не делать, вздыхать и как-то странно, по-новому, чувствовать себя на земле.

Павел часто считал себя лишним, не приткнувшимся ни к чему человеком, тяготился этим. Теперь он переживал такую бесконечную связь между собой и жизнью, что как будто только с этого вечера и началась она подлинная, неоспоримая и взаправдошная.

Павел ласково и нежно задал на ночь овса лошадям, для чего-то прижался к голове любимого, старевшего Буравчика и так, прижавшись, постоял, потом мирно и успокоенно посидел на конюшне, осторожно запер ворота, словно боясь стуком вспугнуть свои довольные думы, и вошел в каморку при конюшне. Незамечаемый раньше плотный и твердый запах кожи, войлока, дегтя сегодня мешал. Павел растворил окно. Не раздеваясь, точно ему надо было куда-то завтра торопиться и он не успел бы одеться, прилег на койку, устало свернулся и закрыл глаза.

До успенского поста оставалось немного. Павел боялся отдалять свое счастье. Отец Никифор согласился повенчать его без огласки. Как-то перед самой свадьбой Дмитрий Ивнягов вывез имущество Павла в Ершово. Тут только Павел пришел к Николаю Петровичу за расчетом. Старик недоуменно вытаращил глаза и растерянно спросил:

— А как же мы без кучера останемся?

Павел усмехнулся и некстати ответил:

— Я в дом вхожу к Ивнягову. Беру Настасью замуж. Накучерили, барин.

— Что значит—ты входишь в дом?—стал приходить в себя Николай Петрович.—Предупредить, предупредить ты был должен! Какая-то там Настасья... Ивнягов... а дело ты забыл?

Павел помолчал и, извиняясь, буркнул:

Соупб им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Так уж неловко вышло, барин. Не благовестил я... Нельзя мне... Кто бы не помешал. Примите конюшню. Ваше при вас и останется. Кучера вам искать не приходится. Я подговорил на монастыре одного работника, Степана Ухачева. Он меня заместит.

Николай Петрович привык к Павлу, ему было жалко отпускать его. Он даже так расстроился, что на другой день недружелюбно разглядывал Степана Ухачева, когда Павел привел того на показ.

— Животное! Неблагодарное животное!— волновался он, бродя по дому и будто ища защиты у Елены Дмитриевны от неблагодарного Павла.—Как мы к нему относились! Как мы к нему относились! И вот—пожалуйте! Р-раз—и отсек! Чорт знает, даже кучера бегут!

Николай Петрович воспринял уход Павла как новое подтверждение, что жизнь в Юрове неузнаваемо изменилась, всё твердое, прочное и постоянное колебалось, разъезжалось, шло неудержимое разрушение.

Вечером, накануне сдачи Павлом конюшни Степану Ухачеву, Марья Николаевна так разрыдалась, что Николай Петрович и Елена Дмитриевна в ужасе прибежали к ней. Она бессмысленно и дико кричала на весь дом, гоня их и топая здоровой ногой:

— Уйдите, уйдите от меня! Ненавижу вас! Это вы меня изуродовали! Это от вас я такая! Всё, всё ненавижу!

Марья Николаевна заперлась у себя и не показывалась несколько дней. Глафира Васильевна ей припомнила, не удержалась—и злорадно открыла старикам связь Марьи Николаевны с Павлом.

Николая Петровича словно переехало возом. Шеин согнулся. Но и это непростительное падение дочери он принял на себя.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksaic.ru/

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Жадное счастье Павла было недолговременно. Оно внезапно остановилось. В то лето последний император Николай Второй прервал свою летнюю поездку в Финляндские шхеры и спешно прибыл в Царское Село. Самодержец любил войну и не любил мятежей. Он считал, что война увлекала людей, как увлекала его, люди переставали думать о своей маленькой, жалкой, ничтожной жизни, переставали сомневаться в величественном и таинственном праве императора безраздельно управлять ими. А главное— война создавала славу династии. И заозерские мужики вместе с другими миллионами мужиков были двинуты на австро-германскую границу. Император Вильгельм не прерывал своей поездки в Северном море и не возвращался в Берлин, но он раньше выставил своих мужиков и рабочих на русской границе. И обе армии столкнулись. Армии начали убивать друг друга, топить в болотах, хватать в плен. Кроме того, они начали разворачивать деревни, села, города, жечь хлеба, уничтожать скот и угонять к себе, рубить и корчевать леса, отравлять реки и озера, отбивать голую и запустевшую землю, поднимая над ней попеременно императорские стяги то Николая Второго, то Вильгельма.

Настасья провожала Павла. Уткнувшись в плечо Еньки, поталкивая ее, она всхлипывала. Енька крепилась.

— Перестань! Не казни мужиков!—шептала она неуверенным и сердитым голосом.—Хоть реки слез выльем, всё равно увезут. Зажми рот, дурашка. Мужикам обиднее и горчее нашего. Их на убой везут, а мы тут еще причитать начнем, ровно над покойниками. Сердце у них кровью обливается, а ты скулишь.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book-irk.ru/

Настасья фыркала, вытиралась, размазывала по рукам слезы, глядела куда-то за спину Еньки, чтобы не видеть Павла, и опять вдруг как бы обрушивалась слезами.

Павел и Никандр стояли в дверях теплушки и подавленно молчали. Свистели маневрировавшие паровозы. Неумолкаемо двигались, шаркали по платформе сотни ног. Лязгали и впереди и позади цепи между вагонами. Вагоны то осаживали, то подёргивали вперед. Матерная брань мешалась с бабьим воем.

Вся эта суета казалась такой медлительной и нескончаемой, что бабы могли залить своими слезами теплушки. Призываемые старались не глядеть на баб, но не осиливали. Родные и близкие лица неудержимо влекли, хотелось сохранить их в себе такими, какими они были в этот расстанный час. Тоска, как мутный дым, заволакивала голову, слепила глаза, словно на лапках, перебиралась в горле.

Призывных уже загнали в теплушки. К длинному красному поезду прицепили паровоз. Вдруг озорно и крикливо заиграл на рожке горнист:

Разлука ты, разлука,
Чужая сторона!
Никто нас не разлучит,
Как мать сыра земля!

Рожок дико и странно заплакал трескучими медными слезами над густо и ералашно сновавшей платформой. Провожатый горнист играл «сбор» перед отправкой. Он совался туда-сюда, поднимал свою трубу, перемежал «сбор» с «разлукой»—и был явно доволен своей проделкой. Платформа всколыхнулась последним воплем баб. Солдаты пытались храбриться, усмехаться на шутливого горниста, но песня рожка была так неуместна, так печальна, так подчеркивала те страшные минуты, которые солдаты проводили с родными, что как-то сразу изо всех теплушек

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

солдаты закричали и замахали руками на горниста. Он оторвал на полслове от старательно расплюснутых губ рожок, взмахнул им кверху, словно выливая из него воду, и пьяно погрозил солдатам.

— Давай, давай отправку!—отчаянно требовали призывные.

— Пускай машину!

— С бабами нам труднее воевать, чем с германцем!

— Вези, а то сбежим!

— Сволочи! Раньше не могли всё приготовить!

— Какие мы вояки в слезах!

Настасья и Енька ухватились за теплушку, будто хотели задержать ее. Перегнувшись, Никандр целовал Аннушку. Еньке казалось, что он так долго целовал сестру, что не успеет поцеловать ее.

— Никандр! Никандр!—громко, требовательно тянулась Енька.

Баб отгоняли, отталкивали, ругали. Но они не слушались, лезли к вагонам, цеплялись за руки мужей, братьев, отцов, перегоняли друг друга, запинались, падали, вскакивали и цветно облипали во всю длину воющий и клокочущий слезами поезд.

— Никандр! Никандр!—бормотала Енька, не находя никаких других слов.

— Павел, Павел!—вторила ей Настасья.

— И на кого ты нас покидаешь...—голосила Аннушка.

Никандр и Павел уже наслушались в городе, что война будет короткая, что русская армия уже вошла в Восточную Пруссию, что уже в страхе перед российским оружием бежали австрияки. Они оба враз, не веря, давя в себе отчаяние, утешали баб.

— Не надолго, бабы!

— Скоро повернем в обратную!

Сочинения В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— К Покрову будем!

— Может, германца и не догнать! На поезде за ним погонимся, а он наутёк!

— Без нас и молотить не надо!

— Приедем. На радостях обмолотимся в два счета!

Бабы бежали за плывшими теплушками, отставали. Вот уже вдали, затягиваясь августовской едучей пылью, мелькали только руки, платки, картузы—и они уже становились неразличимыми—и наконец бабы остались одни. Всё еще глядя на паровозный дымок,—и сдутый с насыпи песок, серо круживший над линией, казался им дымом,—бабы, завывая, держались друг за друга. Они будто боялись расстаться и отпустить одна другую. Но платформу скоро начали очищать от жалобно и запоздало плакавших баб.

Железнодорожный жандармский ротмистр выглянул из своего станционного помещения, возмутился на неудобную и подозрительную его жандармскому сердцу толчею—а всякая толчея ему была подозрительна—и дал знак.

— Болваны!—выкрикнул он презрительно и начальственно, так, чтобы слышали жандармы.—Люди поехали на ратный подвиг, на защиту отечества, можно сказать, от сарацин, а они воют! Н-несознательность! Дух, бодрость надо поддерживать в воинах, а не вселять в них уныние глупыми слезами! Со светлым лицом, с восторгом, с благословением на подвиг следует провожать будущих героев! Очистить!

Жандармский ротмистр Феликс Францевич Фирс зазвенел шпорами, небрежно отвернулся от окна и шагнул к своему месту, надзирая за жандармами, кинувшимися на платформу.

Бабы непослушно упирались, спорили и задирчиво кричали жандармам:

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Ишь, рожи-то нагуляли!

— Как сиги ходят гладкие!

— Наших мужьев на смерть, а вам тут с бабами воевать!

— Отсиживаетесь!

— От слез наших совесть заела!

— Жалко, окаянные! Место, что ль, испакостим?

— Р-расходись!—сердились настойчивые и несворотимые жандармы.

На площади перед вокзалом начали подбираться вместе мошенские бабы и старики. Только тут Енька пришла в себя и стала замечать знакомых людей. Константин Косарев с подряхлевшей и согнувшейся в клюку бабкой Афанасьей проходили мимо и остановились. Енька вспомнила, как через одну-две теплушки от Никандра поместились два брата Косаревы: Константин с матерью и невестками провожали их. Сквозь шум и рев Енька слышала, как братья просили Константина не оставить их семьи, и как тот самодовольно и важно отвечал:

— Езжай, езжай! Всё будет на своем месте. Безо всякой нужды. Брат я, али не брат, чудачьё! Воюйте только хорошо, не поддавайтесь, а мы тут справим за вас.

И едва Енька вспомнила этот разговор, едва увидала Константина недалеко от себя и поняла, что он нарочно не смотрел в ее сторону, она резко и вызывающе сказала Косареву:

— Эй, ты, моряк! Братьев свалил, а сам остался!

Константин недружелюбно и зло покраснел, попытался усмехнуться, но голос Еньки раздражил его.

— Время не пришло!—кисло и неприятно морщась, отвечал он.

— Другим так всем время пришло,—наседала Енька.— Откупился?

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralsc.ru/

Константин смущенно и растерянно мигал на баб и стариков. Те словно старались не слышать и неловко переминались на месте. Тогда вступилась бабка Афанасья.

— Шальная была, шальной и осталась!—хрипло и злобно сказала она.—Пойдем, Костя! Неразумный да охальный человек мало ли что наговорит. Кому за себя не стыдно, тот и народу не постыдится.

Енька неприязненно и горько засмеялась.

— Ах ты, старая! Тоже на защиту! Тоже норовит прикрыть грешки! Заплатил, заплатил! При всех говорю—заплатил. Нам нечем заплатить, так наши мужики жизнью своей плати. Шальной меня величаешь, а когда была Енька нужна—лучше на свете не было. В гроб глядишь, а вместе с сыном совесть забыла. Всё за деньги продали.

— Тебе завидно!—кричала старуха, удаляясь с молчавшим сыном и невестками.—Умом ты не вышла наживать денег—вот и сердись на самую себя. А людей почище себя не лай, дрянь такая!

Косаревы, насколько бабка Афанасья могла, торопились. Поодаль за ними двигались остальные.

— По болезни отошел,—протяжно, с ненавистью кидала вдогонку Енька.—Подлец! Отроду не хворал, а тут занемог! Лопнуть от силы хочет, дразнит своим здоровьем, а прикидывается. Хоть бы на глаза не показывался, хоронился, так нет—на виду у всех посмеивается... За него других повезли умирать! Продажные души! Война не для всех. Воюй бедный, у кого порток лишних нет, война для бедных, а богатым—одни проводы. Все они отойдут, у всех защепка найдется, поглядите ужо!

Когда Косаревы ушли подальше и не могли слышать, Еньку сочувственно поддержали другие бабы. Она в том негодовании, с которым высказывалась, находила для себя утешение. Аннушка скромно удерживала ее.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Будет, Енька, будет, нехорошо, что же делать, не воротишь. Пускай он подавится своим богатством. Смерть и на воле настигнет. Может, спрятался, да на свою голову. От беды не убежишь.

— Может—так, а может—и не так!—кипятилась Енька.— А пока что он убежал. Наши в неволе кровью плакать будут, а он себе разгуливает, жир копит, спит-ест всласть. И почёт ему, негодяю ото всех: Константин Андреянович да Константин Андреянович!

Бабы быстро проходили городом. На каждом шагу они встречали молодых, сильных людей, нарядно одетых, веселых. Улицы были, как и всегда, полны суетливой, торопливой громкоголосой толпой. Сияли зеркальные витрины, окна, золотые вывески, неслись сверкающие автомобили, трамваи, скакали рысаки в сетчатых попонах, лоснились вспрыснутые дождем асфальты и каменные тротуары. Город еще не чувствовал войны. Бабы, с ненавистью озирая его самодовольный вид, спешили уйти в свои опустелые и уже воевавшие деревни. Енька озлобилась. Настасья по дороге часто принималась плакать, зажимала рот Аннушка, хныкали другие бабы. Енька надрывно кричала на них:

— Только плакать и знаем да охать. Часто плачем—никто и не верит слезами. Замолчите вы, дуры! Не пускать бы мужиков—и конец. Всей волостью собраться да кольями сборщиков! Пускай всех забирают, а не на выбор. Одни отлёживаются, а по другим бабам плакать? Городские сапожками постукивают, хи-хи да ха-ха, а мужикам мёрло, мужиков ровно скотину на живодерню понукают. Вон городовые стоят в перчатках, селедка на боку, усы по ветру. Им что, дармоедам! Им война нипочем! Наших мужиков на части там разорвет, а они тут про-ха-жи-ваются, за порядком смотрят!

Собрание им. В.Г. Белинского http://book.uralstu.ru/

Гнев, овладевший Енькой, как бы подстёгивал ее. Она неслась впереди и вела за собой баб. Шли они грудно, прямо по мостовой, сворачивали и прижимались к панели от лошадей, от автомобилей, задерживались и опять спешили.

— Модницы проклятые,—без умолку и не стесняясь, громко говорила Енька, успевая разглядеть проезжавших на рысаках и в автомобилях разодетых женщин,—шляпницы, на жеребцах да на машинах раскатывают! У них горя мало. Мужьев у них не пошевелят. Так и будут ездить из улочки в улочку, одеянье свое показывать ротозеям. Пушкой их не достанешь, лодырей! А нам в дугу гнись! Без мужиков, ребят от титьки—да и в поле на работу. Раздавило бы вас тут всех домами вашими каменными! Смотри, смотри, бабы, какие лупетки! Ткни булавкой в щеку, брызнет на аршин! Обожрались, отлежались, навели мясо себе от жирной жизни! На них и работаем все, выматываемся, в спине ломит!

Енька задевала прохожих на панели. На баб любопытно оглядывались горожане и как будто удивлялись, куда бабы так торопились.

— Эй, ты, чего рот раскрыл? Не видал отродясь, как бабы ходят? Пойдем вместе, не отставай! Протрясешь живот-то,—поддразнивала Енька.—Жир сгонишь, легче ноги переставлять. В деревне пахать заставим, за коня сойдешь, найдем и упряжь по тебе.

Она не пропускала ни одного человека, почему-либо ей не понравившегося. В сознании Еньки весь этот пустой, ленивый и дармоедный городской народ был виноват перед нею. Он смел бродить по улицам, ничего не делать, смеяться, в то время как ее Никандра, Павла и всех деревенских мужиков пригнали в город, посадили в теплушки и куда-то повезли.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Выбравшись за город, бабы пошли спокойнее. Но они часто с неосиливаемым плачем присаживались у дороги и отдыхали. Енька вся выговорилась, нахмурилась и замолчала. Теперь словно всех тяжелее было Настасье, которая никак не могла примириться со своим коротким счастьем. Она так долго ждала его. За год, который она прожила с Павлом, Настасья привыкла к мужу, полюбила его. Она накопила для него всю свою запоздалую девичью силу. И силы было так много, что будто она и не тратила ее за год. Настасья наклонялась над своим раздувшимся от Павлова плода животом и тихонько, неостановимо скулила.

— Другие хоть пожили,—плакалась она,—а я опять горемычная. Так весь свой век. Всё с одними стариками и кукую. И дитё не на радость, а на горе. Мужикам-то нашим на чужбине ровно в домовине. А нам без них глаза бы не глядели на свет...

Бабы подвывали ей.

С тем же чувством они провели первую плакучую ночь без мужиков. Где-то по железным путям неслись теплушки с мужиками, увозили их всё дальше и дальше от Заозерья, увозили неизвестно куда, надолго ли, может быть, навсегда. Бабы вертелись на печках, на полатях, на сене и никак не могли понять, зачем у них отняли мужиков.

Павел и Никандр и другие мужики сторонились друг друга. Было стыдно показать печаль, которая защемила сердце и не проходила. Она как невидимая рана жгла внутри с той внезапной и злой минуты, когда объявили мобилизацию, и бабы покойницки заревели в голос по избам. В теплушках нестройно и тоскливо пели, пиликали на гармошках, дымили цыгарками,—и никто не спал эту первую ночь на колесах. Мужики еще жили по своим деревням.

Собрание им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Павел в нещадной обиде думал, что жизнь снова насмеялась над ним и не дала ему опомниться, отдохнуть. Он так же не зависел теперь от себя, как и на своей кучерской службе у Николая Петровича. Павел с изумлением догадался, что всю жизнь кто-то ему приказывал, распоряжался им, не спрашивал его ни о чем, а он покорно исполнял, торопился и боялся не угодить. И, догадавшись, Павел с затаенной ненавистью вспомнил каждого, кто когда-либо помыкал им, оскорблял его и старался причинить ему зло. Павел безнадежно, не поддаваясь сладости своей мечты, представлял себе, что если бы возможна была такая жизнь, когда у человека спрашивали, хочет ли он делать то, что ему предлагают,—такая жизнь была бы счастливой. Тогда Павлу не надо бы было уезжать от Настасьи, от своего дома, от хозяйства, не надо было бы зачем-то воевать с германцами, стрелять в них, ходить в штыки или прятаться от германцев в окопах. Павел, прищурясь, огляделся в теплушке, и ему стало ясно, что тогда бы в теплушке некого было везти. Он не утерпел поделиться своими невозможно приятными и радостными мыслями с Никандром.

— В добровольцы ты бы пошел?—вдруг он спросил Лепакова.

Никандр, растерянно и странно вглядываясь в Павла, будто не верил тому, что он слышит, боясь, не смеется ли Павел над ним,—вместо ответа задал вопрос:

— Ты в своем уме?

Они переглянулись—и оба жалко засмеялись.

. . . . . .

По всем станциям и полустанкам в Заозерье, по торговым селам, у волостных правлений, в призывных станах собирали заозерских мужиков—и отвозили. Заозерье опустевало. Разгорались лесные пожары, которых некому

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralsk.ru/

было тушить, прогоркли гарью поля, пустые дороги, низины, всходило над безлюдьем напрасное солнце, оно никого не радовало, никому не было нужно. И как ночные неуёмные зарева, заливавшие небо, были жгучи и неодолимы бабьи слезы по деревням.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Вскоре после смерти брата Степана Аннушка ужаснулась. Рано утром пошла она в горницу разбудить Никандра на покос. Кужлявые березки закрывали окна своей зеленой гущиной, в горнице было сумрачно, серо и неясно. Аннушка осторожно подошла к кровати, наклонилась и замерла. На кровати, спустив голую руку к полу—рубаха завернулась до плеча—спал с раскрытым ртом Никандр. Другая его рука была широко откинута по изголовью. Прикорнув носом в подмышку к Никандру, обняв его за живот, спала раскрасневшаяся Енька с наползшими на лицо волосами.

Аннушка так обомлела, что безмолвно вглядывалась в обоих и не могла пошевелиться. Опомнившись, она было хотела уйти и скрыть то, что она, потрясенная, узнала, но уже под ее трепетавшим взглядом Енька проснулась. Пугливо, в узкую щелочку глаз, сквозь тонкую паутину волос Енька посмотрела, загорелась вся и неловко потянула с живота Никандра руку. Никандр очнулся, недоуменно уставился на Аннушку и сразу растерянно сел. Аннушка заметила, как он приподнял одеяло и потащил его на себя...

— Я сейчас,—забормотал Никандр,—сейчас, сейчас, Аннушка. Проспал. Да. Проспал.

Он пытался загородить от сестры Еньку. Аннушка не знала, что ей делать. Вспыхнув, она прикованно стояла

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

на одном месте и молчала. Ей было стыдно, что она глядела на них. Словно в стыдном положении были пойманы не брат с Енькой, а она сама. Ей неопровержимо стало ясно все то, что было между братом и невесткой уже давно, в чем она сомневалась и о чем беспокоился Степан.

— Уйдешь ты, аль не уйдешь?—вдруг хрипло и отчаянно сказал ей Никандр.

Где-то в то же время стукнуло. Аннушке показалось, что будто шли по лестнице с улицы. Она в страхе кинулась вон и прихлопнула дверь.

— Ах!—простонал Никандр, поворачиваясь к Еньке, торопливо слезавшей с кровати.—Уснули мы, Еня, на свою голову. Теперь все открыто.

Енька постояла, держась за спинку кровати, поморщилась, трусливо поглядела на дверь, и только тут увидала себя в одной рубахе. Она стыдливо юркнула опять на постель, закрылась одеялом и торопливо зашептала:

— Беги скорее, принеси мне юбку из избы. Как я такая-то покажусь!

Но покуда Никандр ходил за одеждой, Енька с неожиданным успокоением и нежностью подумала об Аннушке. Испуг Аннушки от шагов на лестнице вдруг стал Еньке понятен. Золовка уже оберегала их тайну. Еньке стало легче и свободнее. Никандр в беспамятстве, прячась от сестры, неумытый, схватил косу и бросился через огороды, только бы не проходить еще раз мимо окон, откуда могла на него посмотреть Аннушка.

Енька оделась, оправила постель и с толкавшим в грудь сердцем вышла из горницы. Аннушка стояла в избе у топившейся печки, глядела в огонь и не обернулась на шаги. Енька с усилием подняла глаза, помялась, пересилила себя и прижалась к ней. Аннушка не сопротивлялась—и только плакала.

Сонеть им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Грех, какой грех вы сделали с Никандром! А я потатчица. Но что я могу, когда Никандра-то я люблю больше! И при жизни Степана, подлая я, любила Никандра больше! К сердцу моему Никандр ближе. Срамница, что ты затеяла! Зачем так-то, что скажут в деревне! Всё мне прояснело от сегодняшнего. Сколько, сколько лет ровно маленькую обманывали!

— Давно, давно, Аннушка,—полусмеясь, шептала Енька,— прости, милая! По-другому и нельзя было. Так мы же тебя больше всех на свете и любим! Тебе бы сказали, но лучше, когда сама наткнулась. И племянник твой от Никандра. Степан ошибся.

Аннушка таила от всех недозволенную и зазорную жизнь брата. Она жила теперь с одной упорной мыслью, чтобы как-нибудь в деревне не узналось то страшное, что творилось в лепаковской избе. Она остерегала каждый шаг Еньки, удерживала ее и напуганно твердила:

— Берегись, Енька, виду не показывай. На народе сторонись Никандра. Пускай запретное в дому у нас помрет. Изгложут нас, засмеют, нельзя будет показаться на люди!

Но раньше того Феня Головастая словно открыла дверь в своей избе, выпустила из нее проворного зверька, и он начал тайно шмыгать по Ершову, перескочил через поле в Молёво... Он обежал все избы, кроме лепаковской. Тогда старик Кузичев решил, что он уже достаточно долго копил свою горестную злобу против Еньки. Рассказ Фени Головастой о Енькиных родах он соединил со смертью Степана—и в деревне зашушукались.

В осенний деревенский праздник пьяные мужики подошли к лепаковской избе, завели между собой спор, толкались, кричали, показывали на окна—и не уходили. Никандр, любопытствуя, вышел к ним. Старик Кузичев сразу

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.irasc.ru/

положил ему на плечо руку и что-то несвязно и путанно и отдаленно стал говорить. Другие мужики обступили Никандра. Енька выглянула в окно. Мужики хмуро и пьяно покосились—и отвернулись. Енька поняла, что мужики чем-то недовольны. Никандр растерянно и насупленно оглядывал мужиков. Енька заинтересованно спустилась с крыльца—и отшатнулась. Увидав ее, мужики вдруг яростно и неистово завопили:

— Злодейка!

— Мужа уморила! Запарила!

— С побратимом связалась!

— Паскудство в деревне! Утаиваетесь!

— В стан ее!

— Вяжи ее, мужики!

— На могилу ее к мужу!

— Пускай покается! Признавайся, гадина!

Толкая Никандра, успевшего загородить обмершую на крыльце Еньку, мужики лезли к ней, тянулись с кулаками, орали... Старик Кузичев через Никандра ударил ее по голове.

— Спятили вы, пьяные морды!—взвизгнула бешено Енька, рванулась вперед и вцепилась в волосы Кузичеву.—Я вас за срам самих к становому! Я не бывала хуже вас! Я не испугалась вас!

Мужики, при виде разъяренной Еньки, немного смешались. Но кто-то крикнул:

— Держи ее! Управляйся! Чего там смотреть на нее!

Енька боролась, вывертывалась и не поддавалась. В глазах у остолбеневшего Никандра будто мелькала и кружилась пестрая ситцевая спина Еньки. Он отталкивал мужиков. Но они все больше и больше расходились. И вдруг Енька словно обломилась...

— Никандр!—ослабев, воззвала она.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— А! Запросилась!—гудели довольно мужики.—Веревку, веревку! Давайте веревку! Мы тя успокоим!

Аннушка беспомощно держала в руках запор. Она выскочила, чтобы утащить Еньку в избу и запереть крыльцо. Но она опоздала. Теперь, беспамятно и жалко голося, она трусливо металась около Никандра. Тот мгновенно увидал запор, выхватил его и, взрычав не своим голосом, тяжко опустил... Никандр бросился на мужиков. Он скоро управился с ними и освободил Еньку. Мужики кинулись врассыпную.

— Убью!—ревел Никандр, мчась по деревне.—Надругательство над бабой!

Никандр был растерзан и страшен. Он хлестал запором по окнам у старика Кузичева, ломился в избы...

Праздничная деревня так затихла, будто все спали в ней, как ночью. Никандр с запором ходил один по пустой улице и, не остывая, негодовал, покуда его не увела Аннушка.

С тех пор мужики отстали. Буйствуя по праздникам, они задирчиво выкрикивали под окнами у Лепаковых, но старались скорее пройти мимо. С тех же пор лепаковскую избу обегали. Молву о Еньке бабы разнесли по всей Моше. Аннушка плакала и тосковала.

— Ровно выморочные мы!—жаловалась она Еньке.—Все подтыкают. Стыд такой—и не передать!

Тяготился и вздыхал Никандр, молчаливо встречался с мужиками на работе, не ходил на сходы, старался меньше быть на улице. Енька чувствовала, как постоянно следили за ней чужие, любознательные глаза баб, мужиков, ребятишек, рассматривали ее и осуждали.

В какой-то настороженный и подсказывающий час Енька припомнила все те беды, и свои и чужие, какие она пережила—и внезапно окрепла, стала легко переносить отчуждение деревенских, поняла и осудила окружающую ее

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uralweb.ru/

жизнь, разобралась в ней с такой отчетливой ясностью, словно в темной избе она зажгла лампу и увидала на столе неубранные крошки, ползающих и разбегающихся от огня тараканов.

Она возненавидела деревенскую молву о себе; привыкли к ней Никандр и Аннушка. Енька перестала таить свою любовь. Она с легкостью носила новое беремя от Никандра, смотрела прямо в упор на усмехавшихся баб. Она была так неподступно горда своим материнством, не прятала свой живот и, не стесняясь, выходила на работу, что мужикам становилось неловко, они безмолвно и виновато отворачивались. В Еньке выросла неуступчивая и покоряющая сила. Чуждаясь Лепаковых, заглазно осмеивая их, мужики становились терпимее, привыкали, примирялись. Феня Головастая без зову пришла в передродовые дни, шутливо оттолкнула Никандра и зашипела, показывая свои всё еще целые три зуба:

— Брысь, греховодник: не лицо тебе и у своей бабы смотреть, чего не надо и чего одним бабам не стыдно!

Тут и вернулся на родину с военной службы Константин Косарев. Енька обрадовалась. Но она напрасно прождала гостей день, другой и третий, не выдержала и пошла сама в Ершово. Встреча была чужой. Катерина и Константин так незнакомо разглядывали Еньку, словно удивлялись, почему она их обнимала и целовала. На всю радость Еньки, с какой она вспоминала прошлое, гордилась им, Катерина отчужденно и скупо усмехалась, а Константин явно досадовал. Он смотрел на Еньку беспокойными и бегающими глазами, словно боялся, что она у него будет просить денег взаймы.

С горьким и злобным смешком бежала Енька домой. Катерина обещалась навестить Еньку—и обманула. Старая дружба, как ненужное веретьё, была забыта. Енька не

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uralsib.ru/

хотела верить. А потом, встретясь с бабкой Афанасьей, жалуясь ей на забывчивость друзей, Енька почувствовала незабываемую обиду. Старуха с нескрываемым удовольствием, горделиво и важно осмотрела Еньку и ухмыльнулась:

— От чего тебе надо! Все, матушка, в жизни так. Было да сплыло. Ровнюшек на свете нет. Раньше забава была, а ныне Костенька по-другому располагает. Он, нет, никому не отказывает в ласковом слове...

Енька злобно и насмешливо сказала:

— Видно, оттого, что ласковое слово кость ломит и дешево стоит.

— Как знаешь, матушка,—не спорила старуха,—а Костенька не сердитый. К нему всякий подходи. Только у него теперь полон рот забот. Некогда ему о старом думать. С новыми людьми дружбу водить на роду ему написано.

— Что он у тебя, в бариньё вышел?—язвила Енька, испытывая досаду на зазнавшуюся бабку Афанасью.

— Какой там!—скромно и хитро не сопротивлялась старуха.—Не мужик и не барин. А от людей другой почет. Ровно бы,—ты прости меня, я на прямую,—с тобой ему, как прошел он жизнь в городу, с тобой ему и двух слов сказать не о чем. Только что из одной деревни,—так мало ли у него соседского народу, Енюшка! Я, матушка, не со своих слов говорю. Ты вот похохатываешь, а право—не над чем.

Енька, скрывая возмущение, обидно и раскатисто смеялась над загордившейся и важничавшей старухой и сердила ее.

— Костеньке посчастливилось,—суше и резче говорила бабка Афанасья.—И ум у него свой есть. Другой из солдат не евши придет, а Костя с подарками отцу-матери. На паре лошадей, как становой, прикатил. Ему нынче надобно

Собрание им. В. Г. Белинского http://bookarate.ru/

с оглядкой с народом знаться. Пожалуй, живо и сплетут нехорошее. Мало ли вон про тебя россказней ходит! Больно востра и неуживчива ты.

На этом они расстались—и Енька затаила вражду против обманувших ее и дорогих ей до этого людей.

Константин Андреянович, пообжившись и отдохнув, перебрался из Ершова на Пучку и открыл мелочную торговлю.

— Э! Косаренок-то наш,—шептались мужики.—Плутовством деньги на службе нажил! Не пойман—не вор! Во-о-н как ворочает! В купцы вышел.

Константин Андреянович с каждым годом толстел и добрел. Скоро вся мужицкая знакомая округа была у него в долгу. Константин Андреянович стал первым человеком на Моше. Он свел знакомство с торговыми и знатными людьми в Заозерье, гостился и пировал, надел на себя синеполую суконную поддевку, выезжал на мошенскую ярмарку с ходкими товарами и твердо приглядывался к удачливой своей жизни. На Пучке, где давно сидел Лафтаков и где Косареву достались неприбранные черногрядским купцом охвостья, ему было тесно. Константин Андреянович зорко высматривал другое, более удобное и спорое место. И наконец нашел его.

Преосвященный Александр, осмеянный и отторгнутый Калерией, не переставал думать о ней и не мог забыть ее. Накануне войны с германцами, велеречивые и злокозненные кадеты внесли в Государственную Думу запрос о распутной матери Елене и об иночествующих в Горицах четырехстах молодых и старых монахинях. Запрос задевал самого преосвященного Александра. Владыка вспылил. Хотя Марков второй и Пуришкевич, оспаривая запрос, убеждали депутатов в происках жидов против православной церкви и служителей ее, провидели от сего грядущее господство

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksaratov.ru/

синагоги над пятиглавием, но все же преосвященному Александру пришлось проявить заботы о неустроенной епархии.

Мать Елена скромно и тихо уступила игуменское место в Горицах Калерии, съехав настоятельницей в глухой и недосягаемо-лесной заштатный монастырек. Совершая свою ежегодную поездку по епархии, ревнуя о неоскудевающей благодати в каждом малом члене обширных епископских владений, преосвященный заезжал к матери Елене и останавливался у ней отдохнуть от непроезжих и валких дорог в опальной глуши.

Одновременно вспомнил владыка об игумене Феофане, хотя о нем в запросе не упоминалось, и решил не останавливаться в переустройстве епархии и не ограничиваться передвижкой с места на место одних достойных монахинь. Феофан сел архимандритом в древнюю и первоклассную подгороднюю обитель Прилуки.

Эти перемещения и послужили на пользу Константину Андреяновичу. Корыкалов одряхлел и вспух к тому времени от водянки, стосковал о дочери последней предсмертной любовью, продал свой постоялый двор и лавку Косареву, откупил вблизи Гориц малую бобыльскую хату и перебрался туда доживать свое время.

Константин Андреянович поднял вороха пыли и грязи над старым корыкаловским строением, перевернул его, перебрал заново, размахнулся, уширил лавчонку, поставил новые хлебные амбары и заторговал.

Василий Дормидонтович Бураков, не вспоминая о былых потехах над ним Константина Андреяновича, прославлял новосела-соседа и дружил с ним. Корыкаловский постоялый двор теперь не перебивал у него в ярмарочные дни постояльцев. Константин Андреянович оказался еще дальше от Еньки.

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Он вернулся с проводов братьев в лютой злобе на Еньку. Крикливая баба была не только наседлива и злопамятна,—она была опасна. Константин Андреянович долго обдумывал, как ему утихомирить ее, не сыскал средства и еще больше расстроился. И вдруг он почувствовал всю непрочность своей обставленной жизни.

Он испытал такую боязнь, что в первое же воскресенье, увидав около монастыря Еньку, с заискивающей улыбкой подошел к ней. Он старался не видеть ее злого торжества. Оглядываясь по сторонам, он униженно звал ее в гости, подхихикивал, шутил, просил забыть прежнее. И не добился своего. Енька, ощетинившись, с ненавистью смотрела на Косарева и непокладчиво, отходя, смеялась.

— Худа та мышь, Константин Андреянович, которая одну только лазею знает. Заушины языком не слизнешь. Тебе ко своему двору, а мне ко своему. Катерина тебя пусть уж чествует и дураки-мужики. Другой тебе не посмеет сказать, а я тебя, пройдоху, знаю. Боишься, что смошенничал? Докажу, думаешь на тебя?

Енька злобно наклонилась к нему и как будто хотела проколоть его глазами насквозь и всё в нем разглядеть, что ей еще было неясно.

— И докажу. Покачнешься—я тебя подтолкну. Так и знай!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

На втором году войны, в Троицу, после обеден, в Ершове был объявлен сход. Собирали на него рыбаков всех ближайших деревень. За неделю до того, на вечеру, урядник Афанасий Александрович прискакал со стражниками к озеру и застал там рыбаков, деливших между собой моль.

— А, бабий дуван!—гаркнул Афанасий Александрович.— С мужиками управлялись, с вами и подавно управимся. Кто старшина?

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralsc.ru/

Уряднику не ответили.

— У вас я спрашиваю, или нет?—ярился он.—Дувана без старшины не бывает. Укрывательство? Вы не знаете, не знаете, что на десять лет вам не приказано переводить в озере моль! А! Самоуправствовать! Мало вашего брата я учил уму-разуму! Мало я вас сажал! Управы, думаете, на вас нет? Не тем мы заняты? Втихомолку законы нарушать? А! Безобразничать, самовольствовать?!

Афанасий Александрович, чем дольше и упорнее молчали ловцы, тем более негодовал и стращал.

— Взять невод!—приказал он стражникам.

Но тогда, в свою очередь, бабы с воплем ухватились за невод, облепили стражников, стащили их с лошадей, стащили урядника—и обезоружили.

— Во-о-да на-а-ша, а рыба ва-а-ша?—вскрикнула первая Енька.—Нам с голоду лягушек есть? Мужей у нас убивают на войне, а детей ихних нам с голоду морить? Так, говоришь?

Бабы наступали.

— Сердиты, что не тем боком корова почесалась? Убыло у вас добра в озере?

— Ваши скачут, а наши пляшут? Да?

— Мы живем, вставши, да за вытье, а у нас последнюю кроху из роту тащат!

— Что вы, нехристи, не знаете, не видите, каково нам сиротам, достается!

— Земли у нас—петуха на канате держи, чтоб на чужую землю не ходил!

— Лесу—такая голь—парня нечем высечь!

— Деревня того больше—четыре двора, восемь улиц!

— Вместо хлеба песок на камне у нас всходит!

— Житьё, житьё—нагота да босотьё! Нас и совсем заколотить хотят!

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Отправляйтесь, покуда самих в озеро не стащили!

Бабий гнев был так неукротимо настойчив, что пришлось уступить.

Покуда урядник, стараясь быть миролюбивым, препирался с бабами, Платон Кутьков с Терехиным унесли невод в деревню, а другие мужики унесли рыбу. Бабы, посмеиваясь, выждали, чтобы мужики успели спрятать, на случай, невод и рыбу—и только тогда отпустили Афанасия Александровича со стражниками.

Пристыженный урядник хотел скрыть происшествие, но бабы разболтали о нем. Становой Алексей Васильевич Тузов в ярости вызвал Афанасия Александровича в стан.

— Болван! Дурак! Губошлеп!—неистовствовал становой, с отвращением глядя, как дрожали от страха и обиды губы урядника.—У меня столы распирает от протоколов и следствий. Народ вольничает. Заозерье с ума сходит. Вы с бабами не в состоянии рассчитаться как следует. Да понятно ли тебе, старый каверзник, что это значит? Я, становой, по-наслышке узнаю, что дурака Бараева одолели бабы. Одолели со стражниками! Одолели вооруженных! Это немыслимо! Над нами смеются, зубоскалят. Я за вас перед исправником красней, потей и стой ослом! Да, ослом! Как ты осмелился не донести мне о происшествии? Я тебя отдам под суд. В тюрьму! В тюрьму! А-а, тебе стыдно! Ты это понимаешь! А ты не понимаешь, что не дурацкая рыба нужна, не дурацкие невода,—нужно точное и беспрекословное исполнение приказа. Надо, чтобы всякому было неповадно за малейшее ослушание! На этом стоит власть. Ты не сообразил своей полицейской головёнкой, старый петух, что эта бабья сарафанная почта по всему Заозерью разнесет вести, как урядника Бараева с воинством оседлали! Это другим пример. Это зараза. Это подрыв уважения к закону.

Соунб им. В. Г. Белинского http://book.kuzlc.ru/

Алексей Васильевич в таком бешенстве ходил по канцелярии, так был красен и страшен, что Афанасий Александрович почувствовал свою жестокую и неоправдываемую вину перед всем полицейским станом. Он, в раскаянии, самым просящим голосом, с обещанием исправиться и больше никогда уже не уронить достоинство вверенной ему округи, пролепетал:

— Затмение, Алексей Васильевич, прямо затмение нашло!

— Что-о? Какое затмение?—с визгом прокричал становой.—У нас не должно быть никаких затмений. Если я, Алексей Васильевич Тузов, сказал: урядник Бараев—портянка,—значит, он—портянка. Если бы не было сказано, что он портянка, он не был бы портянкой! Ты заржавленный человек! Ты не годишься! Ты не знаешь своих обязанностей! Ты забыл свой долг, обленился. За что ты носишь на груди медаль с священным изображением августейшего императора Александра Третьего? За усердие. Где твое усердие и рвение? Ты предал державного его сына, ныне царствующего императора Николая Александровича! Ты—нерадив!

Урядник пришел в такой трепет и волнение, что, в отчаянии, беспомощно и грустно сказал:

— Промахнулся. Стыжусь. Не знал, что делаю. Не успел пошевелиться, как, гляжу, меня забрали и стражников с коней ссаживают. Мужики дерутся в расходку, бабы в свалку. Облипли, как пчелы на мед. Разорвали бы на клочки, чуть встрепенись.

— Что я слышу, что я слышу!—еще неумолимее рассвирепел становой.—На кого я опираюсь! И это царские защитники! Шкурники, негодяи, прохвосты! Да ты не смел и думать о своей жизни на вверенном тебе почетном посту! Напрасно, совершенно напрасно тебя еще не

ОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksarae.ru/

высекли бабы. Да, таких следует сечь, как секли податное сословие! И, к сожалению, перестали сечь! Ты не знал, что делать, не знал, не знал?

— Не знал,—тихо ответил Афанасий Александрович.

— Ах, скажите, пожалуйста!—взъерошился становой.— Каким выставляется несмышленым! Обормот, ты обязан был стрелять, стрелять, стрелять!

Урядник усомнился в словах Алексея Васильевича и в страхе, боясь не угодить начальству, всё же сказал:

— Бабы... солдатки, Алексей Васильевич, как же! Тут бы поднялось—не приведи бог... Беда поездом ходит. Баба хуже и злее мужика. Она то горло дерет... и на оружие полезет.

— Никаких солдаток!—топнул ногой Алексей Васильевич, останавливая зазвеневшую и качнувшуюся лампу на столе,—одни верноподданные! Стрелять за неисполнение законных распоряжений—и больше никаких. А ты рассуждать, разбираться? Жалость в тебе? На службе должно быть неукоснительное исполнение распоряжения властей! Ты трус! Ты обязан быть беспощадным! Вот такие тихони и распустили народ. Я сто раз вам, дураки, собираючи вас в стане, втолковывал, что только твердостью можно нашим народом управлять! Бей его—он часы выдумает. В подчинении его следует держать, в узде, в ошейнике, в оглоблях! Если бы ты был на своем месте, умел защищать свое звание, ты бы уложил одну бабу—и все другие разбежались бы, как мыши. И власть не была бы посрамлена. Она стояла бы высоко, как и должна стоять. Мы должны карать, а миловать мы не имеем права. Ты—пентюх! Надо было показать пример другим, чтобы впредь не дерзали даже и помыслить о нападении на полицию!

Алексей Васильевич поднял палец вверх. За пальцем потянулся глазами сконфуженный урядник.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Что же теперь делать, Алексей Васильевич?—подумав и помявшись, скромно и просительно сказал Афанасий Александрович.

— Исправлять глупость,—отрезал становой, — исправлять мне самому, на месте показать, как надо себя вести с народом.

Алексей Васильевич пробежался несколько раз из угла в угол и на ходу швырнул:

— Дознание начато? Нет. Недурно! Начать! Арестовать, кого ты знаешь! Ты знаешь кого-нибудь? А? Ты с испугу никого не видел, не узнал!

— Из разных деревень,—жалко бормотал урядник,— где их тут разберешь. И дело было под вечер.

— Слепнуть, слепнуть начинаешь,—издевался Алексей Васильевич,—в земельку, в земельку пора! Старый служака должен быть учителем для молодых. Он должен огнем гореть, а не чадить, не коптить какой-то коптилкой!

Прокричавшись, Алексей Васильевич неприятно восстановил перед глазами фигуру исправника. Тот раньше рассерженно приказал ему не начинать стыдного для полиции дела. Мольба урядника совпадала с исправницким приказом. Покуражившись над Афанасием Александровичем, принимаясь его разносить снова и снова, Алексей Васильевич распорядился о созыве схода на Троицу.

Афанасий Александрович радостно кинулся на Мошу,— и за три дня до Троицы десятские и сотские начали сбивать сход.

Старшина Антипа Иванович с писарем и сельским старостой явились на сход пораньше, чтобы подготовить к приезду станового народ и научить его необходимой покорности. Урядник Афанасий Александрович дожидался станового на дороге за Кобелевым.

Собрание им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Ой, бабы, беда с вами,—с сожалением и страхом уговаривал Антипа Иванович без умолку кричавших и ругавшихся баб,—я-то всё знаю, мне-то и говорить нечего. Плевое всё это дело, а раздули его будто воздушный шар. Неведомо кому моля жалко, а когда запрещено—и не надо бы. Казенное добро страхом огорожено. Закон—что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет. Большую рыбу лови, а моля не тронь! Когда же большую рыбу выловишь, некому будет икры метать, неоткуда и молю взяться. Распоряжение и не совсем правильное, а что же тут станешь делать? Ежели мы с начальством тягаться начнем,—и власти не станет. А без власти да без подчинения начальству недалеко и до столпотворения. Дай нам волю—все ведь мы по пояс люди—друг у дружки головы отъедим.

— Всякая сосна своему бору шумит!—вставила Енька насмешливо.

— Ты, Антипа Иванович,—сказал Платон Кутьков,—мужик свой. Недаром мы тебя в старшины поставили из уважения. А что-то неладное внушаешь. И за мир не стоишь. Ты бы им, этим доезжачим, растолковал—народ-де по будням затаскан, силы нет, а брюхо большое, кормиться хочет. И не делали бы по-худу, а по-хорошу нельзя. Ты же затеял одно да одно. Так нам не по нутру. Очнуться бы от такой жизни. Ты ж, Антипа Иванович, знаешь—мужицкий брод—по самый рот. Куда ни шагнул, везде с ручками скрывает. Горе наше неизбывчивое, а приживчивое. Повсюдное разоренье!

Сход закричал на разные голоса:

— Кору гложем!

— Ни работника, ни лошади!

— Медведь из запаса лапу сосет, а нам сосать нечего!

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Бабы надрываются!

— Старики мрут: Кроха и Андреян на одной неделе кончились!

— Сыт крупицей, пьян водицей!

— У одного ничего, у другого совсем чисто!

— Не хлещи кобылы, и лягать не станет!

— Прежде жили—не тужили, теперь живем—не плачем, так ревем!

— С погляденья сыт не будешь. Голодному мужику еда сама в рот лезет. Озеро ровно стол с яствами, а с голодухи потянешься—тебя по рукам.

— Куда ее там на развод? Для кого? Не знаем—доживем ли до завтра, а заставляют поститься. Правда у начальства прежде нас померла.

— Мир с ума сойдет, на цепь его не посадишь. Сами и доводите до этого.

— Нам горшок на живот—всё и заживет.

— Мужика ровно корову надвое разрубили: зад доят, а перед во щах варят.

— Что за окаянщина такая—кто ни шасть, все на нашу часть! От войны другие толстеют, а у нас кости просвечивают. Купцы вон, фабриканты, лавочники раздобрели, разнесло их, брюхо-то хоть выгружай! Мужиков заместо себя подсунули, прохлаждаются, слез не видали, натравляют на германцев, а сами грабят, дерут с живого и мертвого, наживаются!

— Антипа Иванович и сам не сплохует, где сладко.

— Здоровёхонек еще. За снохой да за сынком да с накопленным добром ему ветром бока не продувает!

— А мы без окутки, нагие, ребята дома сидят, заплата на заплате, ровно воспа!

— Переедаем, видно,—чирьев по телесам, будто рыжичков после дождя!

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Коровы облезлые. У лошадей по ребрам ровно по огороду трещи палкой!

— Совсем, совсем к земле нас придавила нужда.

— Что ты нам глаза закрываешь,—наступал Подувалов,—разве мыслимо, чтоб один другого за ручку водил, а не по морде да не за грудь! Волк жеребёнка ел, а мужик волка колом да из ружья!..

Терехин с Кутьковым наперебой кричали Антипе Ивановичу под бабий гул и шум:

— Ласточка и та тебе в рот накладет, ежели глаза на небо выпучишь! Какое имеет кто право нам запрет делать ловить в озере? И много ли мы выловим! Только чтобы ноги не вытянуть, пересилить беду. Во всем Заозерье мужиков и на разводку не осталось. Одной рыбиной напитать всех можно. Озеро завсегда наш кормилец. Мы его в наследство от стариков получили. Воды в нем меньше, чем слез наших да поту в него накапано. А тут раздел. Не трожь, да и конец.

— Нет правды, не будет она никогда наверху,—шамкал старик Ивнягов,—на низу ей место.

— Да и не надо ее!—отчаянно взвизгнул Еремей Обухов.—Вся наша жизнь такая. Будто молотят на гумне: тук, тук, тук.

— Погляди на нас, на ребятишек, на баб,—дрожащим и обиженным голосом твердил Платон Кутьков,—портки с нас съехали, рубахи на нас нет, дырья вместо глаз, ребра как веретена. Пройдет малость, выть мы по ночам, будто волки, начнем на луну. Виноваты—от хлеба отстать не можем. Научите нас, когда в вожаки забрались, над брюхом силу иметь. Весь народ за войну положили. Разорили. Ограбили. Доколачивайте, доколачивайте, ненасытные, и нас тут всех за один раз!

— Нарочно и развоевались,—подхватила возбужденно и зло Енька,—чтобы народ перевести, чтобы легче было

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

править бабами. Больно народу много стало. Некуда от мужиков деваться. И мужики непослушливые. Лафтаковы, да Семенковы, да Никуличевы, да из нашего брата Косаревы с Васькой Носом живут, не нарадуются, а нам смерть! Все, все кто куда приткнулись, чтобы только башку свою под пулю не подставлять. Другие башки за них дырявятся. На железную дорогу, на заводы, на фабрики, по присутствиям разным расползлись. На оборону-де стараются, подлые души! А сами от войны спасаются, окопались по знакомству да по подкупу. Послушайте их—за войну стоят, словами ровно зерном из трубы засыплют. Поповы сыновья там же. Поп по праздникам наговориться об войне не может. Неровно сам за ружье возьмется. Неровно гриву свою под бобрик подрежет, да и во солдаты. Некому нас и хоронить тут будет, когда подохнем от сладких хлебов. В монастыре молитвы про войну новые распевают. Отбою нет монастырским от баб. Утешают нас, сирот, без мужиков. Припеваючи живут святые иноки. Спина у мужика крепкая,—ровно на заборе, в обшарашку на ней расселись один за другим мучители наши!

Сход так завопил, что Антипа Иванович растерянно и боязливо поглядел на дорогу, откуда должен был приехать становой. Он долго не мог перекричать стеснивших его баб и стариков.

— Не улаживай, не улаживай! — вопила Настасья. — И становому оглобли завернем! Мужиков нам подавайте.

Бабы, плача и воя, яростно кидались на старшину.

— Войну надо кончать!

— Долой ее, проклятую!

— Нам она не́почто!

— Кому воровать да наживаться—война праздник!

— От нее нам раньше времени сгибнуть! Иссушила, измаяла!

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Мы б не трогали, и нас не тронули! На деревяжках нам мужиков подвозят. Калек. Каких взяли, таких и вертайте. Ребят малых скоро угонят.

— Подростков берут последних! На убой ведут народ.

— Будет! Присмирели, думают! Всё им сойдет с рук!

Антипа Иванович не мог унять баб.

— Снохач!—кто-то пустил исподтишка.—Тоже заодно с начальством!

— Как ни крой, швы наружу выйдут!

— Прямиковое слово—что рогатина. Скраснел?

— С писаришкой своим явился улещивать!

— Врать оба поперек себя толще.

— Дать бы им заодно ума с заднего двора, дьяволам!

— У них совесть—дырявое решето. Другому с совестью не разминуться, а им она—пустячки. Продадут и себя и всю волость, лишь бы им хорошо было!

— В народе, что в туче: в грозу всё наружу выйдет!

— Молчит, холеная борода, говорить нечего! Закинулся, опробовал... стих!

— Гляди, бабы, кто молчит, тот двоих научит!

— Он знает, что помекает. Где сухо—он брюхом, где мокро—он на коленках!

— Подстроит так, потом не вынырнешь!

— Чует сердце доброхота. Ласковых слов у него много. Знает, ласковое слово не трудно, а споро. Мужик ласку любит. Да врешь! Нас ныне этим подарком не подманишь!

— У нас на сердце ненастье, так нам и в ведро дождь. Худое видели, хорошего не увидим ни от кого, как только от себя.

— Не поддавайся, мужики!

— С голодного и спросу нет. У них цель вредная против мужиков. Видно, озеро на откупа готовят богатеям.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Рыба в озере накопится,—они ее рыбнорядцам продадут. Поздно тогда за голову хвататься!

Антипа Иванович, красный и разгневанный, едва поутихли выкрики, сказал:

— Неладно, неладно, мужики и бабы, галдите. Только на горшую беду напрашиваетесь. Война за правое дело против немца. Не нам говорить. Нам не под силу понимать. Под своим царем ежели жить, воевать требуется. Напраслины на всех недолго сплести. И Дума за войну держится. А там мужики не последняя спица в колеснице. Они б живо голос подали...

Сход снова неудержимо зашумел.

— Не стели, не мели!

— В Думе мужики в роде тебя—пикают, что им велят.

— Цари пусть промеж себя и воюют, а нам не из-за чего воевать.

— Какая нам хуже беда будет? Не перешагнешь, не перескочишь той, какая есть. Тяжельше и не бывает. Что он разводит еще там!

— Не всякая пуля в кость да в мясо, иная и в поле!

— Не тревожься, мужики, обробить нас хочет!

— Ловить станем! Без озера нам помирать! Один у нас закром. Земля изродилась. Лошадей нет. Работников нет. Скотины нет. Посеву нет. Как тут ухаживать за ней будешь? Хлеб сам икры не мечет. Лён народится—и мочало пригодится. Так, что ли? Мочалом сыт не будешь. Его про запас, на другое, сытое время. Без рыбы нам не выжить.

— Так я ж говорю—не будет по-вашему, дерева вы безмозглые,—рассердился Антипа Иванович,—по мне, хоть все озеро вычерпайте! Я же вас остерегаю от напасти. Начальство, когда примется, от своего не отступит. Было бы по нему, а на всё прочее оно не глядит. Становой бы

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksrale.ru/

век сюда не заезжай, ни я, ни вы б не пожалели, а теперь он наладился...

— С чем наладился, с тем и отбудет!—рассмеялась Енька.

— Может, и не так,—продолжал старшина,—по узнанной дороге легче кататься. Не велено трогать—и не прикасайся. Помыслите вы, несговорчивые, что становому нет ровни промежду нас. Запрячет любого, куда хочет—не выкарабкаешься! Война—так война не только на фронту, а и по-за фронту. Становым ныне такая власть—рот зря не открывай. И прежде была не малая, а теперь—что хотят. Остерегаю я вас не спуста. Меня ругай, не ругай, я всё снесу. А становому ваши речи—нож. Не бормочите вы ему ничего насупротив. И пронесет. Афоню обидели,—он смолчал, а высшее начальство не смолчит. По бревнышку всю волость растатают за озорство, черти! Мы ведь воробьи против кошки. Так и нечего понапрасну чирикать. Сперва на уговор идут—и радуйтесь, и хорошо это. А потом наскучит, заставят рылом хрен копать, вояки пустые! Бока вам вылудят. Бабам такого чёсу зададут, хуже войны покажется. Заглазное дело не слышно. Без станового хотя бы вы на небо лезли, болтушки, а при становом ни гу-гу!

— Эй,—вскрикнула Настасья,—Антипа Иванович, в дугу тебя гнёт за начальство!

— Ты б помолчала лучше, баба,—встрепенулся старшина,—коня на вожжах удержишь, а слова с языка не воротишь. За мной вины нет. Я не ответчик за всякого. Об вас я хлопочу. Накликаете на себя печаль. Много было, станет больше. Порожний колос выше стоит, и гордости в нем много, а что в нем толку? Солома. Так и вы—языки распустили,—большие, длинные да шероховатые, будто у коров. А языком гряды не вскопаешь да станового не

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

достанешь. Он вам язычок-то подрежет. Остепенитесь, без хмеля у вас хмель в головах. Почто стадом рычите? Свинья—хрю, и поросята—хрю. Терпеть надо. Всем трудно, а и еще труднее приключится от гордости. Без столбов и забор не стоит, а вы против начальства идете. Чудаки, да от вас пылинки не останется за буйство ваше. Миром песни петь складно, а умное дело поодиночке думают. И вас не спросят. Нельзя каждому самому по себе жить: не позволено.

Сход словно вытаптывал под собой ершовскую землю, бабам не стоялось на месте. Они шмыгали одна к другой, беспрерывно говорили, шептались, смеялись. В перекорах со старшиной мужики плотной и тесной грудкой окружили его.

— Гонят!—вдруг сразу крикнули бабы.

Алексей Васильевич в сопровождении пятерых стражников и Афанасия Александровича подъехал к сходу. Старшина расторопно стащил картуз и ловко и угодливо подскочил к тарантасу. Он словно испытывал такое радостное удовлетворение от встречи с начальством, что не мог не улыбаться и не сиять во все свое широко раздвинутое в скулах лицо. Сход переглянулся со становым. Малость все помолчали. Потом бабы, глядя на станового, начали подтыкать друг друга, тихонько переговаривались. Мужики, насупившись, ждали.

— Все тут?—выпрямился Алексей Васильевич.

— Все,—безнадежно пробурчал Платон Кутьков,—никого в деревнях не осталось.

— Не переходить с места на место!—повелительно повысил голос становой и затем врастяжку, раздельно произнес:—Слу-ша-а-ть вни-ма-те-ль-но и, глав-но-е, не забы-вать!

— Строго начинает,—ввернула Енька.

Соунб им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— А!—гаркнул недовольно Алексей Васильевич.—Молчать! Отвечать, когда вас спрашивают! Не перебивать! Без всякой поблажки смутьянов вон со схода—и в холодную! Я не для того приехал, чтобы препираться и спорить с вами. Только нисходя к нашим доблестным воинам, обороняющим отечество, я разговариваю с вами. А то следует с вами по-другому обращаться! Ваши мужья, братья и сыновья проливают кровь, а вы тут в тылу учиняете безобразия, смеете поднимать руку на ваших руководителей. Вы помогаете врагу. Предупреждаю: уговорами мы заниматься не будем. Кто не остережется после моих слов и позволит себе повторить незаконное деяние, тот поплатится по всей строгости законов военного времени. Помнить! Наша губерния на военном положении. За всякий поступок взыщется вдесятеро! Слу-ша-а-ть!

— Да слушаем, чего тянешь!—опять въелась осторожно Енька.

— Кто это, кто?—вскипел Алексей Васильевич.

Он грозно, выпучив глаза, уставился на замерший сход. Мужики и бабы скучно опустили глаза и молчали. Антипа Иванович на цыпочках отошел от станового, пробрался к бабам и, делая несчастное лицо, трусливо и укоряюще мигая, шопотом просил их не мешать.

— Миглеевское озеро—заповедник,—продолжал Алексей Васильевич,—правительство заботится, чтобы в нем было больше рыбы, чтобы хищнически не вылавливался приплод. Вы не понимаете своей пользы. Моль—дешевая и пустая рыбешка. Сущ нужен, но его достаточно. Его ловят там, где нет запрета. Вы можете для своего потребления всегда достать в городе. Но эта дешевая мелюзга, подрастая, превращается в большую, ценную рыбу. Вы обязаны выждать, покуда рыба возмужает. Никаких разговоров! Закон не против вас, а за вас! Вы неразумно истребляете

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

моль, и вам это за-пре-ще-но! Доводя об этом до всеобщего сведения, я вам заявляю, что нам, полиции, дан строжайший приказ преследовать всех нарушителей и карать и карать всеми мерами! А вы, вы что делаете? Вы нападаете на урядника, на стражников, при исполнении служебных обязанностей, учиняете насилия — и воровским образом ловите! Мы больше этого не потерпим! Сдать невода, мережи, ботальницы в общественные хранилища! Прекратить ловлю! За ослушание — тюрьма! За всякое сопротивление—тоже тюрьма! Мы не посмотрим на вас! Стражники, урядники, всякий полицейский чин, исполняя возложенное на них поручение, неприкосновенны! Они будут применять против вас оружие! Пре-ду-преж-да-ю в по-след-ний ра-а-з! Поняли?

Сход молчал.

— Кто не понял—спрашивайте,—тем же повелительным и строгим голосом воззвал Алексей Васильевич.—Вы должны вынести приговор—впредь не ловить. Вам объявлено, вы обязаны подтвердить.

Бабы было загалдели. На них зашикали старшина, писарь, мужики.

— Ну, что ты хочешь сказать, старик?—покровительственно спросил становой у Платона Кутькова.—Губами шевелишь, а дело не двигается. Говори смело, подходи, выкладывай твои сомнения, как на духу.

Платон Кутьков хмуро и строго сказал Алексею Васильевичу, полному снисходительной важности и превосходства:

— Ты не поп—на духу тебе каяться, ваше благородие! Понимать мы всё понимаем. Не без понятия и мы, темные мужики, родились. Новенького ты ничего не прибавил. А только вот в чем загвоздка: ладил мужик челночок, за ушкой ему выехать, а ты говоришь—нате уховертку.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

А нам, барин, так нельзя. Мы промышляем себе на хлеб. Нам от твоего запрещения готовь зараньше колоды и могилы копай. Нам, барин, есть нечего. Война нас ровно земляных червяков на землю положила, мы по ней с бессилья нашего и ползаем. Моль нам—хлебушка-батюшка. Сигами мы вас, господ, ублажаем, а сами пробиваемся сущиком, мольком в ушке, и в пирожок та же бросовая начинка, только что попахивает рыбой. Человек не гриб, в день не вырастет, и от привычки его хлебом да рыбой питаться никакими страстями не отучишь. Мы, барин, озерные! Ровно бы и хозяева озеру!

Сход вдруг перестал слушать. И как ни кричали на него становой, урядник, старшина, как ни грозили нагайками стражники, толкавшие лошадиными мордами толпу, он не унимался.

— Нас измором берут!

— Уставили там ссыта пост нам!

— Уставщики какие! Надумали думу, не спросившись! Рыбу сосчитали в озере. Моль-де голову большую имеет. Да не лови моля мы, столь расплодится рыбы, задыхаться она начнет в воде, питаться ей нечем станет. Моль так молем и живет.

— В моле окуня да щуки невпроворотную. Да ёрш. Оставь их без лову, они всю белую да мягкую рыбу пожрут в озере. Убыток, а не прибыль от этого.

— Не тужи о пне, отрасли есть! Так и о моле.

— Недорубленный лес скоро вырастает, а рыба того ходчее. Мы жди, а кто кормить нас станет?

— Стрельбой грозит! С немцем не справились,—думают, со своими справятся!

— Метил в лукошко, а попал в окошко. Мы, может, смерти от такой жизни как подарка ждем.

— Крови и кровью не смоешь!

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Становым хорошо приказывать. Мужики их кормят, сами не доедаючи. Одна у них забота—тех же мужиков стращать.

— Наехало сколько! Отпитались как! В кулаке мяса больше, нежели у хорошей бабы в заду!

— Невода сдавай! И то, и пятое, и десятое! Шалишь! Сдали мы вам!

— Дубинкой бы пыль вытрясти малость с лежебоков!

— Канительщики! Ничего не смекают про нашу хворь да погибель. Последний кусок из роту тащат.

— Расхрабрились! Продали пол-России, а тут бахвалятся да представляются, в лесу-то, где не видать, каковы есть молодчики!

— Вертай мужиков с войны—тогда и без моля проживем! Так и быть, покоримся!

— Плати нам всем за калек наших. Мы всю силу деревенскую отдали—работников, добытчиков наших, сами голодуем, нищуем, будто короеды жрем труху, перемогаемся, а скоро одну землю заставят нас глодать. Птицы не бей, рыбы не лови, зерно на армию вези, и телят туда же...

— Вы что же это, сукины дети!—взорвало Алексея Васильевича.—Бунт? Я с вами и по-другому поступлю!

Сход раздраженно и злобно загудел.

— Ругатель, ты язык свой остерегай!

— Сам ты такой!

— Мы смирненькими насиделись!

— Мы вам вывеску-то сдернем! Трепли языком, что следует, а чего не следует—наблюдай за собой!

— Губернатор какой выискался, боров окаянный!

— Я, я,—выходил из себя становой,—я вас простил, я сквозь пальцы посмотрел на ваши поступки... Я вас всех арестую!

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.ulsc.ru/

Сход дружно и весело ответил хохотом. Бабы закрывались фартуками и фыркали. Звонко радовались босые, полунагие ребятишки, сновавшие вокруг схода.

— От хорошо,—спокойно сказал Платон Кутьков,—на готовые хлеба, барин. Было б за что арестовывать, чтой-то, неграмотные мы, не догадываемся.

— Вы, вы бунтовщики!—свирепел бессильно и жалко Алексей Васильевич, вдруг потеряв всю грубую и крепкую силу голоса.—Вас никто не трогал за войну! Вы из повиновения выходите! Вам потакать не станут! Вас проучат! Вас предупредили, так и знайте, так и знайте! Вы обнаглели, вы мятеж начинаете!

— Расходись! Чего его бормотанье слушать!—крикнула изо всех сил Енька.—Ума от его беседы не наберешься. Охочь, да не горазд! Пускай сам сперва поучится с народом разговаривать! Кричать мы сами горазднки!

— Куда вы, куда вы?—весь трясся Алексей Васильевич, пораженный пренебрежением, с каким сход быстро раздвинулся, бабы побежали в разные стороны, ребята со свистом и гиком понеслись вдоль улицы, старики, не оборачиваясь на его охрипший вопль, словно не слыша его, равнодушно пошли по избам.—Ка-а-к они смеют? Что же это за народ! Кто они? Кто их научил? Стражники, догнать, догнать!

Стражники поскакали. Бабы кинулись стремглав наутек. Стражники успели вернуть Платона Кутькова, Терехина и Подувалова. Мужики спокойно стояли перед Алексеем Васильевичем и не сводили с него глаз.

Становой подавленно вглядывался в урядника и старшину, будто не понимая, зачем стоят перед ним мужики.

— Взять их!—внезапно расслабленно сказал Алексей Васильевич.—И доставить ко мне в стан. Я с ними там

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralic.ru/

поговорю! Я их допрошу-у! Они у меня узнают, как бунтовать! Я с ними потягаюсь!

Алексей Васильевич поехал отдохнуть к уряднику. Там на паях со старшиной был подготовлен стол. Становой выпил, закусил. Он не мог забыть своей неудачи. Она казалась ему такой же позорной, как неудача Афанасия Александровича незадолго до этого. Даже больше. Он не прощал себе, что растерялся, что не приказал стражникам проучить разбегавшийся со схода народ. Навеселе он, оправдываясь, вполголоса говорил:

— Я, знайте, припомню, припомню! Я так не спущу! Народ разбалован. Я в Угольском фабричных усмиряю, а м-мужиков и подавно проучу!

Урядник и старшина подобострастно хихикали.

— Все старички да бабы,—подделываясь под сконфуженный голос станового, шептал старшина,—мужиков-то настоящих в деревнях не осталось. На баб-то да на старую рухлядь да на ребяток у кого хочешь рука не подымется. Скажут,—бабий укротитель! Мерзота и срамота!

— Н-ничего!—храбрился становой.—Да, по правде сказать, я очумел. Бабы—они верещат как свиньи. Но я их разутешу! В нагайки! И баста!

— Похлестать, конечно, следует,—поддакивал старшина,—когда есть за что. Вдругорядь спускать—немыслимое дело. Ныне провинность и не малая, и не большая, так середка на половине. Без корня и полынь не растет. Разок спусти, глядишь, провинность сама себя вырастит. И куда больше! Отпетый народ стал. В огонь лезет, будто бы в теплую воду! На-а-м с ним беда. Солдатня на побывку приходит... О! Те, Алексей Васильевич, и еще жёстче! От них и в бабах нехорошие дрожжи бродят. Война всем не люба! И кормёжки у народа всё меньше и меньше. С горя они и беснуются. Ничего, ровнешеньки

Собственность ГБУК "Челябинская областная универсальная научная библиотека" http://book.urlac.ru/

ничего не боятся! Попади им вилы в руки, так на вилы и подденут!

Когда, ближе к вечеру, становой порядочно подвыпил, в урядницкой квартире, украшенной березками, ему так понравилось, так молодая повядающая листва кстати запахла и пробудила в нем умиротворение от пережитых хлопот, что он развеселился, запел и даже всплакнул.

Тогда и прибежал опрометью перепуганный писарь Кузьма Кузьмич с неожиданной вестью. Бабы вломились в волостное правление, открыли холодную и отбили мужиков. Афанасий Александрович поспешно начал искать свою шашку.

— Да врешь ты!—воскликнул обомлевший старшина.

Алексей Васильевич сморщился, пьяно мотнул головой, что-то такое соображал—и вдруг засмеялся.

— Блюстители порядка!—закричал он насмешливо.—Ежели давеча не справились, теперь и подавно не угадаем в точку. Держать фронт по бутылкам!

Алексей Васильевич остановился, что-то подумал и грустно сказал:

— А впрочем, чорт с ними! Освободили—и ладно! Меньше переписки! Взять с них, с дураков, нечего! Перемирие объявляю, пе-ре-ми-ри-е!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Учительница Агриппина Ивановна Сверчкова работала на Моше давно. Приехала она маленькой, худенькой, еще в росте. Весной она окончила гимназию, а осенью начала учительствовать. Она трудно привыкала, боялась снисходительно и хитро ее разглядывавших мужиков, чуждалась баб, робела и краснела перед ребятами. Рассчитав недолго побыть на Моше и, накопив денег, перебраться в город,

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://bookural.ru/

Агриппина Ивановна зажилась. Школьная сторожиха однажды вгляделась в нее и сказала:

— А ведь ты, Агриппина Ивановна, наша вырощеница! Гляди, как поднялась! Растешь вместе с ребятами.

Агриппина Ивановна с какой-то грустью задумалась над простодушными и любовными словами сторожихи. Они ей показались даже неприятными. Вдруг ей стало тоскливо в школе. Она возмутилась и обиделась на свое добровольное заточение. Ей представилось, что кто-то с ней поступил несправедливо, удерживая ее здесь так долго. Она ощутила неудовлетворенность своею жизнью и впервые пожалела свою молодость, которой словно уже не было. Молодость прошла глухо, невозвратимо, навсегда. Агриппина Ивановна плакала в этот день, рвалась из школы, боролась с собой, кого-то укоряла за невнимание к ней, искала выхода, хотела жить как-то по-другому—и осталась.

Она испытала себя. В летние каникулы Агриппина Ивановна поехала в город. Она неясно и неопределенно видела неизведанную новую жизнь, но к ней было соблазнительное влечение. Агриппина Ивановна поняла, что пока оно оставалось неутоленным, беспокойно ее толкало и гнало куда-то, она не могла не думать о себе как о несчастной. Она усомнилась в выбранном ею пути. Ей сделалось неинтересно больше учить ребят, возиться с ними. Она с некоторым презрением к себе вспомнила о той радости, с какой она в предыдущую зиму, неудержимо засмеявшись, тискала в классе крошечную беловолосую девочку-первогодку, долго не научавшуюся читать, когда та, наконец, одолела первое слово. Девочка потрясенно, голубея глазёнками, не веря, звонко и вдохновенно произнесла: «Л-Е-Н...» Агриппина Ивановна, целуя девочку, принуждена была отвертываться от ребят, чтобы те не заметили на глазах ее восторженных слез. Агриппина

Собрание им. В. Г. Белинского http://book.gaal.ru/

Ивановна, стыдясь, считая себя наивной и глупой, тем не менее с этой минуты с какой-то особой, исключительной нежностью, вся волнуясь, полюбила слово «лен». Оно почему-то стало казаться ей голубым, звонким и радостным. Встречая его в книгах, или слыша в разговорах, или проходя мимо полос льна, Агриппина Ивановна неизменно переживала легкое и светлое повторение в себе той удивившей ее минуты. Сама девочка ей была дорога настолько, что Агриппина Ивановна, входя в класс, бессознательно тянулась увидеть ее раньше всех других детей.

Теперь ей стало стыдно и непонятно, как она могла увлечься таким ничтожным и малым счастьем, доступным каждому, такой песчинкой радости, отдавая за нее все свои еще неиспробованные силы, жертвуя своей молодостью, всеми другими, томившими, запертыми вглуби желаниями. Неужели она жила только для этого? Неужели она была так мелка в своих стремлениях? В глазах Агриппины Ивановны с дрожью и скукой мелькал узенький школьный двор с тонкими недавно рассаженными кем-то рябинками; низкая загородка вокруг, будто из старых сломанных остроносых лыж, обглоданная, в чернильных брызгах; тесная, душная школьная комната для трех классов, со стенными часиками; черные, огромные, как щиты для наклейки афиш в городе, классные доски, в мелу, в пыли, в подтеках с грязной сторожихиной тряпки...

Агриппина Ивановна услышала беспрерывный, неразборчивый, надсадный, надоедливый гул в ушах от ребячьих голосов, бесконечный топот ног, пронзительно гулкий звонок, безумолчный крик, шум, визг, плач, смех,—все это слилось, смешалось, завертелось, закружилось, взболталось, школа сорвалась с места, она подпрыгивала, подскакивала, звенели стекла, колебались полы, несло отовсюду пыль, словно дул ветер с дорог на парты, на полы, на стены,

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://bookinsk.ru/

Услышав, она содрогнулась, и ей захотелось избавиться от этого настигающего ее, закрутившего, точно соломинку на ветру, ералаша.

С ненавистью и тоской Агриппина Ивановна вспомнила вечерние поля, притаившиеся, затихшие, чуждо о чем-то думающие о своем, голые, безлюдные пустыри с вытоптанными извилистыми, как змеи, тропами, с непроезжими дорогами, с ревущими быками и бессмысленными коровами, овцами, лошадями, уроненные между ними деревеньки, жалкие, низкорослые, приплюснутые к земле, будто кто-то сверху хлопнул по ним и придавил их—и даже это раскатившееся неоглядно Миглеевское озеро.

Агриппина Ивановна торопливо собиралась, точно боясь, как бы не помешали ей изведать в городе настоящую, счастливую и краснощекую жизнь.

«Довольно, довольно этой тишины,—думала она,—я устала от этого деревенского безмолвия. Я не хочу быть одинокой, никому не нужной, заброшенной. Меня, как няньку, наняли к чужим детям. Почему я должна только смотреть на эту постороннюю мне жизнь? Мне этого мало. Я сама хочу жить. То, что я делаю несколько лет, даже если я порой забываю в работе о моей собственной жажде жизни, даже если я довольна работой, меня любят,—это не подлинная, не настоящая, не моя жизнь. Ужасно только для того родиться, чтобы, забравшись в какой-то угол, на какую-то Мошу, просидеть тут свою молодость, всю свою жизнь, состариться и умереть. Никого не видеть, никого не слышать, кто бы понял меня, сочувствовал мне, разделил бы со мной в тоскливые дни—а их больше, чем безразличных дней—печаль. Нет, нет, ни за что! Надо, пока не поздно, устроить свою жизнь по-другому!»

Пока Агриппина Ивановна ехала и думала и бесповоротно решала переменить свою жизнь, назойливо

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.vsaic.ru/

вкалывалась, как укус, сначала пустяшная, а потом пугающая мысль о том, как же она будет жить в этой по-новому создаваемой жизни, когда, приехав в город, она прежде всего должна была получить в земской управе свое месячное жалованье. Месяц истекал, деньги кончались, и она без этой получки не могла даже оставаться в городе. Агриппина Ивановна раздраженно шевелилась на месте, точно ей было неловко сидеть в телеге, но как-то было все-таки нужно преодолеть это препятствие, отвязаться от требовательной мысли, запаздывавшей приходить во-время.

Агриппина Ивановна старалась отделываться от сомнений в будущем, подавляя их и заглушая, вызывая перед собой одни бесспорные, уверенные, ясные мысли о необходимости перемены жизни. Тут было всё ровно, гладко и прямо, словно на вечернем замолкшем плесе, всё давалось так просто и послушно в руки, следовало только брать и приниматься за новую жизнь. Сомнения заглыхали ненадолго и колюче вылезали опять.

«Да какую же новую жизнь? Что же я буду делать?—думала Агриппина Ивановна.—Что же я умею делать? Чем же я буду жить?»

Агриппина Ивановна с отвращением, не примиряясь и не находя выхода, думала о своей бедности. Всё было подготовлено—и должно было оставаться неосуществленным из-за коварно подставленного ей силка. Агриппина Ивановна почувствовала такую зависимость своих чувств и желаний от условий, устранить которые она была бессильна, что мысли ее отчаянно закувыркались, смешались, без толку искали какие-то лазейки, застревали в них и расползались вразброд.

«Что бы ни делать,—думала Агриппина Ивановна,—но только бы не возвращаться в школу, не ночевать снова в маленькой комнате, рядом с классами, в этом досчатом

Собрание им. В. Г. Белинского http://bookinrare.ru/

сундуке, не замирать тут от уроков до уроков, не тосковать о протекающих днях. Какое было бы удовольствие и счастье вернуться в школу за вещами, только за вещами!»

А через неделю Агриппина Ивановна шла по городу. Галдели, оглушая, улицы; пылили дворники, наметая едкий и противный сор в пухлые груды; шаркали по панелям тысячи людских ног; скучные, высосанные, будто недавно выпущенные из больниц, бежали люди; выглядывало над копотью и дымом от фабрик и домов синими заплатами небо,—и всё вокруг задыхалось от каменного зноя, густоты дыхания, движения, всё грязно и серо скользило, мертвело.

Агриппина Ивановна вдруг улыбнулась, наткнувшись на ершовских и молёвских баб. Они испуганно перебегали улицу, озираясь злыми глазами на долдонившие трамваи, выскакивавшие из-за них автомобили, на извозчиков.

— Матушка, Агриппина Ивановна!

Бабы так обрадовались, что запрудили панель и почти прижали Агриппину Ивановну к какой-то витрине.

— В городок приехала разглуздаться? Конечно, разглуздаться от деревни не помешает. Городского к городскому и тянет.

— А нам в нем, окаянщина он, дух спёрло, изжарились и до того наломались, ровно на воз вилами легче намётывать да вывозить.

— Ноги на каменьях опухли.

— И народ тоже—будто спьяну все в драку скачут, ошалелые, да бормочут, да лопочут, да гогочут.

— Мы чернику приносили. Первая ягода. Всю ночь брели. По холодку ноги сами переставляются.

Бабы весело подкидывали на спинках связки пустых и мелких корзин.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://booksaratov.ru/

— Ситчику накупили. Ягода ушла наперебой, ровно никогда не едали в городе. За рукав барыньки тащат, отымают друг у дружки. Смех долил нас.

— Вы и надбавили цену!—посмеялась Агриппина Ивановна.

— Не без того!—зашумели хитро и довольно бабы.— Чего их беречь! В городу деньги дешевые: сами куют!

— Гляди, гляди!—любопытно толкали друг друга бабы.— Какая переглядчица! Как она глазами-то старается: пронжает и завлекает барина. И-и-дет-то какой змейкой!

Мимо прошла какая-то пара. Молодая женщина лукаво и заигрывающе вспархивала глазами на своего спутника, успевала осматривать встречных и ловко двигаться, никого не задевая.

— Когда к нам-то? Не загостись, матушка!

— Да не останься здесь! Чего хорошего? А мы к тебе привыкли. Тобой и мужики довольны.

— Ребят больно хорошо учишь да обласкиваешь!

— Кстати пришлось на радостях при встрече—и вырвалось!

Агриппина Ивановна почуяла в возгласах баб такую непритворную к себе ласку и расположение и так неожиданно сама им обрадовалась, что как-то само собой, чего не делала раньше, поздоровалась за руку. Бабы резко выделились из всех этих тысяч проходящих городских людей как самые близкие, приятные и нужные.

Агриппина Ивановна с бодрой радостью рассталась с ними. На прощанье бабы наскребли ей из всех корзин остатки ягод. Набралось ягод с пригоршни. Одна баба развязала ситец, поспешно свернула из бумаги кулёк—и ягоды бережливо, закругляя ладони вокруг кулька, ссыпали.

— Для мила дружка ничего не жаль!—сказала значительно и сердечно баба с развернутым ситцем.

Собрание им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Хоть не родня, а в душу вьешься! — подсказала другая.

— Бери, бери, не обижай! Хоть за углом кинь: ягодато рваная, а подарок наш от глубины нашей сделан! — всовывая в руки Агриппине Ивановне кулёк, тараторили приветливо бабы.

Они разошлись и несколько раз оглядывались друг на друга, а потом Агриппина Ивановна услышала в шуме голосов свое имя—и остановилась. Ее догнали две бабы, а поодаль другие дожидались товарок. Запыхавшись и торопясь, они вперебивку заговорили:

— Воротились неспуста, Агриппина Ивановна. Домой-то поедешь, напрасно не траться.

— Мужики на базар, поди, не тот, так другой выезжают.

— Деревень-то у тебя сколько наберется по школьникам! Поди, десять будет. Из десяти ребята прыгают.

— Ты на базар-то и выйди, мужиков найди, они тебя из уваженья и захватят. И деньги целёхоньки! Подвезут с радостью! Припасы какие запасешь,—крюк не крюк к тебе на квартиру—а завернут. Покладут, и поедете.

Агриппина Ивановна вынесла еще один день в городе и заскучала по деревне. Она не знала, куда ей приткнуться, что ей тут делать дальше. Все улицы, музеи, сады были исхожены. Она повидалась со всеми знакомыми и родными, они не тянули и не привлекали к себе. Город перестал казаться заманчивым, наоборот, он был совсем несложен, однообразен и как будто пуст.

Агриппина Ивановна с непроходящим чувством благодарности и внимательности к бабам, нежданно обласкавшим ее, догадалась, что она уже до встречи с ними тяготилась своим замедлившимся пребыванием в городе. Она только не хотела поддаться, не хотела уступить себе, ей представлялось малодушным отказаться от

ОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralc.ru/

недавних своих мыслей. Она из упорства, бессилея день за днем, чего-то торчала тут, даже вяло и лениво искала места.

Агриппина Ивановна, чтобы только обмануть себя и оправдать будто бы непреклонные свои намерения остаться в городе, зашла в земство. Там ее брали в статистику. Удача эта поколебала ее ненадолго. Агриппина Ивановна даже испугалась, что чуть-чуть не согласилась. Она в нерешительности протянула один вечер, а утром встала, хотела было пойти в статистику—и не пошла.

В базарный день, помня наказ баб, Агриппина Ивановна с легкой сумкой направилась разыскивать мужиков. Застеснявшись, она, однако, не зашла на базар: было стыдно просить мужиков. Агриппина Ивановна надумала двинуться пешком. Ей казалось, так было удобнее. Мужики ее нагонят и подсадят.

Уже за Прилуками ее обогнали двое ершовских мужиков Они трусили порожняком. Мужики приветливо покричали ей—и проехали мимо. Агриппина Ивановна почувствовала такую боль и стыд, что покраснела. Она с обидным разочарованием пыталась себе объяснить, что мужики не догадались ей предложить, может быть, они даже не решились предложить, а она не попросилась. Но как она ни считала себя виноватой, какая-то непроходившая обида на мужиков осталась в сердце. Ей вдруг не захотелось итти. Мелькнуло в сознании, что ей, пожалуй, и не дойти. Устали сразу ноги. Неудобно и нехорошо лежали пальцы в туфлях. Она присела, вытряхнула из чулок набравшийся песок, с досадой надела туфли и, поднявшись, потопала ими. Она раскаивалась, что глупо понадеялась на баб и не наняла лошади. Агриппине Ивановне тяжелее всего было думать, что не она сама обманулась, но словно бы она была нарочно обманута.

Соунб им. В. Г. Белинского http://book.uralsu.ru/

Под Кубенским настиг ее Платон Кутьков. Агриппина Ивановна, не превозмогая в себе неприязни, высунувшейся из глаз и проскользнувшей в голосе, проговорила:

— Платон, подвези, пожалуйста. Я заплачу, что следует.

Платон Кутьков задержал на вожжах лошадь, тпрукнул и укоризненно промолвил:

— За такой ремиз, Агриппина Ивановна, везти тебя не стоило б! Ишь, какая богачиха нашлась! Не срами нас, и сама не срамись! Уж не на тебе нашу казну поправлять! Залазь!

Покуда Агриппина Ивановна неловко забиралась, Платон Кутьков посмеивался:

— Что выдумала! Скажи на милость! Чего ей, лошадито, без возу, от лишнего человека сделается? Конечно, и бородавка к телу прибавка, а ничего, мерин у меня— тягун, вытянет! Держись, гордунья!

Платон Кутьков нахлестал мерина. Проехали молча Кубенское, Подстаницы, Рабангский волок.

— Нет, ты мне скажи,—вдруг спросил Платон Кутьков,— откуда тебе такая блажная мысль пришла плату мне сулить?

Он подозрительно и догадливо засмеялся.

— Поди, раньше задумала, а? Дай, думаешь, мужика подсажу, проверю, какая у него линючая совесть? Верно пытаю? Нет, нет, не туда, девушка, попала! Совесть мою опробовала раньше время, рот я не успел раскрыть. Зова ты моего сперва не дождалась. А я тебя с-издали приметил. Лошадку-то на ходу осадил. Попомни-ка!

Агриппина Ивановна, смягченная, опять обогретая заботой о ней,—а в голосе Платона Кутькова была укоризна,—раскаянно, путаясь, сказала:

— Я это так. Спасибо, Платон. Я не со зла. Ты меня не обязан везти. Другие мужики проехали. Ваши же. Меня не взяли. Поздоровались—и дальше. Тоже на пустых ехали.

Собрание В. Г. Белинского http://book.uralec.ru/

— Вот оно!—насмешливо и лукаво переливаясь от слова к слову, протянул он.—А ты и обиделась? Тут я ничего не скажу: за дело. Скверность, а не мужики. Я так и прикинул, я догадливый. Хоть и мал огонек, а все дым виден. Глаз да голос—они открытые, Агриппина Ивановна. По ним, как по печатному. Немец не в духах—и того вскроешь, как гороховой стручок, по этим приметам. Теперь, значит, сошлись. Свинью за бобра друг дружке продали—и ладно. Шито-крыто! Но-о, меринок-меринище! Переставляйся! Околицей прямо не ездят!

Платон Кутьков брал поле между деревнями вскачь, в деревне лошадь шла шагом, у отводов он уже снова настегивал.

Так и подкатили к школе. Агриппина Ивановна была недовольна своей оплошностью. Но сердце ее радостно щемило при виде Никулинского, заманчиво и родно зеленела школьная крыша, а в слуховом растворенном окне с чердака махали чем-то белым. Агриппина Ивановна с любовью и волнением припомнила, что в передотъездных торопях, накануне, она простирнула свою белую кофточку, повесила ее сушить и забыла о ней на другой день. Теперь кофточка смешно махала ей навстречу.

— Деньги давай!—язвительно прокричал Платон Кутьков.—Есь вас по дорогам прохожих!

Агриппина Ивановна загорелась от стыда.

— Спрыгивай, спрыгивай, не буду больше дразнить,— мягко, добрее проворчал он.—Не сказывай никому, и я не скажу. И квиты. Побьемся рука об руку.

Платон Кутьков зажал вожжи в коленах, похлопал протянутую ему руку Агриппины Ивановны в обеих своих руках и покачал.

— Не благодарствуй, дева, не за что! Тебе спасибо—ладно проехали. Но-о, шальной, не знаешь, где

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralsc.ru/

живем!—дернул он лошадь в сторону, заворачивая к Ершову.

После этого испытания Агриппина Ивановна легче одолевала себя, когда начинало ее тянуть с Моши, все прискучивало—и откуда-то непрошенно являлись давно отвергнутые мысли. Чтобы рассеяться, она выезжала в город, но знала наперед, что пробудет там недолго, скоро охладеет, и ее опять повлечет домой. Агриппина Ивановна возвращалась с обновленными чувствами, и каждый раз неунимчивое волнение овладевало ею, едва вставала вдали зеленокрышая школа.

С годами Агриппина Ивановна перестала сомневаться в той наладившейся жизни, которую она вела. Никакая другая уже не могла бы ее удовлетворить, и она ее не искала.

Агриппина Ивановна с нежностью и гордостью думала о своих выучениках, которые попадались ей повсюду на мошенских дорогах, в полях, в лугах. Она внимательно и подолгу глядела на вросшие в землю деревни, на рыбачьи лодки, на костры в ночном... И мужики на пашне, и жницы, и косцы, и орущие под унылые гармошки на праздниках гуляки—все они были скреплены с ней незабываемой связью.

Агриппина Ивановна нашла свое негромкоголосое, но горделивое счастье.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Деревни пустовали. В них остались собаки, дети и не успевшие умереть старики и старухи. У Агриппины Ивановны с лета была новая работа. Рано пробудившись, Агриппина Ивановна переходила из избы в избу, где были дети. Кинутые в люльках, полуголодные, дети жалко и

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

грустно кричали. Агриппина Ивановна качала их, перепеленывала, кормила, няньчилась. Она успевала за день обходить три деревни. Агриппина Ивановна жалела, что не хватало сил на большее.

На второе лето после объявления войны Агриппина Ивановна как-то зашла около полуден в Ершово. У одной избы собралась вся деревня. От недалекого колодца, изогнувшись, торопливо тащили ушат с водой две молодых бабы. За ними с ведрами поспешали ребятишки. Агриппина Ивановна заглянула в плотно и молчаливо сомкнувшийся круг. На земле, в одной смокшей исподнице, сжав голые ноги, вся содрогаясь, лицом кверху, закинув голову через грудку свежих веников, лежала пожилая баба. Ее отливали водой. Баба от содроганий почти скользила по грязной, расквашенной земле. Волосы бабы, взмытые водой, далеко откинулись и, слипшись, как бы стояли на голове серым и сырым пучком. Она скрюченными руками въелась в землю.

— Ребенок у нее убился,—сказал Платон Кутьков,—бабы все в поле, смотреть и некому. Он из люльки выполз. Видно, за крайчик взялся, на ножках своих подыбал, перевесила несмышленая голова книзу, перевалился—да на темечко, на березку, и встал. Вдрызг расшиб головёнку. Поди, кончился и не всплакнув. На крови баба и застала мертвенького. Вот теперь и отливаем холодянкой. Сама б не померла. Мужика на войне больно ранили—и головы не нашли. Вдовица баба. Помрет—трое останется других младенцев. Старшому восьмой год. Куда с ними? Сами бы рады от своих отвязаться.

— Сама, сама виновата,—шептали Агриппине Ивановне бабы,—разе можно дитю не привязывать! Мы тоже на поле уходим, покидаем без призору ребят. Кому работать-то? Не поработаем, дома около них просидим, зимой вместе

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

тогда с детями помирай без жратвы. Мы плетенку поверх люлек делаем из веревок.

— Дитё покричит-покричит, а живо будет. Пупик ему взбучит. Ну, грыжа там у другого. Помается, а выпользуем, живёхонек зато останется. Неаккуратная она!

— Вон на Прокине и хуже того. Трехгодовалого парня, где б на полосу увести, мать одна с братаном-десятилеточком послала за коровой поглядеть в стаде. Пастух больно коров бьет. Какую не взлюбит—все лето ходит корова с застеганным задом, да на бочках под кожей жгуты от плети кругленькие. Ейную корову и бил, негодная душа! И... поглядели ребята... Старший-то убёг, а маленького бык растоптал. На рогах мальчонка и окончился.

Плача и содрогаясь вместе с бабой, не приходившей в себя, Агриппина Ивановна кинулась помогать. Мужики и бабы ворчливо заспорили, не желая прекращать отливания уже застуженной и синевшей бабы, но мало-по-малу уступили. Бабу перенесли в избу. Агриппина Ивановна осталась ухаживать за ней, ночевала, выпользовала бабу. Через три дня баба с ужасом в глазах от напрасно проведенного времени, шатаясь, бросилась в поле. Соседи ее обогнали в работе. Хлеба́ не ждали. Баба начала догонять, не позволяя себе думать о горе, затруднявшем работу.

С тех пор до осени, когда бабы переставали уходить из изб, Агриппина Ивановна каждый день обходила деревни. Она молча, никого не спрашивая, делала это. Никто ей ничего не говорил: молча принимали помощь. Увидав ее на дороге от школы, бабы, благодарно посмеиваясь, говорили:

— Обряжуха наша пошла!

Радуясь на нее, они немного удивлялись на непонятное им усердие Агриппины Ивановны.

— Жальчивая, видно, — говорили они. — Охота ведь, право, человеку с чужим дерьмом возиться. Яичек ей

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

ужо надобно снести. Отдарить ее. Доброхот ведь незваной, непрошеной. О! Старая дева, бабоньки, видно, не всякая злая, а и добрые сыщутся. Ее муха крылом самоё перешибет, а нутряная жила в ней есть.

Бабы скупо, из последнего, принесли ей как-то в праздник яиц. Агриппина Ивановна, задрожав, непонятно для нее самой, так закричала на них, гоня и толкая в спину, что бабы ушли еще более удивленные и даже затаили против нее недоброжелательство.

Агриппина Ивановна пропустила один день. В душе у нее вдруг все остыло, зачерствело. Она почувствовала себя смешной и жалкой. Но на следующее утро обида утихла, и Агриппина Ивановна сызнова пошла в обход.

Скоро бабы помирились с Агриппиной Ивановной. А с осени и во всю зиму, уезжая в город с хлебом, или в лес за дровами, или на рыбную ловлю, завозили ей детей. Бабы уж так были приучены Агриппиной Ивановной, что, втаскивая ребятишек, смело шутили:

— Кладь тебе волокём! Подомовничай, голубушка! Позабавь! Зачастили к тебе. Не рассердишься?

Гневная и хитрая сторожиха, получавшая от баб тайно подарки, угодливо посмеивалась:

— Береза не угроза: где стоит, там и шумит! Кому телята, а нам ребята. Весь наш дом ребячий! Малые дурачки и большие дурачки—все к нам!

Агриппина Ивановна так непринужденно и радостно занималась с детворой, что сторожиха, видя быстро грязнившийся пол, косясь на развольничавшихся ребят, с едва сдерживаемой насмешкой и раздражением бормотала:

— Тебе б, Агриппина Ивановна, и мужицкую всю работу произойти. Бабам тогда об лишнем и не пекись. Рожай только, аль обучайся на твое место.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uralweb.ru/

Агриппина Ивановна понимала сторожиху и умела управлять ею.

— Нет уж, ворчунья,—твердо и усмехаясь тянула она,— полы мыть тебе придется, придется. И с тобой не поводиться ли?

Сторожиха сердито уходила, отталкивая глазевших на нее ребятишек.

— Ну, выкормки, грязнули, оближи нос-то! Поглядим, Агриппина Ивановна, когда тебе надоест баловаться! Не оттрясешься от баб. Тебя ж ругать будут за гордость. Бабы влипчивые, пластырем пристают, отдирать больно!

Сторожиха пренебрежительно и жальчиво смотрела на учительницу, не переставая убеждать ее.

— Ты думаешь что? Понимают они твою ласку? Не-е-т! Ничего не понимают. Они думают, так и надо. Куда бы не свалить ребят, лишь бы свалить. Посади баб верхом на себя, не постыдятся, сядут да поедут, да еще тебя и в пересмешку возьмут. Вот-де какая податливая нашлась. А ушибись у нас какой мальчонка, они тебе б задали благодарность!

Сторожиха под смех Агриппины Ивановны хлопала дверью.

Война затягивалась, как болезнь. Деревни нищали и бедовали все больше и больше. От усталости Агриппине Ивановне казалось, что она так теперь и будет не переставая ходить каждое лето по деревням. Иногда она ослабевала, но тотчас же превозмогала себя. Она сравнивала свой надоедливый труд с бабьей мученической работой, и у нее пробуждалось неистощимое рвение помогать бабам.

Торжество сторожихи, как той представлялось, наступило скоро. Родила одна баба-тихоня. На четвертый день она уже встала и побрела на работу. Агриппина Ивановна не

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

один раз на день заходила в эту избу. Сторожиха, радуясь, поддразнивала:

— Люлькай, люлькай, миленькая, наживай себе славу!

Сторожиха, стыдливо и жалеючи Агриппину Ивановну, предостерегая ее, осуждающе говорила:

— Ребенок-то нагуляной! Муж у бабы на побывке не был боле году. Прижила на стороне. Может, тьфу, от Прошки! Ты ведь всего и не помышляешь. Бабы без мужиков одурели. Прошка первый теперь по деревне. Бабы его, дурака, втихомолку к себе водят. Разбаловали. На что убогонький, а и то похваляется. Всего-то не понимает, а ржет, нечистая тварь! Подумай, что бабы выкидывают! Голодуха, не голодуха, а плоть на месте. Мужья горюют, надуматься о доме не могут, безногие, безрукие, безглазые, а бабе подай свое! Ты ж младенца будто и настоящего, законного, пестуешь! Опомнись, говорю! Бабы чужих мужиков голубят, а ты им потакаешь! Право, смех и горе! Блажной тебя назовут! Где бы младенца скрыть от людей, скинуть, об угол головой, его на народ вытаскивают!

Агриппина Ивановна рассердилась и велела замолчать ошеломленной сторожихе.

— Бессердечная ты!—крикнула учительница.—Ты не знаешь, что говоришь!

Сторожиха зашепталась после этого разговора со старухами и стала незаметно присматривать за Агриппиной Ивановной.

— Рехнулась! Чем дальше смотрю, тем явственнее вижу,— трусила сторожиха.—Чего бы над собой не сделала!

Старухи согласно и тревожно обдумывали.

— По всем видимостям. Не к благополучию это.

— Старые девы—они характерные. Не в своем уме. Не ищи зайца в бору, на опушке сидит. Кровь в ней гниет.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralsc.ru/

Цвет дева роняет. В роту у ней зубов—полно корыто гусей-лебедей намыто, а глаза стусклые, щека в морще, и тело все искапало. Вот помаленьку и тронулась, бедная. Из-за дур баб погибает. Так бы, без трудов, рано годам поддаваться, а она ведь изводится, помогаючи. Сил-то ровно у воробышка, а воз из грязи вытягивает.

Сторожиха больше не мешала, не оставляя своего надзора за нею, покуда в то лето не напал на Агриппину Ивановну Прошка.

В низине между Никулинским и Ершовым, у всех на виду, вылез дурак из-за кочки, захохотал и снял штаны. Агриппина Ивановна пошла быстрее. Прошка дико вскрикнул и кинулся вдогонку. Размахивая штанами, он догнал ее, обхватил, повалил и, гогоча, сел на нее верхом. Агриппина Ивановна отбивалась, прижала дурака к земле—и позвала на помощь.

Бабы уже бежали раньше. Долго, нещадно, кто чем, они били Прошку. Агриппина Ивановна в ужасе отнимала, ее отшвыривали и не отставали от дурака. Ярость баб была беспредельна.

— А!—вопили они,—мы его во святые угодники силком направим!

— Он расчухал медовые страны!

— Он у нас закашляет, погань!

— Что в ум взял: нападать на баб!

На побоище явились старики и палками разогнали баб. Прошку еле живого унесли к крохинской мельнице. Бабы, разойдясь, рвались к нему.

— И Никанориху так же надобно! Обоих! Вместе с Гаврилкой! Они научили, они просветили!

— Где конь катается, там шерсть остается!

— Зачахнет теперь, помешанный!

— Нечего его стеречь!

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralweb.ru/

— В землю его живого закопать!

— Откормили на купеческих хлебах! Кобелить начал!

Платон Кутьков с Агриппиной Ивановной наконец увели баб. Скоро приехал на лошади Гаврила Федорович, и дурака погрузили в телегу.

Прошка прожил полгода. Больше его не видали.

Агриппина Ивановна подавленно вернулась домой. Сторожиха всполошилась.

— Говорила я тебе. Находилась до дела. Не всякое добро на пользу. Иное добро беду приносит. Особливо от баб и мужиков наших. Человек хоть и не раженький, а всё же человек Прошка. Его напополам и переломили из-за тебя. А всё бабы виноваты. Наблудили сперва с ним. И отлилось. Прошку они ровно сами на тебя напустили. Ты думаешь, из-за тебя кромсали? Не-е-т! Им стало жалко Прошкина добра. И ошалели. Деревня наша жадная, ненаедливая, подлая. Напрасно ты только маракешься об нее. Я сама деревенская. Мы все такие: за добро злом!

Агриппина Ивановна продолжала безропотно нести тяжесть. Она с ненавистью думала о войне, опустошавшей и съедавшей деревню как саранча. За долгую свою жизнь на Моше Агриппина Ивановна привыкла не отделять себя от мужиков. Давно перестала чувствовать себя чужачкой, гостьей среди них. Она была своя, деревенская. Неразделимы и общи были и печали и радости. Агриппина Ивановна словно с той же болью теряла на войне своих выучеников, с какой бабы теряли своих сыновей.

Как неумирающий и ненасытный гад ползла война, будто наголо выщипывала землю вместе с травами, лесами, хлебами, жильем и всем живым. Деревня дичала. Надрывались бабы, надрывалась Агриппина Ивановна—и вместе они копили и лелеяли гнев против войны. Он, как

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uralweb.ru/

лесная гарь, непроходимо затаивался в избах, в полях, он был в крике детей, в нищете, в безлошадье, в самой бабьей плоти.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Поздняя августовская гроза настигла в поле. Холодный неисчерпаемый ливень зашумел. Мужики заторопились, а бабы, вскинув на головы подолы, врассыпную бросились спасаться под ржаные копны. Лошади в упряжке понуро стояли под дождем. Ребятишки, сдирая на бегу рубахи, с визгом понеслись поперек полос к деревне. Тут наискось огромное огненное шило вонзилось в одну копну, прожгло ее и смахнуло. Треснул и разорвался гром. Задымились снопы, занялись красной шипучей пеной—и всплыли на мокрой земле. Но ливень почти сразу залил их. Опаленные, почернелые, дымясь, лежали снопы в разных местах усатыми кочками. Между ними слегли два пленных австрийца, работавшие в Ершове. Их далеко откинуло друг от друга и как бы прибило ливнем к земле.

Народ, ужаснувшись, вскочил из-под копен. С плачем и стенанием кинулись к трупам Настасья Ивнягова и Марья, жена Пашки Косарева. Бабы, извиваясь над трупами, голосили. Они будто хотели прикрыть мертвецов от струившейся воды, разбудить, толкали, тянули, слушали сердце в груди, заглядывали в глаза, подтаскивали темные головы к себе и согревали запекшиеся губы поцелуями.

Ливень постепенно исходил—и смолк. Народ теснее и грудней охватил обезумевших баб, слушал, потрясенно глядел и молчал. Наконец баб оторвали от мертвецов и насильно повели в деревню. Бабы оглядывались назад, кидались обратно, упирались и причитали.

Старик Ивнягов, точно сразу одряхлевший еще более, побрел было за дочерью. Но не смог, сел недалеко от

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

австрийцев на колючее, сырое жнивье и подавленно заплакал.

— Вот оно когда узнается,—грустно лепетал он мужикам,—через смерть. Сгуляла баба. И Косариха тож. Что тут станешь теперь делать! Может, и другие грешны, а повыдержаннее. Жалко, а не открываются.

Старик со злобой вгляделся в мертвецов.

— Надавало их. Бог и разразил за грех. Сами сгибли и других за собой поволокут.

Мужики, повертывая обгорелые снопы сухим местом, прибито опустились вокруг Ивнягова. Они ёжились в мокрых рубахах. Но солнце уже обогревало... Рубахи тепло прилипали.

— Да-а,—вздохнул Платон Кутьков,—мужики свои придут, и разразится. Бабам не сдобровать.

— Беда на круг.

— И этих, поди, покойничков бабы ихние напрасно ждут. И не дождутся.

— Кто ее разнесчастную выдумал, эту войну!—воскликнул в отчаянии Ивнягов.—Не стало на земле счастья у людей.

Мужики молча сидели, чего-то ждали и косились на плакавшего старика.

— И грозёнка-то пустая,—словно утешая его, вымолвил Платон Кутьков.—Накатилась, как шар. И вся-то с сеновал, а буйство в ёй какое!

— Я видел, как ткнуло. Стрела ровно выбирала место. Зажглось в облаке пятнышко—и выпалило,—подхватил Григорий Крохин.

Мужики недоверчиво начали оспаривать.

— Ну, сказывай! Никому не уследить: это у тебя вспóлох в глазах. Осветило после.

— Молния напролом бьет. Куда попадет, и сама не знает.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralstu.ru/

— Австрияки подвернулись—их, ты—тебя. Под копну залезли заклятую—и всё тут! Было им на роду назначено кончиться на чужой стороне—и кончились. Их у нас, а наших, может, у них на таком же поле кончает.

— Человек везде одинакой,—только обличье другое. Поди, и наши ихним бабам не спущают.

— Любовь войны не знает. Бабы и там по нашим мужикам, честное слово, ревут. Бабы—мокрухи, известно. Во всех странах равны. И волос и подол есть.

— Всем не легко,—вздохнул Платон Кутьков.—Втолковывают нам—враги, враги... А ребята были австрияки совсем не худые. Лопочут по-смешному, а глаза и руки на месте. Мужики такие же. Вражды насильно не выдумаешь к ним.

— Отвоевали! Павлу да Пашке урон сделали почище, чем на войне.

— Не у нас у одних. По разным деревням тоже.

— Строже нигде баб нет.

— Война кончится—и остепенятся,—вёл какую-то свою мысль Платон Кутьков.—Мужья на фронте тоже не зевают, какие там бабы попадутся невзначай.

— Попадись только!

— Не ладно делают, не по закону,—не прощал Григорий Крохин.

— Молчи ты!—закричал на него, внезапно обозлившись, Платон Кутьков.—Твои законы—затейливые: от зятя от твоего идут, на пользу ему. Братьям бы своим малость помогал, Марья, может, и не спуталась! Приходящего бы мужика наняли на помогу, а тут и днюет и ночует молодой мужик в избе. Вот и сверзилась!

— Казна, что ль, у моего зятя припасена для братанов? Своя семья у него. На дармовщинку всякий охочь.

— Ого! Пожалел! Всё бы только себе заграбастывать! И не осуждай тогда!

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Он и так подмогает, чем в силáх. Добро бы раз, другой подкрепить, а двá годы под ряд—кишка стончеет.

Бабы прислушивались к мужикам, в ужасе разглядывали австрийцев и вполголоса жалели. Все долго не расходились. Но уже улеглись на небе тучи. Просветило снова солнце. Засияло вымокшее поле лужицами, свисающими с подрезанных колосьев каплями. Заглянцовели бурые, как енотовые воротники, межи. Рыжó отливали вдали лысые луга. День продолжался в неколебимой тишине и ясности. И понемногу ошеломленные мужики и бабы, покуда сотский не привез Афанасия Александровича, принялись за прерванную работу. Ребятишки, заменяя старших, стерегли убитых.

Старик Ивнягов почувствовал холод, подтянул два ближних снопа, откинул с обоих мокрое, смял сухие остатки и подложил под себя. Оставшись один, старик еще сильнее углубился в свое горе. Его особенно угнетало то, что мужики разбрелись. Они немного посетовали с ним и схватились за работу.

Всё шло попрежнему, как до ливня. Старик с трепетом почувствовал разлитое вокруг его равнодушие. Мужикам его печаль была так же малозначима, как траве, затоптанной его сапогами, как играющему вверху солнцу и последним, скатывающимся куда-то за озеро, облачкам. Старик ощутил бесконечное, обидное одиночество. Ему было жалко Настасьи. Ему всё еще чудился ее изломанный, кричащий от боли, голос. Старик понимал, что Настасья оплакивала не только свою разрушенную любовь. В плаче ее таился страх перед мужем. Она боялась ответственности перед ним. Ей было стыдно выставлять на показ свое несчастье, но оно победило и пересилило ее. Старику представилась участь дочери такой невыносимой и мучительно близкой, что он невольно вспыхнул злобой к мужикам, пренебрегавшим

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

чужим несчастьем, к безмолвно виноватым австрийцам, но больше всего к обманутому и грозящему Павлу. Старик от волнения и от жальчивой своей любви к Настасье даже забормотал вслух какие-то угрозы Павлу. А когда появился такой же старый, как Ивнягов, урядник, тупо и скучно обошел австрийцев, старик со злобой уставился на него. Подтянутая урядницкая шашка, серо-зеленоватый мундирчик с пряничками погон, картуз и начищенные сапоги вызвали в старике злейшее и беспощадное возмущение. Ему представилось несправедливым и оскорбительным, что этот франтоватый и чистенький человек уже, наверное, от сотского знал о позоре его дочери, осуждал ее и как будто радовался.

Урядник скучливо постоял в ногах у мертвецов, словно что-то соображал важное и необходимое для себя, и внушительно спросил у сотского:

— В какое место ударило первей всего? Осмотреть надо. Где копна была?

Ребятишки уже толклись на этом месте. Урядник подошел, потопал ногой и низко наклонился к земле.

— Дыры нет. Видно, она в пролёт взяла.

Сотский с подавленным уважением вслушивался в слова Афанасия Александровича и соглашался со всем, что бы тот ни сказал.

— В пролёт, да, в пролёт, раз дыры нет!

Урядник, привыкший держать себя на народе строгим и непреклонным, старался внушить сотскому и подобравшимся мужикам важность того, что он делал.

— Та-а-к! Так в протоколе и покажем. Сидели, значит, тут. Скрывались от дождя. Удар грома и молнии!

— Совершенно справедливо,—подтверждал сотский.

— А полюбовницы с ними сидели?—громко, нарочно, словно отчеканивая, вел дознание урядник.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.urale.ru/

— Хе-хе!—смущенно просмеялся сотский.—Где ж тут усидишь живьем-то! Любовь была тайная. Никому была невдомёк. Они, кто их знает, где сидели. Видно, под другой копной. Объявились после, как пленные-то полегли...

Сотский почему-то испугался этого вопроса урядника и спохватился за своих деревенских.

— Сам я далеконько укрывался: ничего не видал. Пленные от стайки-то отбились. Их и подстрелило. Вон ейный, Настасьин, отец сидит. Его опроси.

— Ивнягов!—требовательно повернулся к нему Афанасий Александрович.

Старик трудно поднялся, подошел к уряднику и гневно и крикливо сказал:

— Чего язык чешешь понапрасну и представляешься! Чего красуешься перед мужиками! Божья милость убила, а ты допрос чинишь! Делать тебе нечего. Начальствуй, да с умом! Про баб тебе нéпочто знать! Неподсудные они тебе!

Ивнягов хмуро и резко показал рукой на мертвых и язвительно продолжал:

— Вон растянулись, бедняги! Тут ты хозяин. Без тебя не пошевелит никто. Ишь, какая честь! Человека без тебя похоронить нельзя! Без тебя да без попа. Записывай, чего следует, а чего не следует—и записывать нечего.

Мужики и бабы неловко задвигались на месте и забормотали. Урядник от неожиданного нападения старика потерялся. Он прислушивался к неясному и угрожающему гудению возле себя. Один сотский хранил на лице подневольную покорность и был не опасен. Урядник несмело, оправдываясь, неясно выговорил:

— Я в своих правилах. Я лишнего не спрашиваю. Я могу и кончить. Старик это зря, зря шумит.

Во время войны Афанасий Александрович должен был чаще и чаще уступать мужикам. Он с неудовольствием

Собрание им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

замечал, что власть его сделалась настолько крохотной, будто ее даже совсем не было. Мужики вольничали, смелели и отчаянно отнимали ее. Они словно только терпели Афанасия Александровича, не мешали ему жить среди них, не мешали ему делать то пустое, бумажное, переписочное дело, которое ему оставалось и которое они не умели делать сами. Урядник иногда забывал об этом, по-старинке закидывался, но мужики его обрывали. Так и сегодня оборвал его старик Ивнягов. Афанасий Александрович, разговаривая вполголоса с одним сотским, скоренько закончил опрос, нарядил охрану у мертвецов и убрался.

Пленных похоронили. Проплакались бабы и застыдились своих слез. Опомнившись, пожалели, что не смогли утаить от деревенских и от мужей укромное свое счастье. Пряча глаза от соседей, представляя тревожную и страшную встречу с мужьями, бабы тоскливо и неспоро начали работать, сторонились всех, пугались случайного крика, свиста, стука, пугались незнакомых людей, подходивших к деревне, вглядывались на дорогу, вскакивали спросонья и вслушивались. В избах у них было так тихо и скромно и грустно, будто они потеряли самое дорогое в жизни.

Старик Ивнягов мучился той же мукой, какая охватила Настасью. Он ласково и бережно кружил около дочери и старался всячески облегчить ей жизнь. И Настасье было легче.

— Осилим, Настюха, осилим,—шептал он,—ничего. Мы с тобой вдвоем виноваты. Вдвоем и отобьемся. Мало ли что бывает. Воин воюет, а ино и горюет. Мы Павлу не поддадимся. Я тебя не дам на поругание. Держись только сама крепко. Мы его в случае Марьей Николаевной укорим. Сам-де тоже не больно чистенький. То же и получай взамен.

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Но встреча с Павлом была так для Настасьи тягостна, что она безумно твердила:

— Ах! Лучше бы он не вернулся! Убили бы его там! Грех это на него кликать, а так было б для обоих нас без тяготы!

Старик пугался чёрствости дочери.

— Ни-ни, дочка, злое не желай! Самоё за такие слова скорчит. Попомни, облягается он. Мужик смирный, горя навидался воз, больше себя горе видел. Он образумится. Сперва зафырчит, с кулаками полезет. Снести надо. Дале все расплавится и устроится, ровно в озере после валов. Не понесла ты от австрияка—и хорошо. И попроще нам вывертываться от наказанья.

Первым пришел на побывку Пашка Косарев. Он как будто не успел войти в избу, как с ревом, в разодранной юбчонке, с летящей по ветру косой, зажимая кровоточащий глаз, выскочила на улицу Марья. Пашка гнался за ней с поленом. Кинулись отбивать всей деревней. Бабы яростно защищали Марью. Увертываясь от кулаков Пашки, они отняли у него полено, повисли на мужике и одолели его. Бабы очумело и визгливо, словно кричали сразу все заозерские бабы, в один голос вопили:

— Учи, да с оглядкой! Да не до уродства учи бабу! Навадились там на войне кровь проливать! Были зверьё, да еще бóле зверьём стали! Самих бьют, так не любо! Горюй мы тут, околевай без вас, а придут—провинностей никаких знать не хочут за несчастными нами!

Марью спрятали. Пашка напился к вечеру. Он ходил по деревне, волочил за собой кол, искал Марью и, матерясь, плакал.

Вслед за Пашкой вернулся с фронта брат Дмитрий. Тогда у Косаревых отпраздновали возвращение воинов. Константин Андреянович угощал братьев. Бабка Афанасья с невестками напекли пирогов. Позвали в гости Григория

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Крохина. Пьянство завершилось свалкой. Напившись, Пашка и Дмитрий начали избивать Константина Андреяновича. Сперва они его обнимали и тискали, гордились им, похвалялись вдребезги расшибить немцев, а потом, осоловев и будто что-то вспомнив, нахмурились. Помолчав, они оба вдруг взяли Константина за ворот, потянули, и Пашка наотмашь ударил его по скуле.

— А, ты, царская не́годь! Мы за богачей страдаем!— рассвирепел Дмитрий.—Ты нас напаиваешь! Ты думаешь, мы дураки, ничего не понимаем! Кроши его, Пашка! Брат на брата—и кончено!

Дмитрий ухватил со стола блюдо с пирогами и швырнул в Константина Андреяновича. Бабка Афанасья, невестки, Григорий Крохин кинулись разнимать братьев.

— Вали его, германца!—рычал Пашка.—Он хуже германца! Он змея своя. Он наши семьи, негодяй, забыл! Мы бедствуем, а он царствует со своей Катеришкой да со щенятами своими! Он с живоглотами связался! Братьями пренебрёг! От бедности нашей отвернулся! Воинам поднес по чарке,—думает, откупился! Мы за него нашу жизнь на фронте кладем! Ржа нас ест! Бабы наши вожжей ищут удавиться от такой жизни, а он нахвалиться своей жизнью не может! Дроб-б-б-и его! Скликай мужиков! Все его бить, предателя, будем!

Константин Андреянович отбивался. Тогда на помощь мужикам вцепились в него жены Пашки и Дмитрия. Марья, с перевязанным глазом, с распухшим от побоев лицом, заплелась у Константина Андреяновича в ногах. Он свалился. Дмитрий оседлал его и изо всей силы ткнул носом в пол, уперся ему яростно в шею, а Пашка начал колотить его по ногам сковородником.

— Отбивай ему ход!—выл Дмитрий.—Пускай на четвереньках ползает! Пускай он, как мы, попробует горького!

Собрание им. В. Г. Балинского
http://book.urale.ru/

Ломай его, братопродавца! Луши и тестюшку его, ехидну проклятую! Заступника его!

Тогда бабка Афанасья отчаянно вытянулась в окно и закричала:

— Заступи́те, заступи́те! Убийство! Православные, убийство! Костеньку да́вят!

В косаревскую избу начал сбегаться народ. Братьев, измазанных и растерзанных, растащили. Пашка, не насытившись, вдруг увидал синяк под глазом у Марьи, вспомнил измену жены и кинулся на нее.

— Ага! Глаз у тебя заплыл! Так я тебе и другой выставлю!—заорал он, ударяя ее.

Он сшиб Марью, пинал сапогами... Мужики, рассвирепев, мигом выкинули Пашку и Дмитрия из избы, поволокли на улицу и там, на холоду, начали обливать из ушата.

— Протрезвляй их, дьяволов!—рычали мужики.—Натешились! Пускай в поле хоть глотку друг другу перегрызут, а в деревне не дадим! Этак в каждой избе по покойнику ляжет! И так покойников довольно! И так сироты в каждом семействе!

— Мужики!—горько просили Пашка и Дмитрий.—Отпустите! Почто препятствуете? Не брат он нам, а враг! Отказываемся от него! Ему надо хребет сломать! Он и вам и нам—мироед! Не-е-т нашего согласия на его жизнь! Дайте нам его вытрясти с нутром! Он в барина вылезает, ездит на вас и на нас, кровь нашу пьёт, прорва ненасытная!

В косаревской избе с того дня непробудно пили. Братья ходили бить Константина Андреяновича на Мошу. Там взяли их и отвели в холодную при волостном правлении. Марья пряталась и скиталась по чужим избам, покуда Пашка не отгулял на побывке, и Марья не проводила его в город.

Настасья в трепете ждала возвращения мужа. И когда он, наконец, осенью пришел, Настасья увидала его в

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

окошко, застонав и заплакав, схватила сына в колени, прикрылась им и забилась в передний угол. Старик-тесть заступил дорогу вошедшему Павлу и, дребезжа голосом, строго и настойчиво сказал:

— Не бей, Павел Евстигнеевич, пожалей бабу и меня, старика!

Павел еще в сенях торопливо стащил со спины мешок. Улыбка на лице у него замерла. Он ошалело остановился и выронил мешок на пол.

— Не сердись! Сразу лучше огорошить, чем исподоволь. Мѐне так стыдно!—говорил Ивнягов и не пропускал Павла к дочери.

Павел понял. Он тускло взглянул на скорченную в углу Настасью, вдруг сразу устал, почувствовал всю тяжесть грязной осенней дороги из города, шатнулся вбок к лавке и сел, опустив голову.

Настасья зашевелилась, оттолкнула сына и выскользнула, давясь слезами, из избы. Старик суетился около Павла.

— Я тебя на дорогу выходил встречать,—лепетал он.— Ране хотел предварить, да не устерег. Баба вся измытарилась от своей ошибки. С тоски сделала. Не подумай, баба дитю не прижила. А грех был. С пленным. Молоньей его убило. Виновата, а заслуживает и покрышки. Так пришлось не ладно. Сердце тебе надвое,—да уж не склеишь его. Позор есть—не прикроешь!

Мальчик-сын глядел на незнакомого солдата исподлобья и сосал свой палец.

— Подь сюда, Вань,—позвал дедушка,—гляди, тятя твой пришел.

Павел равнодушно и скупо приласкал мальчика—и опять пригорюнился, ничего не говоря и слушая неунимавшегося старика.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksurale.ru/

Павел вдруг ясно и страшно понял, что у него опять не было своего пристанища в жизни. Неизвестно зачем бежал он всю дорогу из города, ссекал криулины, вяз и мок в лугах, начерпал в сапоги, ныла поясница от тяжелого мешка и неровной ходьбы. Не останавливаясь ни с кем в пути, как ему ни кричали и ни останавливали его, Павел, дрожа и сияя, вбежал в Ершово, наскоро обтер грязь о веник у крыльца, вдохнул дорогой ему запах теплой избы... И все пропало, ничего не осталось... Он сидел, будто странник, в чужой избе. Прямо перед глазами вертелся знакомый старик, застыл какой-то мальчик, и лежал рыжий походный мешок.

Так прошла неделя. Изба молчала и таила неизбывную тоску. Павел часто вскипал на Настасью, вскакивал—и сдерживался. Настасья ожидала. Павел видел, как она следила за каждым его движением, вздохом, кидалась стремглав подать ему за столом недостающую соль, хлеб, ножик, как она робко и нежно краснела под его случайным взглядом. Павел будто гостил у старика, разговаривал с ним, рассказывал. Мальчонка привык к отцу, сидел у него на коленях, внимательно осматривал пуговицы, ёжился от шершавого солдатского сукна гимнастерки, играючи прикладывался к ней щекой и притворно пугливо взвизгивал. Настасьи в избе точно не было. Ее старался, хитря, не замечать и отец.

Павел чуждался деревенских, часто уходил за околицу и уныло сидел там на канаве близ дороги. Он даже не пошел к Лепаковым, покуда вернувшийся с позиций Никандр не прислал Еньку звать его. Павлу казалось, что несчастье его никогда не могло ни пройти, ни забыться. Он не знал, как он будет жить дальше, и старался не думать об этом. Он просто жил день за днем, нося в себе не отставшую, ноющую и гложущую его печаль.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Он с ненавистью и злобой думал о возвращении обратно Когда он представлял себе те же гнилые, слепые и плесневелые окопы, в которых прожил полтора года, не понимая, почему он это делал, для чего и для кого— самому ему они были не нужны и ненавистны, но его принуждали, и он боялся,—Павел сжимал кулаки и отчаивался. Но и здесь, в Ершове, он чувствовал ту же ненужность своей жизни. Как будто и здесь его принуждали делать то, что он не хотел делать.

Так и шли один за другим растерянные дни. Несчастье Павла, казалось, было не сравнимо ни с чьим другим. Он оглянулся назад—и с горечью увидал там одни неудачи и обиды.

Поруганный и тоскующий, надев полушубок, Павел пришел середь дня к своему месту за деревней. Сосредоточившись, он не слыхал, как кто-то близко подошел к нему. Павел повел глазами—и все его докучливые мысли точно вспорхнули, пропали, и осталось в душе радостное изумление. С корзиной на руке, в нависшем на лоб платке, а из-за него выглядывали пристальные и знакомые глаза, стояла перед ним Ольга. Он не видал ее больше двух лет. Павел почувствовал, будто ему вдруг стало теплее на ветру, и настолько легкое и приятное чувство пробудилось внутри, что он осторожно и довольно засмеялся. И как-то само выговорилось:

— Посиди, Оленька. Тут сухо. Может, не торопишься?

Ольга, беспрекословно садясь рядом, отставляя корзину в сторону, тоже с улыбкой сказала:

— За рыбой я ходила к Платону Кутькову.

Волнуясь оба, они молча сидели и смотрели в стороны.

Долго помолчав, Ольга испытующе спросила:

— Ты надолго вернулся, али совсем?

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksaratov.ru/

— Вернулся,—грустно ответил Павел и заторопился.— Нет, не совсем! Какое там! Никто не знает, когда перемирие будет. У тебя вон Федор дома живет...

— Живет,—вздохнула Ольга,—без ноги и без руки.

— А я вернулся, и не знаю зачем,—опять затосковал Павел,—ровно бы и не вертаться лучше. Поди, слышала про Настасью?

— Слышала,—тихонько и оглядчиво вымолвила Ольга.

Они понемногу разговорились. Павел теперь не сводил с нее вкрадчивых и теплившихся глаз.

— Эх, Оленька,—сожалел он,—не пожилось нам с тобой! Ровно кто-то нас за руку разводил. Обоим жизнь без сладости досталась. Ты ко мне с добринкой вон когда подошла. Будь пораньше, как бы нам хорошо-то было. Мы ведь с тобой суженые, а только несчастные. Тебя Антипа Иванович сломал, а меня Марья Николаевна. Слабые мы, забитые, овечья в нас стать. Счастья у таких и нет.

Ольга легонько и смиренно всхлипнула.

— Не трави меня, Павел,—прошептала она.—Не углядела я тебя. Гордость во мне тогда была. Назло тебе делала.

Павел безнадежно осудил себя и, дрогнув, воскликнул:

— А я, пентюх! Робость во мне сызмала перед бабами. Не так думал, не сумел к тебе шагнуть по-настоящему. Что же вышло? Один разлад. Ребята у нас у обоих. Иссушило нас, исковеркало. У тебя муж обрубленный с одной стороны, с другой злодей Антипа, а у меня Настасья. Я ровно по-старому у чужих людей в кучерах. И ездить мне так и не наездиться до смерти! Вон как заволокло у нас небеса над головой. У других хоть маленько да свет есть, а у нас оболочно, оболочно. Вёдра нет и не будет нам с тобой в жизни. Пригреться нам негде!

Они уныло и коротко, словно отрывая друг от друга руки, простились.

Собрание им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Ольга отошла в слезах и, не поворачиваясь, крикнула ему:

— Павел! А ты... с Настасьей... живи!

Он остолбенело глядел ей вслед. Ольга будто убегала от него. Когда она скрылась в Никулинской лощинке, Павлу отчетливо показалось, что в Ольге было что-то похожее на Настасью.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Михаила Георгиевича Шеина перевезли из лазарета на Рабангу. Простреленная грудь подживала. Зинаида Николаевна облегченно вздохнула. Сын лежал уже полгода. И все это время, ни на минуту не освобождаясь, Зинаида Николаевна жила отчаянной и безутешной жизнью. Она перестала видеть вокруг себя людей. Все внимание, вся любовь ее сосредоточились на сыне. Она с содроганием хранила его офицерский френч с пулевой дыркой на груди. Ей казалось, когда сыну было плохо, что он не встанет, что он уходит от нее навсегда, и вместе с его уходом жизнь ее становится ненужной, странной и пустой, как нежилой дом. Тогда ее тянуло к френчу. Она, не сдерживая слез, копошилась над ним, холодея, разглядывала дырку, и ужас неведения, ужас перед будущим, сминал Зинаиду Николаевну, от сына ей оставалась злая и беспощадная память.

Но Михаил Георгиевич выжил. С новым чувством, с нежностью и гордостью, заменившей ей все драгоценности в мире, она берегла теперь этот френч. Сын начал сидеть, вставать и выходить на улицу.

Доктор Мигулин, после одного осмотра, желая сделать ей приятное, с веселым лицом поздравил Зинаиду Николаевну.

— Больной наш здоров. Еще немного надо подкормиться, окрепнуть и...

Собрание им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Зинаиду Николаевну больно и резко ударило в сердце.

— И снова в этот ад умирать!—почти крикнула она.— Или чтобы снова его искалечили!

Мигулин безнадежно помолчал и покорно ответил:

— Я не знаю. Можно, конечно, затянуть, но рано или поздно ему необходимо на комиссию. Вряд ли комиссия отпуск продолжит. Нет уважительных оснований. Вы можете... Я полагаю... Вы догадываетесь... Надо к кой-кому обратиться с просьбой. Словом, я не хочу советовать, но... вы сами понимаете. Владимир Викентьевич, в свою очередь, повидается там в городе с нужными людьми—и всё устроится...

Сын еще накануне, за обедом, задумчиво разглядывая игравшее алым пламенем вино в графине, огорченно и скучливо сказал:

— Пора! Где-то теперь наша часть? Как ни хорошо дома, но надо туда...

Зинаида Николаевна посмотрела на него с болью. Он постарел от болезни, но все еще был незрелым и хрупким мальчиком. У него не было даже усов. Мать и сын заспорили.

— Я обязан, я должен! Ну да, страшно, ну да, опасно!— недовольно твердил он.—Ну, могут убить! Но я же не могу укрываться, мама! Меня будут презирать и считать трусом. Защищать отечество—долг каждого. Солдаты этого могут не понимать. Они уже в последнее время дезертируют. Но я офицер. Солдат ловят, водворяют на место, наказывают. Мы, офицеры, не смеем пятнать свое звание. Это позор! Солдаты уж и так смотрят на нас волчьими взглядами. Нас ненавидят. Нас тихо ненавидят. И боятся. Вся война держится страхом.

— Ты не понимаешь, что говоришь,—волновалась Зинаида Николаевна.—Ты свое сделал. Ты выстрадал отдых. Пусть другие так же помучаются, как ты. Третий год идет

Собрание им. В. Г. Белинского http://book.ucalc.ru/

война. Она бесплодна. Мы разбиты. Мы проиграли. Все бегут с фронта, прячутся, потому что понимают бесцельность этого убийства. А ты мальчик, совсем еще мальчик, тебя еще не проучила война, ты еще веришь в героев! Убивают солдат! Да, жалко. Но ведь мужики народятся новые, найдется кому обрабатывать землю, а вас, молодых, образованных, культурных, перебьют—это ужасно! Мы потому и разбиты, что некультурны, отсталы. Образованные люди в России на счету. За каждого из них не жалко отдать тысячи мужиков. Теперь надо спасать каждого интеллигента, офицера. Володя, да скажи ты ему! Может быть, я не то говорю!

Владимир Викентьевич неохотно пробурчал, стеснительно оглядываясь на пасынка:

— Можно устроить в тыл...

— Ты слышишь,—взволнованно затрепетала Зинаида Николаевна,—Владимир Викентьевич тоже согласен со мной. Ты—мальчик, а где капризничает мальчик—там всегда безумие и безумные поступки. Ты должен спасти себя для матери. Я только и живу тобой.

Зинаида Николаевна горько заплакала, но тут же возбужденно повысила голос на подскочившего к ней в негодовании сына.

— Ненавижу, ненавижу всю эту вашу подлую, бесчеловечную войну! Она бессмысленна и ужасна! Я не хочу тебя отдавать им!

— Но кому, кому им, мама!—воскликнул Михаил Георгиевич.—Мы же, мы же Россию защищаем от немцев. Нашу родину! Самодержавие! Монархию! Война до конца! Нас разбили, но мы не можем выйти из войны,—тогда разобьют и наших союзников!

— Всех пускай разбивают,—дрожала от жалости к себе и к сыну Зинаида Николаевна,—только бы ты был жив,

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksvaic.ru/

Тебе не жалко матери. У тебя какие-то отвлеченные идеи в голове. Ты на этой войне стал бессердечен!

— Мама,—с укором и возмущением вымолвил сын,—оттого у нас и неудачи, что... что не одна ты так рассуждаешь!

— Да, я не одна,—вспылила Зинаида Николаевна,—все матери. Война наших детей уродует, губит. Она нам ничего не дает, кроме траура. Ах! я тоже заблуждалась! Я тоже провожала тебя в каком-то дыму! Тоже представляла себе войну по картинкам. Стыжусь! Войну не надо было начинать. Сколько, сколько легло молодых, здоровых, красивых, знатных, благородных! Легла вся гвардия. Сама императорская фамилия понесла потери. Погиб герой великий князь Олег Константинович. А черни, конечно, и не подсчитаешь. И все это напрасно! Никто не скажет— для чего. Все разорены, безденежье, недостает хлеба, нельзя ничего выписать из-за границы...

— Я не могу слышать. Мне стыдно, мама, за тебя!— закричал, выскакивая из комнаты, Михаил Георгиевич.— Ты, ты под чужим влиянием...

Владимир Викентьевич насмешливо и недружелюбно заметил:

— Это он на меня намекает. Подозревает мое влияние. А на самом деле я всецело с ним согласен. Война—как мессинское землетрясение. Волна плеснулась—и слизнула Мессину. И всё. Войну во что бы то ни стало надо довести до победного конца. Мы после войны быстро поправимся—и неудержимо пойдем вперед. Мы наверстаем убытки. Мне надоело выделывать пироксилиновые шашки на фабрике, а все же война нужна. Мы после нее развернем промышленность, торговлю, культуру... А люди народятся: это несложно и нехитро!

— Ах! Опять ты за свое!—вознегодовала Зинаида Николаевна.—Я прошу тебя не поддерживать этого безусого

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

и глупого фантазера! А то я могу подумать, что ты... ты просто хочешь от него избавиться!.. Он тебе мешает... Ты ревнуешь меня к нему.

Владимир Викентьевич поцеловал ее и нежно проговорил:

— Ревновал, ревную и буду ревновать. А все же притворюсь—и стану держать твою сторону.

Зинаида Николаевна счастливо и благодарно засмеялась.

Доктор Мигулин снова напомнил ей о вчерашнем столкновении с сыном. Она надеялась на поддержку Владимира Викентьевича, но боялась упорства сына, уже явно скучавшего без дела.

— Слушайте, Мигулин,—беспокойно и просяще задохнулась Зинаида Николаевна.—Он не хочет оставаться в тылу. Идут слухи о мире. Что-то там при дворе делается. Неужели я его увидала здоровым только для того, чтобы снова потерять? Это же ужасно: лечить человека от раны, спасать от смерти—и потом опять посылать на смерть! Мать этого никогда не поймет! Да, да этого и никто не понимает. Притворяются понимающими. Зачем, зачем ему умирать! Ему не надо этих дурацких проливов, о которых мечтает мой муж, ни Галиции, ни Турции, ни какой-то там славы русского оружия! Его увлекли какими-то побрякушками. Он еще недавно играл ими, не отвык—и продолжает играть! Ему надо жить, жить, жить!

— Но что же я могу сделать?

— Вы мне окажете услугу. Его надо задержать на зиму, хотя бы на зиму. А там, может быть, все это кончится. Я, я не представляю, как он вынесет после этой несчастной раны холод, сырость, грязь в окопах. Он же слаб. У него такое стало нежное и слабое тело. Если его не убьют, он заболеет, простудится, приобретет ревматизм. Вы подумайте только—на него во всю жизнь не дул

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksurai.ru/

ветер, его лелеяли и берегли, а тут он, как привычный ко всему мужик, должен терпеть скотскую, дикую, нелепую жизнь на фронте. Спасите мне его! Вы обещаете, обещаете, непременно обещаете! Мы с Владимиром Викентьевичем поедем в город, мы наведаемся в комиссию... У нас связи прочные и совершенно дружеские. Мы тайно от него поедем. Но не сейчас. Чем дольше он будет сознавать себя больным, тем лучше. Вы напугайте его. Вы держите его в сомнении. Вы запретите ему вести такой образ жизни, при котором он мог бы думать, что выздоровел. Помогите мне, мой друг!

Доктор Мигулин немного спустя, совершенно неожиданно для Михаила Георгиевича, уложил его в кровать. Тот сопротивлялся, а Мигулин настойчиво и тревожно говорил:

— Мое дело указать вам на опасность. Я приневоливать вас не могу. Но хрипы, которые прослушиваются у вас в груди, свидетельствуют о болезни. Покой, главное, покой и поменьше движения.

— Боже мой!—притворно испуганно восклицала Зинаида Николаевна.—Я предчувствовала: он рано поднялся!

Владимир Викентьевич язвительно усмехался.

Выздоровление Михаила Георгиевича отсрочивалось. Его то спускали с кровати, то опять укладывали, то сажали его на диэту, то откармливали, то выводили на прогулку, то запирали безвыходно дома. Зинаида Николаевна выдумывала неистощимые способы дурачить сына. Михаил Георгиевич постепенно приучил себя к мысли, что он действительно болен. Он стал чувствовать каким-то связанным и нечистым дыхание, неприятно растолстел и как бы обрюзг. С досадой и раздражением Михаил Георгиевич примирился и сознал, что он еще не был готов для фронта. Владимир Викентьевич с Зинаидой Николаевной выезжали

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

в город и в разных местах делали брезгливые подарки за мнимо-больного. Так оттягивали его возвращение всю зиму.

До того, как фабрика перешла на работу по обороне, и бумажников перестали брать на фронт, они призывались вместе с мужиками. В Устье-Угольском теперь томились жены призванных. Мужья ушли и пропали. Редко получались письма. И были они все на один благополучный лад. Словно за спиной мужей стояли надзирающие люди и следили за тем, что солдаты писали бабам. Под чужим взглядом слова, как безгласные черные веревочки, завивались по бумаге, молчаливо дразнили и обманывали. Была в Устье-Угольском непроходящая скорбь, жажда настоящих вестей, тоска о пропавших солдатах и злая зависть к работавшим на оборону. Бабы неотступно жужжали о Михаиле Георгиевиче.

— В оттяжку играет. На жалованье держат докторов да генералов. На оборонке мошну набивают. Покупать им легко льготу да свободу. Проклятые!

— Других в огонь, а сами с-издали.

— Разжигают, раздувают полымя. Оно их не опалит. Наши на угольях скачут, а Семенковых жаровня греет да ласкает.

— Поди, и рану-то по ошибке сделал. Норовил палец повредить аль плечо, где безвреднее, да и промахнулся.

— В царство небесное, жалко, не угадал. Оттягали от смерти. С нашими мужиками, небось, возня бы была недолга. В госпиталь сунули, в ранке поковыряли—и на упокой.

Анохин и Букин, угадавшие на фронт в первые мобилизации, возвратились только к этому времени. Они не узнали Устье-Угольского. Анохин долго со стыдом и

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralic.ru/

отвращением вспоминал, как рехнулась фабрика в четырнадцатом году. Рабочие вместе со становыми и урядниками ходили по Устье-Угольскому, орали гимн, таскали царские портреты и флаги, попы кропили рабочих после молебна на фабричном дворе святой водой, рабочие качали Семенкова и вынесли его на руках за ворота, восхищенные его тысячными взносами на войну. Казалось, погибло с корнем то дело, которым Анохин жил, которое не могло умереть, взлелеянное и выпестованное на крови. Оно было посрамлено и сметено.

Анохин сгорел от обиды и оскорбления. Он тоскливо сдерживал рабочих, старался высмеять их усердие. Они не понимали и подозрительно косились, присматривались— и в свою очередь возмущались Анохиным. Так, с флагами, с иконами, под ревущий скобелевский марш вперемежку с «Боже царя храни», рабочие отправили своих фабричных на войну. Анохин забился в теплушку, с отчаянием сел в угол, охватил голову руками и потрясенно ожидал, чтобы скорее увезли его от этого стыда и позора, от этого издевательства над ошалелыми провожатыми. Букин пьяно смеялся и кричал:

— Безмозглые! Ох ты! За смертью с музыкой! Играй нам «Барыню» аль «Ваньку-клюшника»!

Анохин понимал Букина, когда тот, накричавшись, заплакал.

— Володька!—шептал он в слезах Анохину.—Я, я подлец! Я носом ковырял землю! Я, я от тебя раньше бегивал! А никогда, а никогда мне попы морду маслом не мазали! Никогда я ума своего не терял до этого! Царя славят, негодяи! Ты подумай! О, подстроено! О, подрублено как ловко дерево! Зубатовщина наизнанку! Гапоновщина! Не один Гапон, а тысячи Гапонов и Зубатовых! Мне слезы глаза выворачивают, а сердце у меня как вымя раздулось!

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Лопнет оно от ярости! Подгнили мы, расщелялись мы— а в щель всё и уплывет!

С тоской и злобой сели они в окопы. Их гнали из боя в бой, от поражения к поражению.

Теперь, вернувшись, Анохин и Букин поняли, что за их отлучку снова просветлело на Рабанге, просветлело по-новому. Рабочие были непохожи на прежних. Точно им приставили новые головы. Народ осмелел, вольничал и открыто кричал, о чем шептались еще пока в армии. При первой же встрече Анохин и Букин услыхали заповедные бабьи жалобы. Анохин с восторгом, с наслаждением почувствовал, что неостановимое время сильнее и проще сделало то, в чем он усомнился два года назад и часто сомневался до приезда домой. Он радостно забыл безнадежные и трудные годы, даже был благодарен им,— через них опять вернулись в Анохина уверенность и сила. Он предчувствовал наступление того счастья, которого ожидал всю жизнь.

Бабы научились неистово и горячо ненавидеть, разбираться в вероломной и до сих пор нераспознаваемой жизни.

— В разной квашне мы взошли?

— У них опара белая, а у нас черная?

— В рот, что ль, по-разному забивают белый и черный хлеб?

— Всем одинаково нужно: что солдат, что офицер!

— Ишь, чего захотели,—весело подшучивал Анохин,— сравнили тоже, дуры, курную избу с фабрикой. Офицер царю пригодится и после войны. Погодите, как закомандует тот же Шеин на Угольском. Р-рота пли! И кончено. Пятый год забыли? Не он, так другой, такой же, командовал. А мы на что сгодимся? Сердце у нас шершавое к царю-батюшке, в кулак сжалось от любви к фабриканту, глаза

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralsu.ru/

за всем беленьким да чистеньким по-волчьи глядят. Мы им обуза. Уход за нами один: р-рота пли!

— Довольно! набили нам морду, в крови вся!

— До колен в крови хлюпаем!

— Вши тело себе наводят на нас. Кости обгладывают. Живодерню завели в каждой рубахе.

— Генералы да министры геройствуют за сто верст от войны. Патретики свои показывают на каждом углу.

— Царь на коне скачет по косточкам.

— Сестричек-шлюх наплодили для разглуски.

— Семенков лаком харю покрыл. Огребает—и бога славит.

— Гибель нам всем. Всыпают нам, кому не лень.

— Незачем нам помирать сдуру раньше срока.

— Метлой их поганой всех. Как листья сгребают в кучу.

— И запалить!

— От кого нам обороняться, от кого? От своих нам надо обороняться. Глаза им всем выдрать!

— Немец тут сбоку припёка. Немца на нас своя сволочь гонит. Делить нам с ним одни слезы. Больше нечего.

— Мы друг дружку в глаза не видали, а выходит—враги!

— Враги нам те, кого на спине своей катаем. Кого вызнали во всей их повадке. Кто у нас из роту ложку выхватывает, да говорит—не ешь, мое, не смей, выплески от меня останутся—и долижешь.

Голоса рабочих мешались с бабьими голосами в один не перестающий и негодующий рой. Он с каждым днем рос, становился слышнее. Он был на улицах, на базаре, в домах, на фабрике, в конторе, его несли по деревням, везли на пароходах, на баржах, на плотах, он гудел тысячами шмелей на сквозной через Заозерье железной дороге и как бы распирал вагоны.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralsc.ru/

— Чем больше нам всыплют, тем лучше,—зудил Анохин,—отчитываться им будет труднее.

— У царя в черепе мозгу мало, да ярости много.

— Мыслишку ему невеселую туда вогнать следует.

— Это им не пройдет. Только бы началось. Мы им вспомянем.

— Готовьте кутью.

— Подкрасить их с устатку. Покажется кровинка где и не надо.

— Будет. Колпачили—и наколпачились. Прокричали нам головы. Выдуло у нас хмель. Не облипнешь нас теперь ласковым словом. Не засидишь. Ровно мух на запах тянет.

— Из мундира вынуть их следует. Пускай нагишом скачут. В стойла их загнать плеткой.

— Решить войну! В спину нам бьют. Сперва задних надо разогнать.

— И немцам и нам—каждому дела много на дому: не терпит!

— Поутюжить их малость: наотдыхались!

— Посчитаться не обидно.

— За покойников им награду выдадим.

Всю осень набиралось все больше и больше мужиков в Заозерье. Они вместе с бабами, пренебрегая запретом, самовольничая, укрываясь от шмыгавшей полиции и воинских команд, старательно рыбачили на озере, втягивались в привычную крестьянскую работу, застревали в деревнях и просрочивали побывки. По всем волостям шли облавы, мужиков ловили и вывозили на позиции. Мужики бежали с дороги, запинались на остановках, отставали на перегрузках, на кормёжках, скакали с поездов, выбивались силой—и неудержимо тянулись в свои места. Накапливались рабочие в Устье-Угольском, на Уфтюге, на Шожме.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralsib.ru/

— И подогревать не надо,—сиял Анохин,—само действует.

Они кружились с Букиным среди рабочих, в деревнях. Их следы уже вынюхивала полиция. С октябрьскими заморозками, когда истек срок отпуска, они перебрались в Рабангский волок, привели туда фабричную молодятню и основались в старых медвежьих берлогах. Щедро, не жалея, наворотили они костры некупленного сосняку и елки, взрыли куражливую, лобастую, в корнях, лесную землю, выстлали норы валежником и прутом, обложили навесы теплым дерном и провели запутанные извилистые лесные окопы. Выходя на дорогу и подстерегая верных мужиков, кортомясь от них, вылезая по ночам в деревни, посылая гонцов на фабрики, они зорко следили за всей округой—и зимовали.

Война уже кончалась. Она дотлевала как брошенный костер в поле. Кругом костра была истоптана земля, раскидан сорный человечий послед, но люди уже уходили.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Какой-то крепкий, давнишний, неизменный уговор и обычай установился на Ленских приисках. Никто никого не расспрашивал, кто он, откуда пришел, звали друг друга по фамилиям—и этим довольствовались. Каждый подозревал другого и сторонился от него своим сокровенным. Словно близкие люди тянулись губами и, сведя их вместе, вдруг целовали друг друга в щеку.

Артем Кирчаков жалобно и слезливо пел. Любил ласкательные и уменьшительные слова. Он казался даже добрым. Свыше меры он был чувствителен к человеческой скуке. Оттого, даже когда не пил, в избе у него было весело и беспокойно. Вернувшись с работы, он пел, кричал,

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

забавлялся сам, забавлял других, потешал и потешался. Кирчаков был словоохотлив, как охотник, вернувшийся с удачной охоты.

— Человек—это штучка,—хитро подсмеивался он,—особливо русский человек. Должно быть, оттого, что в государстве нашем много родится редьки, луку, хрену и картошки. О, фрукты какие! С одного боку горчит, а с другого брюхо пучит. А когда горчит да пучит—веселья мало. Ох, и недовольный же русский человек, и кислый! Кислый, как квас. Али еще оттого он скучливый, что вся земелька наша в розгах. Три поры в розгах. Одну только она зеленая, кужлявится вениками—и не страшная. А то осень, зиму и весну, идешь ли, едешь ли, везде щетиной стоят на земле розги, розги и розги. Ей-ей, от этого самого—больно материалу много—дерут ребят, драли мужиков, и солдатушек раскладывают, по тюрьмам утешают буянов. Верю я в непроходимую глупость русского человека. Недовольный, каналья! Загадаю я вам загадку. В городе Трын-Трава жила сладкая вдова. Купила она трехэтажный дом, подняла на весь город трезвон. Наняла она себе швейцара и подобрала лошадей распрекрасную пару. Выбрала она себе мужа синеглазого—синеглазая сама была... Спрашивается... Угадайте, что спрашивается!

Приискатели и стряпки молчали. Кирчаков точно раскидывал пригоршнями смех, надувал щеки и подрагивал и подпрыгивал на месте.

— Да вот что спрашивается, друзья: какого же ей еще чорта надо? Русский, русский таков. Ему, как мертвому, ставь банки—не проймет. Ох, нетвердый он! Русаки мы, русаки, всё ищем, где бы благодать открылась! А ведь и хитрые и пакостливые. Переступить не можем ни через себя, ни через других. Смердит—и больше ничего. Никто и не знает, и сам он не знает, чего ему надо, чего он

Собрание им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

дожидается, и отчего не весело ему на свете. Закрытый он, запакованный. Верить ему на слово нельзя. Он говорит глупенькое, а думает умненькое.

— Тебе никто и не верит,—перебивали стряпки со смехом.

— Сам себе я верю,—твердил Кирчков насмешливо,— а это пупик всего, ежели человек в себя верит. Ты вот нашел норку лисицы. Она своей, подлюга, не делает. Отыщет барсучью, напакостит в нее, барсуку-чистюле это не по характеру, он из норы долой, а лиса ее и захватит. Ежли ты ее возымел охотку живой взять— берегись! Дыру ты ей забей камнем, бревном, железом,— уйдет, раскопает и подкопает. Ты за помогой пошел, а она в лес. Супротив ее ничего нет. А ты так смекни: возле норки на виду клади шапку али рукавицы. Твоя и будет. Сдохнет, а через человечий знак не переступит. Выглянет—и на понятную. О, замочек какой! Ну, не дура ли после этого? И мы все такие же лисаньки. Думаем умненькое, а делаем глупенькое. От ржавчины это в нас, от горечи, от розог...

Кирчаков напивался, буйствовал, дрался со своей стряпкой, изнеможенно, не владея ни руками ни ногами, что-то бормотал, кому-то грозил, выкрикивал какие-то отдельные слова,—но глаза его никогда не смотрели на человека, а где-то копошились внутри под бровями, занятые своим собственным делом. Только все и понимали в Кирчакове, что было ему лет шестьдесят, а ядрен он был как тридцатилетний!

Кирчаков растроганно и счастливо встречал каждую весну. Он вдруг заявлял расчет на приисках, бросал свою избу и куда-то уходил в горы. Возвращался он оборванный, исхудалый, униженно просился на прииск, не отходил от конторы, покуда его не брали, а добившись приема, праздновал

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uralsib.ru/

возвращение трехдневным неукротимым и гремучим пьянством. Кирчаков, пряча свои глазки, ревел на весь поселок:

— Эй, подходи, подходи скорее! Кирчаков угощает! Всех, всех пою, не убудет, останется, на всех хватит!

Около него подбиралась ватага приискателей.

— Самородок нашел!—восторженно шептались стряпки и заигрывали с ним.

— Каждый год по самородку находит!—завидовали неудачники.—Место знает. Россыпи открыл—и не говорит. Вымывает для одного себя. Молчит, молчит, прибедняется—и сразу грянет в хозяева!

У Кирчакова не выпытывали о заповедном и таинственном прииске, наполненном самородками. Мечта о самородках была всеобщей, томительной и сладчайшей. Счастливцам завидовали, но не любили их. Кирчаков гулял. Каждую ночь он ночевал у разных стряпок—и, наконец, проспавшись у последней, вваливался в свою избу и с порога звонко, оглушая, взывал:

— Законная! Отгуляно! Топи баню! Пойдем париться!

По зимам у Кирчакова заводились закадычные друзья, дневали и ночевали с ним.

— Вот я, братики, открою вам,—трепеща от восторга, точно разглядывая перед собой ни для кого не видимое, кроме него, чудо, шептал в шинке Кирчаков,—лист первый прозябнет, журавль курлыкнет, зелень новосельная прокрапит земельку,—и пойдем, пойдем... Я вас доведу, доведу! Монументик мне из золота поставят! Я, милашечки, глазом своим просверлил в одной горке такое... Золотые палаты! Уговор: меня не обижать, мне поболе, вам помене!

Кирчакова угощали и обласкивали. Всю зиму он пил на чужие.

ОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralweb.ru/

Друзья собирали мешки. Все вместе рассчитывались на прииске. В ночь Кирчаков уходил один. За ним гнались, его настигали, выслеживали. Кирчаков, словно не замечая погони, шел впереди, у всех на глазах, а потом внезапно исчезал—и снова появлялся только осенью.

За лето забывалась злоба. Кирчаков покаянно твердил:

— Жалко, дружочки, стало мне укрытия моего. Думаю, надо проверить. Точно ли вы други мне? Привести вас приведу, а ну как золото мне одному открывается? А ну как оно в землю уйдет при народе? Что мне тогда от вас будет? Кому я барыш сделаю? Теперь сверено. Парень один набрел на усторонье мое... Нет, ничего, золото доброе—не пошевелилось. Парень только отчего-то зачах: пришлось его закопать...

— Кончил?—смеялись друзья.

— Нет, зачем человека решать. Он сам помер. Где уж мне, меня бы кто не обидел да пожалел!—скромно и жалостливо к себе выговаривал Кирчаков.

Каждый год он выдумывал всё новые и новые отговорки. Он обещал хозяину открыть прииск, торговался с ним, продавал, брал задаток—и возвращал его.

В последнюю осень перед войной Кирчаков не сдобровал. Он вернулся, прогулял одну ночь—и его зарезали недалеко от избы. Кто-то спугнул убийц. Они не успели снять с него штаны. На поясу у Кирчакова, вспоров, нашли четыре фунта золота. Золото лежало как в пантронташе, в бумажных патронах. Условные значки, стоявшие на каждом патроне, понятные одному Кирчакову, теперь были не нужны. Кирчаковский прииск остался неоткрытым.

Паспорт, который получил от Анохина Загороднов, был на имя Василия Васильевича Тетерникова. Паспорт прослужил

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

несколько тревожных и опасливых лет. Потом пришлось часто менять паспорта. Загороднов иногда путал свое имя. Но он неизменно, выбрившись наголо еще у старушки, где ночевал после бегства из Заозерья, не позволял вырастать волосам. Жизнь выдалась непоседливая и егозливая. Он переходил из города в город—и надолго не оседал. Не имея ничего, отягощающего его путь, он сразу взмывался на своих проворных ногах, не оглядывался и уверенно переходил на новое место. Он вынужден был не выбирать работы. Он делал всё, что приходилось. Он научился управлять своим крутым нравом. Жизнь научила его быть приметливым на каждый дозираючий и не совсем раскрытый глаз. Скользнув по всякому другому глазу, он умел различать его благодушный, спокойный и самоуглубленный блеск. Не было нужды на нем останавливаться. Но Загороднов из целой суматошливой и сбитой россыпи глаз на бегущих улицах, в давке, в трамваях, на углах, на поворотах, находил, вырывал и как бы подхватывал на лету вражеский уголь. Загороднов научился быть поворотливым. Уголь не успевал раздуться, как Загороднов терялся и пропадал. Он будто прошмыгивал между ног, извивался неуловимым и ловким зверем, толкался и шнырял во все стороны. Хватающие руки загребали подброшенных оборотнем благонамеренных прохожих, глаза бешено и одураченно всё еще искали ускакавшего Загороднова и злобно опускались. Загороднов не давался. Поселившись в городке, он уже запасался явкой в другой городок, был всегда настороже и наготове. Он перебывал всюду. Забредя в своих странствованиях в Донецкий бассейн, он столкнулся с Осташкиным, также выбитым из жизни после тюрьмы и шатавшимся по России. Они соединились.

На десятый год, уходя от преследований, они пробрались в Сибирь и застряли на Ленских приисках.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralsib.ru/

— Тут нам и пристань,—сказал устало Загороднов,— конец навигации. Больше я не бегун. Приза мне не взять. Можно сказать, сами мы в Сибирь пришли. Поймают—не далеко переправлять нас к товарищам. Да не поймают. Здесь народ отборный. За каждым позади темновато.

Они поселились в избе у старого приискателя Артема Кирчакова и понемногу вошли в приисковую жизнь. Загороднов назвался Тюфейкиным, а Осташкин—Коленкиным.

Тут они прожили два года. Кирчаков дружил с ними, как и с прочими приисковыми рабочими, они чаще видели его пьяным, чаще разговаривали и радовались на его бесшабашно радостное прыгучее веселье. Но они знали и понимали его не больше других. На приисках было много похожих на него рабочих, так же неуловимо хоронившихся в себе.

Приглядевшись, Загороднов и Осташкин увидели, что жадная и соблазнительная мечта рабочих-приискателей о самородках была тем же влечением к счастью, какого им недоставало, тем же стремлением от не удовлетворявшей их жизни к какой-то неясной, другой и новой. Находя самородки, они пропивали их, вырывались из приисковой жизни, словно чувствовали себя красивее, умнее и сильнее. И за этим неуверенным, коротким счастьем опять приходила прежняя, унылая и надсадная жизнь. Не работали, когда спали, кутались в отрепья, забирали в конторе под будущие счастливые находки. И, поняв это, Загороднов и Осташкин забыли о своей усталости. Понемногу из молодых рабочих подобралась смелая и крепкая артель. Работа пошла. Прииск начал бастовать. Первый раз на прииске мелькнул красный флаг у конторы...

Смерть Кирчакова помешала. Сожителей Кирчакова заподозрили в убийстве. Загороднов и Осташков сели в тюрьму. Убийц нашли. Убили Кирчакова две стряпки и

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

последние друзья его, которых он обманул весной, уйдя один в горы к своему таинственному прииску. Тюфейкин и Коленкин были оправданы. Но пошли на каторгу Загороднов и Осташкин, открытые в их безвестных странствованиях.

Каторжные годы без конца и начала, будто замерев в душе, тягуче сочились с мокрых стен камер. Жизнь медленно, незаметно заглыхала.

В то время как Анохин обстраивался в Рабангском волоку, на каторге всю осень привыкали к новому начальнику Пустовалову.

— А, вам тут льгот надавали мои предшественники!— кричал он, выстраивая политических.—Отменяю! За малейшее возражение карцер! Лишаю вас прогулок! Никаких передач! К окнам не подходить! Конвойным дан приказ стрелять по окнам! Знайте—вы находитесь на каторге, а не под домашним арестом! Ва-а-с тут берегли. Гноить вас надо! Цареубийцы! Негодяи!

А когда политические объявили голодовку, они были наказаны розгами.

Загороднов не выдержал. Пустовалов, усмирив бунт, торжествуя, обходил камеры. Загороднов кинулся на него— и со всей силы пнул его в живот.

Загороднова казнили.

Пустовалов получил награду и повышение по службе. Его перевели в другую, более населённую тюрьму.

Заместитель Пустовалова, знакомясь с политическими, резко и угрожающе шумел:

— Так знайте, я мятежа не потерплю! Я солдат. Я исполняю волю государя императора, а вы обязаны исполнять мою волю! У меня одно: раз сказано—значит, исполнено! Не вы надо мной, а я над вами! По-нят-н-о-о?

Драная, растерзанная и подавленная каторга уныло смирилась.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Сергей Еремин до смерти отца не жил дома. Он похоронил Александру—и в тот же день ушел. Он прослужил несколько лет чернорабочим в Устье-Угольском. Тут, свыкшись с новой своей жизнью, он связался с кружком Анохина.

Сергей переживал такое отчуждение к отцу, к дому, к своей деревне, что когда отец незадолго до войны умер, Сергей раздумывал и не сразу бросил фабрику. Но деревня одолела.

Дружба с Анохиным продолжалась. Анохин стал бывать у Сергея, в лепаковской избе, у Павла, у Платона Кутькова. За Анохиным пришли другие. Фабричные зачастили. С тех пор и у мужиков был свой укромный угол в Устье-Угольском.

Енька возила в город продавать хлеб, ягоды, грибы, ездила за покупками. И в городе завелись знакомые. Они ее встречали на въездной улице в город. Она приворачивала, торгуя с воза, к условленным местам. На воз, будто роясь в грибах и ягодах или пересыпая на пробу рожь, совали маленькую бумажную поклажу. В забастовочные и праздничные рабочие дни Енька привозила в деревню попутчиков. Никандр на лодке переправлял их в Устье-Угольское. Приходили ночевальщики и сами.

За войну накопились в горнице кому-то непригодившиеся германские и японские винтовки, берданы, пулеметные ленты, револьверы, патронташи. То наоставляли проходящие и ночевавшие люди.

Енька из города вывезла продолговатый ящик и, не раскупоривая, вместе с Аннушкой, они через силу ночью переволокли его на санках за гуменники. Там были картофельные ямы. Одну из ям раньше выбрали, и спустив в нее ящик стояком, завалили сверху навозом.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralweb.ru/

Сергей Еремин возвратился с фронта после Павла и Никандра. Те уже обжились дома и успели за осень отвыкнуть от войны.

— Глазом косим, Серёга,—засмеялся Никандр, встречая его,—мы с Павлом надумали погостить. Ровно бы довольно сражаться. Аношка здесь. Был у Еньки. Жалел нас и ругал тебя, тихоню, больше всех... Больно ты, ратник, долго не шел. Угольские в Рабангском волоку спасаются. Монастырь там устроили. И мужиков немало набралось. Попов только недостает.

Павел недолго дулся на Настасью. Встреча с Ольгой поколебала его. Всё настойчивее и неотступнее следили глаза Настасьи за Павлом. Он, как-то вороша на дворе слежавшееся сено для лошади, прислушался к звону ведра за домом и выглянул в маленький проруб на задней стене. Настасья тихонько и вяло шла по снежной тропке к колодцу, леденевшему круглыми краями в конце огорода. Наклонившись глубоко в колодец, она зачерпнула воды.

Вдруг Павел с мгновенной болью в сердце испугался и едва не крикнул. Ему показалось, что Настасья слишком долго зачем-то не разгибалась и точно разглядывала темный колодезный прогнивший сруб. Настасья застыла и не шевелилась у колодца, Павел застыл и вытянулся у проруба. Когда, наконец, Настасья как-то пугливо отстранилась и подалась назад, сразу отлегло. Павел, не отрываясь, продолжал смотреть на нее.

Настасья стояла к нему широкой, гладко обтянутой платьем, спиной. Простоволосая, маленькая, крутоплечая, крепкая, она была похожа на древнюю каменную бабу, лежавшую в юровском поле у дороги. Мужики часто собирались около этой бабы, выходя в косьбу на дележку оврагов, сидели на ней, а пастухи спали в полдень. Павел почему-то вспомнил, глядя на Настасью, об этой никогда раньше

Собрание им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

не вспоминаемой бабе. Сравнение это ему было приятно. Он первый раз за протекшие от первой встречи с Настасьей недели подумал о ней без злобы. Будто рассеялась горестная и унылая муть, которая бродила внутри его это время. Павлу представилось, что он смотрел жадно и знакомо на свою прежнюю, близкую и нужную ему Настасью. Глаза привязчиво не отрывались.

Настасья стояла, согнув руки на груди и опустив низко голову. Она плакала. Голова ее подёргивалась, плечи чуть-чуть подымались, и руки тянулись к горлу. В Павле пробудилась жалость к ней и к себе и ко всему окружающему, к блеявшим под избой овцам, к помыкиванию коровы, дожидавшейся питья, к переступающей нетерпеливо лошади на назьму. Он не справился с прозревшими неожиданно чувствами. Павел застенчиво и освобожденно усмехнулся. Он как-то даже торопливо осудил себя, пожалел, что все эти недели провел рядом с Настасьей, как чужой. Настасья покорно и послушно жила в избе, словно сделалась еще меньше, хотела быть совсем незаметной, хотела заползти в щель, не мешать Павлу.

Он слепо глядел на свет и не заметил, как высунул руку на волю до кисти. Настасья точно почувствовала его взгляд, увидала руку в окне, сбилась с тропки, смутилась и неловко скользнула за угол.

Павел швырнул лошади сено, заглянул вниз на лошадиную голову и присел у дыры. Он, затаившись, проследил, как Настасья прошла в избу, выждал, покуда она в избе изготовила пойло корове, скрипнула дверями и спустилась на назем.

Он растерянно и неловко сошел за ней. Настасья испуганно и робко прижалась к стенке. Она, будто ожидая побоев, дико и безвыходно огляделась, поняла, что бежать ей было некуда, расплата за ее вину неумолимо застигла

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

ее... Настасья приниженно сжалась от его обхватывающей руки.

— Чего овцам во-время не даешь еды!—отводя от Настасьи глаза, хрипло и насмешливо сказал Павел.

Он обнял Настасью одной рукой, а другой отворил маленькую дверцу в подполье и растерянно продолжал:

— Покажи, сколь они без меня наягнились!

Настасья легко и радостно вздохнула.

— Павлуша!—прошептала она счастливо—и пролезла впереди Павла к овцам.

Только с этого дня Павел начал считать свою побывку в деревне: до того он словно всё еще был в дороге, издали видел свою избу и не мог приблизиться к ней. Побывки не хватило. Настоящая, довольная и полная жизнь была здесь, около Настасьи, около овец, телят и у лошадиных ясель. Позади были враждебные и гиблые и бездельные года. Они было разрушили его счастье. Павел остался сторожить и оберегать свое счастье.

— Али раздумывать станешь!—сказал Павел, хлопая Сергея Еремина по спине.—Мяса наведешь, сидючи дома, и понесешь опять на жаркое? Там его с охоткой убавят. Мы с Никандром, брат, так поправились у женушек, на том свете нас надоест дожидаться. Нацеливайся!

Все озабоченно и грустно и сдержанно усмехнулись. Енька прикрикнула на мужа и Павла.

— Перестаньте зря калякать! Дайте ему свое время на воле отгулять, а там и зовите!

Сергей спокойно и твердо, как бы между разговором, отмахиваясь от малозначительного и понятного для него само собой дела, сказал:

— Не хочу я больше пять золотников от немца. Сподручнее на дому помирать. Аношку страсть охота повидать. Были у него, что ль?

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uralsib.ru/

— Нет, еще не были,—серьезно ответил Никандр,—мы пока тянем на дому. Так и с Анохиным договорились: тянуть до неминучей. Дорогу к нему торить нéпочто. Он придет сам—и проведет.

Сергей Еремин не захотел отстать от товарищей и не дожил до конца побывки.

В ноябре, только что миновала ползучая облава,—кто где убережся от нее,—ночью в лепаковскую избу прокрались Анохин и Букин. Их поджидали. По обоим концам деревни у отводов стояли на страже Настасья и Аннушка.

Как только они вошли, заиндевелые, оборванные, в солдатских рыжих полушубках, Анохин вполголоса зашумел:

— Принимай, братва, проводников на позиции! Фронт у нас против тетеревов да зайцев!

— А, чортушко!—обрадовался Никандр.—Думали, застигли тебя. Опоздал ты здорово, как давал знать!

— Мы наизготовке!—густо вмешался Павел.—Поджидаем. Глаза бабам надо новые покупать: старые на вас проглядели. Поджилки у баб трясутся, а вы где-то шляетесь.

Анохин и Букин наскоро покормились.

— Пора!—вставая и стоя прожевывая кусок, сказал Анохин.—Кормёжка кормёжкой, а надо убираться затемно. Мы на озере блуждали. Попались мужики-горшечники с возами. Мы труса дали, шарахнулись в сторону и едва-едва потом выбрели. Снегу навалило по брюхо. И прорубей боялись. Вешки-хворостинки занесло начисто. В Прокино завернем. Просились третьего дня пятеро. Нарочного мальчонка в Угольское посылали к нашему там сторожу. Ребят мы знаем. Собирай амуницию! Поди, смерзлись бабы-то у отводов!

Все заторопились. Енька запутывала на шее Никандра шарф и заправляла его за пазуху. Она одёргивала полушубок, что-то совала в карманы, подтягивала кушак...

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Охорашивай, охорашивай, Еня!—засмеялся, приветливо и дружелюбно обнимая ее за плечи, Анохин,—никудышный он, в хорошей избе в потолок упрется, весу на троих, силы—верхом на нем попеременно поедем. Охорашивай, закутывай, неровно простынет на ветру!

— Будет тебе!—застеснялся Никандр, с неудовольствием отстраняясь от Еньки.—Карманы у меня разбухли, будто я, маленький, яблоков в саду наворовал! Рядом ведь лесная изба. Привезешь, когда нужда схватит.

Енька засмеялась и обняла Никандра.

— О, житьишко!—разглядывая всех, грустно бурчал Букин.—Ровно на разбой излаживаемся!

— Обижаем царя-батюшку, да ничего не сделаешь,—бодрился и подбадривал мужиков Анохин.—Вас тут по деревням всех переловят. И так, дурни, долго сидели. У нас защита крепкая. Перезимуем. А летом благодать. Так и отсидимся от неволи. Всё скоро лопнет. Воевать мы не можем. Генералы из последних кишок вылезают.

Нагрузившись, чего только достало у Никандра и было снесено раньше от Павла и Сергея, все сторожко вышли из избы. У отвода, не задерживаясь, они простились с бабами—и быстро скрылись в мглистой пустоте поля.

С этой ночи Настасья и Енька изредка запрягали лошадей, точно ехали в город, завозили в Рабангский волок провизию. Из снежной запутанной заросли деревьев выскакивали на дорогу Павел с Никандром и Сергей, подхватывали узлы—и убегали.

Дезертиры скапливались всю зиму. Они зимовали в лесах на Рабанге, на Уфтюге, на Шожме... Как зверьё они крались по тропкам, по огородам, по закоулкам в свои избы, украдкой любили своих баб, украдкой ласкали детей, хватали кусок хлеба и, возвращаясь в свои норы, обходили

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

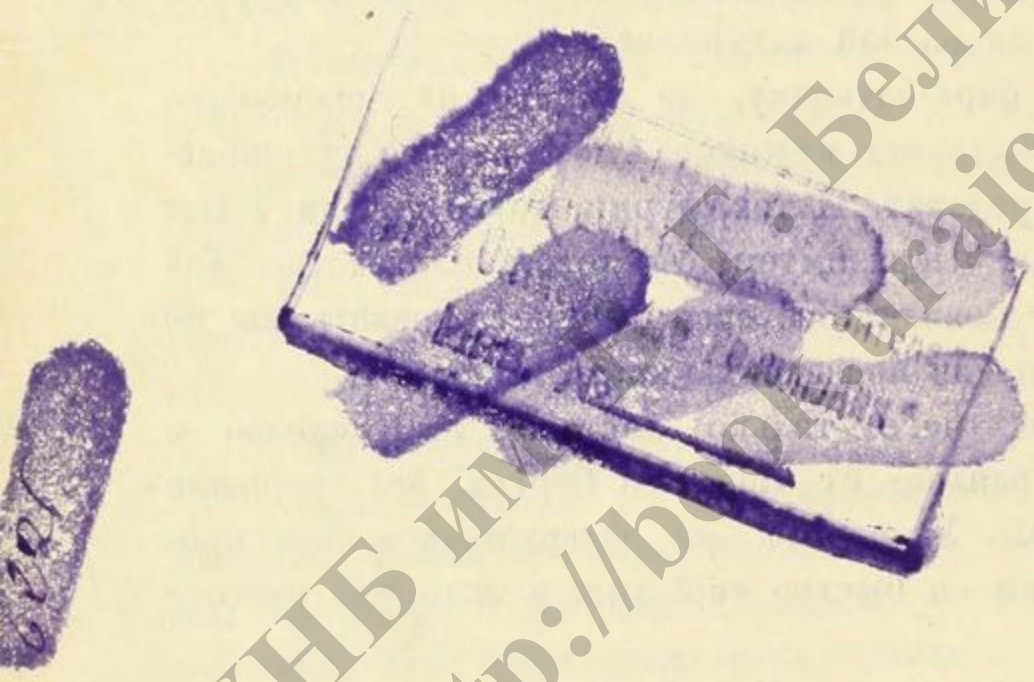
дозоры, посты, облавы, расставленные капканами по всему Заозерью.

. . . . . .

С первыми весенними днями они сразу, словно в один и тот же час, с криком, с шумом вывалились из лесов на открытые дороги—и начали расходиться во все стороны.

То были мартовские оттепели семнадцатого года.

Москва
1924—1928.



СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://bookinraic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

2 р. 25 к.

ЗиФ

http://book.uraic.ru/